

Татьяна Шмидко

ДЕЖАВЮ

Татьяна Шмидко

Дежавю

«Accent Graphics communications»

2013

УДК 821.161.1(477)-31
ББК 84(4Укр=Рос)6-44

Шмидко Т.

Дежавю / Т. Шмидко — «Accent Graphics communications», 2013

Читатель, следуя за героями романа «Дежа Вю», совершит незабываемое путешествие по странам и городам средневековой Европы, станет свидетелем зарождения любви между древнейшим вампиром на Земле и юной аристократкой, а также пройдет тропами жестокой войны между оборотнями и вампирами. Сложное хитросплетение судеб приведет к неожиданной развязке в современном мире, отразившись поразительно точной копией в судьбах представителей враждебных кланов. Роман рассчитан на широкий круг читателей.

УДК 821.161.1(477)-31
ББК 84(4Укр=Рос)6-44

© Шмидко Т., 2013
© Accent Graphics
communications, 2013

Содержание

Книга I	6
Книга II	90
Конец ознакомительного фрагмента.	95

Татьяна Шмидко

Дежавю

Спасибо моему любимому мужу, без которого не было бы этой истории и книги.

Большая благодарность Стефани Майер за прекрасную историю, которая разбудила во мне писателя.

Фантастический роман-эпопея

Книга I

Клан

Осень 2013 г., г. Сиэтл, Северо-западное побережье США

Старый байк ровно катился по влажной ночной дороге. Под колесами мелькали желтые пятна фонарей, а свежий запах дождя приятно дополнял вечернюю прохладу.

Рядом со мной ехало еще пятеро байкеров, которые под урчание моторов тоже наслаждались дорогой. Наша компания тихо приближалась к Сиэтлу, где в концертном холле через четыре часа должен начаться концерт популярной рок-группы. Но не он был нашей целью – мы катились по дорогам Северной Америки уже вторую неделю, объезжая все бары по дороге, стремясь попасть на самую крупную сходку байкеров Америки, которая пройдет под шумок фестиваля рок-музыки в Монтерее. Нам до него был всего один день пути от Сиэтла.

Было большой удачей то, что у нас получалось еще до фестиваля попасть на выступление этой рок-группы. Мы не успели купить билеты на концерт в Олимпии, а вот на концерт в Сиэтле их достать удалось. Сиэтл всегда был городом-портом со всей сопутствующей атрибутикой – рыбным рынком, грузовым портом, который топорщился стрелами кранов, барами и ремонтными доками. Вездесущие чайки перекрикивали металлический лязг порта и деловито парили над холодными водами бухты Эллиот, над которой возвышались белоснежные Олимпийские горы.

Прямо за мной ехал мой лучший друг, бывший банковский клерк среднего звена Сэм, который в данный момент искренне упивался тем, как ветер обвеивает его лицо, запутавшись в длинных пепельных волосах. Он уже пять минут как молчал – это было странно, обычно он орет какие-то песни, или просто издает победный клич команчей. Но, глядя на морской залив, который был слева по борту его мотоцикла, он сейчас подумывал о том, почему Гарри зажал

триста баксов, которые должен был отдать еще на прошлой неделе. Но простодушно решил, что тот просто забыл их вернуть, и затем с легким сердцем заорал:

– Вуху-у-у! – подняв сжатый кулак вверх. Мы повторили его жест и в шесть глоток повторили его крик. Кстати, сжатый кулак был символом нашей «банды». Странно, лет четыреста назад нас бы называли бродячими рыцарями и мы делали бы то же самое, что и сейчас – колесили по дорогам в поисках заработка, выпивки и приключений.

Гарри, который, кстати, был агентом ФБР под прикрытием, не отдавал деньги Сэму, потому что отдал их на экспертизу в криминалистический отдел. Их, наверное, уже протравили реактивами, постирали и высушили пару раз, но точно ничего не нашли. Я позаботился о том, чтобы в его руки попали купюры чище, чем чашка Петри после стерилизации. Гарри этого не знал, но его лицо время от времени посещала блаженная улыбка – он так и видел новые погоны на своих плечах и себя на месте зама начальника отдела по борьбе с преступными группировками. Мне до сих пор было непонятно, почему он выбрал именно нас? Моя банда была сборищем накачанных романтиков и забияк, но никакого отношения к преступному миру не имела. Ну, только чуть-чуть, если быть честными. Так что я на всяких случай подменил купюры, чтобы даже случайно не светиться с наркотой. Ее ни у кого не было – ее запах я чую за пару миль, и мы распрощались с парой человек за пристрастие к героину. Я ненавидел торговцев наркотиками и время от времени, тихо и без свидетелей, сворачивал шеи этим мерзавцам, особенно, если они специализировались на детях.

Мы тихо въехали в черту города и, заурчав моторами на холостом ходу, встали в первую пробку. Джо, как всегда, начал мечтать о том, чтобы проехаться по крышам скучных минивэнов, которые перегородили нам путь к набережной. Я улыбнулся и подумал, что сам бы не против так поступить – мы отчаянно опаздывали на концерт. А всему виной Хук – вчера он славно подрался в баре, и нам пришлось повозиться с бумагами и заплатить большой штраф в полицейском участке. Поэтому в Сиэтл приехали не утром, как планировали, а вечером.

Наконец-то зажегся зеленый свет светофора, и мы сорвались с места под опасливыми взглядами водителей, что было неудивительно – ведь байкеры имели репутацию нарушителей спокойствия в Америке. А для меня это был великолепный способ держать людей на расстоянии. Как всегда, это обеспечило нам «зеленый коридор» на шоссе, вот где порочная слава была жирным плюсом. Наконец-то удалось разогнаться до 80 миль в час, что было просто издевательством – это было как-то недостойно наших «Харлеев», потому что они могли развивать скорость в два раза большую!

– Чувствую себя, блин, скаутом на параде! – раздраженно заявил Хук, закипая все больше и больше. Его черная каска с рожками и так придавала ему звериный вид, но майка со Спанч-Бобом навевала сомнения в его звериной жестокости, которую он нам все время пытался показывать. Его Y-хромосома рвалась наружу, потому что в его рутинной жизни простым учителям истории запрещалось проявлять естественную агрессию. Наши поездки были эффективнее психотерапевтических сеансов, которые он посещал и которые не приносили ему успокоение. Вчера он с радостью заработал внушительный синяк под глазом, когда полез в драку в придорожном баре и стал спокойнее на пару атомных бомб. Хук создавал правильный антураж нашей банде. Остальные были простыми бездельниками, в компании которых было приятно проводить время. Единственные трудности возникали в солнечные дни – я не снимал шлема и перчаток, что вызывало массу шуточек. Для поддержания имиджа плохого парня пришлось наплести, что якобы скрываюсь от вездесущих камер наблюдения. Отчасти поэтому Гарри и появился в нашей компании. Такой легкий налет опасности развлекал меня, но как только я закончу здесь свои дела, то он «случайно» упадет на повороте и потеряет память, а все записывающие устройства выйдут из строя. Это будет печально, но это даст ему шанс начать жизнь заново и, может быть, он будет не такой задницей, как сейчас.

Уже была видна башня «Спейс Нидл», значит, мы уже подъезжаем к выставочному центру «Сиэтл центр», где должен состояться концерт рок-группы «Муза». Мы оказались не единственными байкерами, так что мы просто влились в поток машин и мотоциклов, которые наводнили автостоянку. Перед нами ехали парни из «Бандитос», которые выглядели устрашающе – накачанные латиносы в черном, с настороженными взглядами. Они находились в состоянии непрерывной войны с бандой «Хэлс Энджелс» и были на третьем месте в списке самых опасных группировок Америки. Меня с ними связывало недолгое знакомство, и на глаза им попадаться не хотелось по некоторым причинам.

Наконец-то мы въехали на территорию парковки «Сиэтл центр». В принципе, он был одним из самых высоких сооружений в городе, которое доминировало над низкими постройками одноэтажной набережной – излюбленным местом туристов и отдыхающих.

Не без труда удалось найти свободное место для наших «лошадок», и, после небольшой возни с парковочными талонами, мы прошли на территорию комплекса. На входе в «Сиэтл центр» нас придиричиво обыскали, даже переписали номера водительских прав. Это делалось на всякий случай, – для будущих полицейских протоколов, – если у Хука снесет башню, и он снова полезет в драку. Его синяк под глазом обещал неприятности. Я снял шлем и улыбнулся барышне средних лет в полицейской форме, отчего она покраснела и неуверенно улыбнулась в ответ. Ребята, как всегда, захохотали, отчего брови этой суровой женщины в форме заняли свое прежнее место – у переносицы.

Гарри практически заскулил от тоски, глядя на униформу и табельное оружие полицейских. Сэм, Молот, Каска, Гарри, Хук и я наконец-то прошли процедуру идентификации. У нас впереди было три часа свободного времени до начала концерта. Мы пошли по длинному подземному переходу, стремясь попасть в самое людное место – торговый центр, который располагался в подвале башни «Спейс нидл». Пора было пополнить запасы сигарет и перекусить.

– Эльф! – проревел знакомый голос у меня за спиной. Я развернулся, уже зная, кого увижу. Глава северного дивизиона банды «Бандитос» Энрике Сайрус, убийца и наркоторговец, шел ко мне в окружении своей свиты, радушно улыбаясь. Свирепые на вид латиносы, перекачанные, с характерными татуировками по всему телу внушали ужас всем, кто хоть немного был связан с миром байков. Эти ребята принадлежали к так называемому «одному проценту» любителей мотоциклов, из-за которых боялись остальных девяносто девять процентов мирных романтиков дороги. Они занимаются перевозкой и производством наркотиков, торговлей оружием, торговлей людьми и убийствами на заказ.

Энрике Сайрус мог собственноручно скормить провинившегося подчиненного своему тигру или держать рабынь под кайфом годами. Он годами устранял конкурентов по одному, осторожно двигаясь к власти, к заветной вершине преступного мира. И когда оказался наверху, то остался в полном одиночестве, в окружении молодых бандитов, которые сами не прочь стать на его место. Каждый из них мог в любой момент сделать то же, что и он когда-то – приставить к его голове пистолет и нажать на курок.

Он улыбался мне не просто так. Год назад меня угораздило спасти ему жизнь – вовремя оказаться около одного парня с заточкой, которую тот собирался метнуть в шею Сайруса. Я сделал это больше из эгоистичных целей – смерть главы банды станет началом войны между «Хэлл Анджелс» и «Бандитос», которые и так отчаянно друг друга ненавидели. А это повлечет обыски и аресты, может быть, даже появится пара трупов. Потом, конечно, снимут пару документальных фильмов из серии «Я – очевидец», потратят сотни миллионов долларов на исследования влияния выхлопных газов мотоцикла на уровень агрессивности байкеров. А какой-нибудь режиссер снимет фильм «Заточка» по следам нашумевшего дела с Николасом Кейджем и Джоном Траволтой в главных ролях, причем последний будет играть латиноса.

– Энрике, братан! – воскликнул я, радушно раскинув руки в стороны. Он подошел ко мне, и мы изобразили руками целый кордебалет жестов, который означал: «Я не под тобой,

ты не подо мной, мы с тобой одной крови, мы – братья». Это поднимало самооценку в глазах окружающих и служило психотерапевтическим методом для Энрике – он верил, что после такой клятвы никто не посмеет его пристрелить.

– Ну, как житуха? – пробасил он и улыбнулся. – Все так же бесцельно палишь бензин на автострадах?

– Ну, ты просто в корень зришь! – сказал я и рассмеялся.

Хук от напряжения даже потерял аппетит. Он знал о репутации «Бандитос» и был готов защитить меня от любой опасности. А еще он очень хотел снова с кем-нибудь подраться. Сэм же спокойно ждал, когда мы перетрем последние новости и наконец-то пойдем ужинать. Он знал, что волноваться не стоит – Сайрус и пальцем не тронет своего спасителя. Молот молча переводил взгляд с одного охранника Сайруса на другого и прикидывал, как лучше их вырубить. Каска, наш самый молодой «кулак», грозно рассматривал «бандитос» из-под лба, стараясь показать, что не струсил.

– Парни, вы постойте тут, – сказал Сайрус и кивнул головой своему окружению, которые остались молча стоять напротив моих ребят, стараясь уничтожить их взглядами посреди опустевшего коридора. Мы отошли в сторону, и Гарри чуть из кожи не вылез, стараясь услышать, что мы говорим. Но его взгляд цепко держал татуированный верзила, которого было опасно злить.

Мы отошли на приличное расстояние, и Сайрус спросил:

– Ну, как твой фэбээровец, скучает? – спросил он лениво. То, что в моей банде был стукач, знали все, кроме Хука. Гарри строил из себя крутого парня, но мы просто развлекались – роняли возле него многозначительные фразы, шептались и делали вид, что что-то замысливаем. Он тайно строчил доклады и волновался.

– Да мы не даем ему скучать. Мои парни глумятся над ним как могут! – сказал я, начиная раздражаться. Эта случайная встреча слегка нарушала мои планы, но деваться было некуда. – Правда, все время посылаем по ложному следу, но он надежды не теряет.

Сайрус понимающе кивнул головой.

– А хочешь, наконец-то, делать реальные вещи, а не тупо резину жечь? Можешь крутые бабки поднять, уважение заработаешь... – начал, было, он снова. Каждый раз, когда я его вижу, он снова и снова заводит эту тему. Пока что вежливо, но я видел, что его терпение не бесконечное, и он скоро перейдет к попыткам подкупить или запугать меня.

– Я благодарю за предложение, но вряд ли. Мне неприятности с законом не нужны. Да и ребята мои против. Они не готовы бросить привычную жизнь, – сказал я, пытаюсь найти в его глазах понимание, но они только потемнели от отказа, как я и предполагал. Он насупил брови и недовольно затоптался на месте, потому что не привык к отказам. Низкий порог терпения – главный признак преступников всех мастей.

– Я тебе в последний раз предлагаю. Ты подумай хорошо, – сказал почти речитативом Сайрус, – подумай хорошо, чувак! – И, не дождавшись ответа, с мрачным видом пошел в сторону своих ребят. Он спал и видел меня в своей охране, потому что был уверен – я смогу его защитить и не буду рваться к власти. Знал бы он, чего просит...

Я вздохнул и подошел к ребятам, которые с чувством глубокого удовлетворения наблюдали удаляющиеся спины в кожаных безрукавках с логотипом «Бандитос».

Молот лучше всех подытожил результат нашей встречи:

– Редкое хулиганье... Пива бы.

Мы пошли в противоположную сторону, пока не заметили большой рекламный плакат ресторана «Звездный путь». Звучало многообещающе.

– Ну что, перекинем по стаканчику перед концертом? – воодушевленно спросил Молот.

Можно было и не спрашивать, у всех во рту с утра маковой росинки не было, так что пора было хорошо выпить и закусить. Наша компания под пристальным вниманием охраны

отправилась на «минус третий» этаж, где, судя по запаху, все жарили на маргарине. Вообще, посещение любого кафе или ресторана было просто пыткой для меня. Симулировать процесс еды я научился давно, но вот спокойно переносить жуткое смешение запахов кухни было невероятно трудно. Я переставал дышать на пороге подобных заведений и только это позволяло в них находиться.

Пока мы спускались вниз по центральной лестнице торгово-развлекательного центра, то успели перепугать пару мамочек с маленькими детьми, потому что Хук обожал ребячню, отчего всегда старался радостно им улыбнуться. А когда не хватает одного переднего зуба, синяк под глазом, лицо бородато и брутально, то его попытки поделиться позитивом с малышкой заканчивались бурными детскими слезами. Этот здоровяк всегда искренне расстраивался и потом ходил смурной.

Девушка, одетая в костюм французской фрейлины 18-го века, на входе в ресторан вручала посетителям какие-то пригласительные. На них было написано «Выставка произведений искусства 18-го века. Музей изобразительного искусства города Сиэтл, 3-й этаж». Она смело улыбнулась и вручила Сэму пригласительный, который, прочитав содержание, отдал его мне со словами:

– Эльф, это по твоей части!

Его же больше интересовал бифштекс и интригующая мушка на щеке девушки.

– Приходите, вам понравится! – бойко сказала она, решив, что мы ни за что не пойдем – не тот контингент, но глазки построить все равно стоит – ради поднятия самооценки.

– Вы просто обворожительны! – сказал Сэм, вдруг поцеловав ее изящную ручку. Как всегда это сработало: ее сердце забилося сильнее, а зрачки расширились. Сэм пристально посмотрел ей в глаза, ожидая ее ответного хода. Но девушка замешкалась и, не найдя что сказать, в ответ просто протянула ему пару пригласительных.

– Еще совсем зеленая! – вздохнул Сэм и первым зашел в «Звездный путь».

Парни разглядывали обстановку этого заведения с немой восхищением: какому-то гениальному дизайнеру пришло в голову оформить помещение в стиле сериала «Star Trek». Футуристические столики и стулья из прозрачного пластика на фоне оранжевых стен из плексигласа смотрелись довольно хорошо. Мигающие загадочным тиком лампочки имитировали на стенах тревожную обстановку открытого космоса.

Напитки, конечно же, подавались в футуристических колбах, а греческий салат на прозрачной тарелке выглядел как результат удачного эксперимента.

Администратор, одетый как доктор Спок из сериала «Стар трек», взметнул вверх нарисованные черные брови вразлет, когда увидел шестерых немытых байкеров на пороге своего футуристического ресторана.

Его жизненный опыт подсказывал, что мы перепутали сие высокое заведение со стрип-баром. Поэтому он стремительно подошел к нам и сказал скороговоркой:

– Рады видеть вас в ресторане «Звездный путь»!

Вам подсказать ближайшее заведение массового питания? Боюсь, что вы неверно поняли направление нашего ресторана...

– Здоровья и процветания! – сказал Гарри, вскинув руку с раздвинутыми пальцами, как это делал в фильме настоящий доктор Спок.

– Нам бы пожрать и выпить, если, конечно же, в концепцию вашего заведения входит кормление уставших и голодных, да к тому же очень злых людей.

Хук многозначительно отодвинул стул от столика администратора на входе и приподнял его, словно прикидывая его вес. Доктор Спок намек понял и сказал:

– Могу предложить вам столик у окна, – и живенько унесся в том направлении. Мы пошли за ним, ловя удивленные взгляды немногочисленных посетителей ресторана.

Усевшись за стол, Каска сказал восхищенно, проведя рукой по столу:

– Эх, красота!

Он вообще всему умилялся и восторгался, словно только вчера вылутился на свет.

– Да уж... – сказал Молот, рассматривая через плечо ассортимент бара.

Чернокожая официантка, пытающаяся затмить Охуру количеством и качеством завитков в причёске, принесла нам меню. Мы изучали его недолго, после чего выяснилось, что нам: первую, вторую и пятую страницы и пиво.

«Охура» убежала на кухню, неся новость жадным на сплетни поварам, что сегодня, может быть, случится драка, если они, как следует, не постараются. Те намек поняли и принялись быстро выполнять заказ.

Себе я заказал картошку фри, салат и жареную телятину. Все равно есть не буду, только делать вид, что ем. Сегодня было время проигратся, так что приступ язвенной болезни разыгрывать не буду, начну шоу, когда еда исчезает с вилки до того, как я стану ее жевать, где-то на полпути между тарелкой и зубами. На мое счастье, люди считали неприличным разглядывать другого человека, когда тот ест. Сегодня я буду прятать человеческую еду в вазу около столика. Пока нам несли заказ, мы болтали про всякую чушь, а я то и дело поглядывал на приглашенный билет на выставку. Вдруг захотелось снова побывать в атмосфере 18-го века. Это был прогрессивный и богатый на кровопролития век. Но какой же элегантный и красивый! Предметы изобразительного искусства, в частности гравюры и живопись, были просто безупречны, а музыка, а стихи! Архитектура и одежда были величественными, а люди – одухотворенными и прекрасными в своих заблуждениях. Эх, красивое было время!

– Парни, я бы хотел все-таки сходить на выставку, – сказал я, помахивая приглашительным. В ответ я услышал нестройное мычание. Хук закатил глаза и спросил:

– Эльф, ну скажи мне, как такому мужику, как ты, могут нравиться такие финтифлюшки? Я не понимаю! – сказал он, расстроено подперев рукой голову. Он хорошо помнил меня в драке и искренне не понимал моей тяги к прекрасному. Можно сказать, у него начинался от этого когнитивный диссонанс. Но Сэм, как всегда, выручил меня:

– Да там просто такие телки на картинах, ты бы видел!

– Телки? – воодушевленно спросил Хук.

– Да. Но размером с бензовоз! – вмешался Гарри.

– Ну, у каждого свои предпочтения, – сказал Молот, отчего Гарри притих – все знали его тягу к молоденьким мулаткам.

– Эльф, так что там латинос хотел? – спросил вдруг Гарри.

Решил спросить о главном, пока я думаю о прекрасном. Ну-ну!

– Как обычно, склонял к преступной деятельности. Предлагал дурь возить, но я, как всегда, отказался.

– А чего отказал? Деньжат бы подзаработал... – ответил мой фэбээровский друг.

– Да, Эльф, чего отказываться? – начал Молот, желая подтрунить над Гарри. – Ты мог бы в колесах возить, как все... А потом и оружие можно перевозить. Вот один мой друг... – сказал он и вдруг «поперхнулся» водой.

От досады Гарри чуть не расплакался. Ему очень нужно было хоть какая-то оперативная информация для отчета. Молот прокашлялся и сказал: – А, впрочем, ну эти разговоры! Мне не по себе от общения с этими тварями! Как их только земля носит?

– Вот и я такого же мнения. Так со мной кто-нибудь на выставку пойдет? – спросил я снова, желая завернуть разговор в другое русло.

– Телки, говоришь? – спросил Хук, многозначительно взмахнув бровями.

– В основном, слегка одетые... – с видом заговорщика прошептал Сэм.

– Хм, я, пожалуй, схожу... только сначала поем, как следует! – ответил Хук, поглядывая с надеждой на кухонные двери. Оттуда как раз бодро выпорхнула кучерявая «Охура» с ассортиментом первой страницы меню. Она быстро расставила все на столе и так же стремительно

снова исчезла в жаркой кухне. Она решила, что безопаснее отсиживаться там и строить планы мести администратору ресторана, который посадил «банду убийц» именно за ее столик. Пока что она остановилась на жгучем перце, который завтра насыплет в его утренний кофе.

Я принялся совать в рот вилку с салатом, который быстро прятал в вазе, как и планировал. Парни налетели на закуски – они исчезали с тарелок с угрожающей скоростью.

Потом Охура порадовала нас всеми остальными блюдами, которые так же стремительно исчезли с тарелок. Сытые и довольные, байкеры были безопасны, как любые мужчины. Официантка прекрасно это знала и появилась около нашего столика с неземной улыбкой на лице и счетом в руке. Мы молча сбросились по сотне баксов и, не требуя сдачи, встали из-за стола. Охура облегченно вздохнула, довольная чаевыми. Администратор «Звездного пути», видя нас, удаляющихся из зала ресторана, решил сегодня поставить свечку в местном соборе в благодарность за неиспорченный интерьер ресторана. И каково же было его удивление, когда вся наша компания направилась не к выходу, а в бар. Парни расселись у стойки, но я не хотел терять ни минуты.

– Хук, так ты идешь? А ты, Сэм? – спросил я.

– А как же виски?

– А после концерта слабо?

– Лады. Парни, вы тут зависайте, а мы пробежимся и посмотрим на голых баб! – последние слова он громко выкрикнул, отчего в ресторане тут же стало тихо. Десятки возмущенных взглядов сверлили наши удаляющиеся спины.

На входе в музей нас встретил пожилой мужчина в твидовом костюме-тройке, который, казалось, сейчас потеряет свою вставную челюсть от удивления. Одинокие женщины и коллекционеры прекрасного были его публикой, но не байкеры, так уж точно!

– Нам три билета и каталог, пожалуйста! – сказал я.

– Да, да! Конечно, молодые люди, конечно! – сказал он. – У нас сейчас проходит выставка...

– Искусства средневековой Европы 14 – 16-х веков. Судя по каталогу, у вас представлены голландцы, испанцы и представители французской школы...

– Ну, пугай меня, брат, – сказал шепотом Хук, снимая со своей лохматой головы рогатый шлем, пригладив кудри огромной пятерней. На пороге музея он почувствовал себя, как в воскресной школе, то есть преисполнился благоговения и дал себе клятвенное обещание не шкодить.

– Хотя фламандцы представлены слабо, – закончил я и добавил: – Вы не возражаете, если мы начнем с них?

Удивленный старик только кивнул головой и показал пальцем на конец экспозиции.

Сэм с видом ценителя искусства шел по светлому и просторному залу, надеясь увидеть хоть одну голую женщину. Хук шел за ним, надеясь на то же.

Мы разбрелись по разным углам – Сэм нашел искомое, а Хук увидел симпатичную картину с бутылкой вина и свежей рыбой. Не знаю почему, но ему это понравилось. Он диву давался, что так натуралистично нарисовано, даже снова захотелось выпить.

Я же побрел в зал, где были выставлены редчайшие картины древних испанцев, которые были большой редкостью – ведь сохранилось немного картин того периода. Сэм подошел ко мне и спросил:

– Ну почему на картинах либо кто-то умирает, либо страдает? Женщины бледные, как моль, не на что посмотреть!

«Видел бы ты испанок того времени, друг мой!» – подумал я про себя, а вслух сказал:

– Ну, понимаешь, рисовали по канону, тем более, что рисовать-то только учились. Мне кажется, что если бы тогда существовали фотоаппараты, и можно было сфотографировать женщин того времени, то ты бы изменил свое мнение.

– Ну, не знаю... – сказал Сэм и пошел бродить по экспозиции.

А я остался стоять перед картиной Бермеджо «Иисус ведет патриархов в рай» и думал о том, что художник хорошо передал дух той эпохи. То было темное, полное страхов и напряжения время. Люди жили в неуверенности в завтрашнем дне, стараясь выполнить все немислимые рекомендации по соблюдению праведной жизни, чтобы попасть в рай. И совсем не знали, что это бесполезно – ведь Бог никогда не давал такого списка требований к людям. Все намного проще – «веруй во Христа и спасешься». Но люди из корыстных целей превратили простое и светлое учение Христа в ужасную ношу, которая делала жизнь человека просто немислимо тяжелой. Ведь требовать святости и праведности от тех, кто дать этого не может, – значит, заранее обрекать их на страдания.

Я рассматривал женские лица на картине, старательно пытаясь не вспоминать одно очень дорогое мне лицо. Почему-то я вдохнул запах картины, надеясь ощутить ароматы того времени – холст пах рыбьим жиром, засохшим медом, канифолью и еще чем-то очень знакомым... Но тут в нос ударил удушливый запах мокрой псины! Он был смешан с едва уловимым запахом вампира, который мне показался очень знакомым... Не веря себе, я снова принялся к картине. Нет, цветочные ароматы исходили не от нее. Это был запах живого человека, но в нем было еще что-то от запаха бессмертных. Такого я еще ни разу в жизни не встречал!

Тяжелый аромат оборотня уходил в соседний зал, где были выставлены картины фламанских мастеров. Недолго думая, я пошел туда, по дороге стараясь «прослушать» ментальные голоса посетителей выставки. Но, судя по мысленным диалогам, кроме нас, посетителей больше не было. Значит, аромат тянулся из следующего помещения. Поэтому я покойно зашел в зал, где, к моему величайшему удивлению находились двое – молодая девушка и парень. Невысокой девушке на вид было лет семнадцать, не больше, ее идеальная фигура и бледная кожа указывала на принадлежность к вампирам, но ее сердце билось, причем не как у людей, а лишь изредка! А кожа отражала свет мощных ламп едва различимыми бликами! Она была не человеком, но и не вампиром, странная помесь двух видов! Я даже закрыл и снова открыл глаза, думая, что это просто галлюцинация. Не помогло – она была реальна! Парень же около нее был однозначно оборотнем – высокий, мускулистый брюнет с растрепанными волосами. Они были одеты в дорогую одежду, которая только выглядела обычной – винтажное платье и пиджак у девушки, а также удобная обувь, а парень – в дизайнерских джинсах и белой футболке. На ногах тоже обувь для бега. Бензином они не пахли, значит, либо прибежали сюда из окрестных территорий, либо живут в Сиэтле. Я постарался прочесть их мысли, но что-то не давало мне это сделать, словно они были в коконе, не пропускавшем наружу ни одной мысли.

Терпение парня было на пределе – он стоял рядом с картиной, которую рассматривала девушка, и начал шутливо биться головой о стену, причитая:

– Зачем, зачем я согласился сюда зайти? Ну что тебе в этих картинах, а? Нет, повелся же на твои фирменные глазки! «Брукс, ну, миленький! Всего на пять минут, я обещаю!» – сказал он писклявым голосом, копируя голос девушки.

– Мог бы и снаружи остаться, – ответила та приятным низким голосом, практически носом касаясь полотна. Что она там рассматривала – было известно только ей. Она восхищенно произнесла: – Потрясающе!

– Опять! Нет! Даже слушать не хочу! Все нормальные люди сидят себе в кафе и едят пиццу, а я стою здесь, как последний болван! – ответил он, чуть не плача, при этом эмоционально жестикулируя руками.

– Мы вчера славно поохотились! Тебе мало двух оленей и одного зайца? И кстати, воспринимай это как расплату за бейсбол на прошлой неделе. Поверь мне, смотреть, как люди занимаются спортом, – сущее наказание!

– Да, ладно! Это лучше, чем пялиться на эту мазню!

Вон на стене, напротив, на гараже, картина не хуже нарисована! – сказал он, указывая рукой куда-то в окно.

Причем ближайшее здание было в ста метрах отсюда.

– ...Правда, не совсем приличная, но ведь на этом старье все тоже нагишом, да и страшные какие!

– Ничего ты не понимаешь в живописи... – медленно ответила девушка, не отрывая пристального взгляда от картины. Ее густые темные волосы, словно завеса, не давали рассмотреть ее лица. Какой-то знакомый запах исходил от ее волос, но какой именно?

– Братан, вот ты где! – произнес Сэм, хлопая меня по плечу.

Дальше события происходили с невероятной скоростью – парень развернулся на резкий звук и сразу понял, кто я такой. Его глаза полыхнули ненавистью, а лицо перекошилось от злости. Он тут же схватил в охапку девушку и выбежал из зала так быстро, как только смог.

– Да что такое случилось? Терпение лопнуло, да? – слышался в соседнем зале вопрос девушки.

Ханна, не говори ерунду! Потом объясню! Бежим отсюда, я не шучу! – ответил оборотень, прыгивая вместе с девушкой с открытой террасы вниз, прямо на улицу.

Всего секунда понадобилась, чтобы эта парочка исчезла из зала, словно их тут никогда и не было! От гнева у меня потемнело в глазах. Как Триумвират пропустил подобное? Как они проморгали существование такого... даже не знаю, как назвать?.. Союза? Вампир и оборотень, мирно разгуливающие вместе? Откуда они пришли? Кто создал девчонку? С какой целью? Большая ли стая, к которой принадлежит оборотень? Где они живут? Как такое вообще могло произойти?

Сэм хотел что-то спросить, но, посмотрев на меня, в ужасе отшатнулся. А я всего лишь на секунду потерял контроль над собой – в моих почерневших глазах плескалась ярость, кулаки

сжались, и ненависть душными волнами расходилась вокруг меня. Я читал в его мыслях лихорадочные догадки, которые были все ужаснее и ужаснее. Он остановился где-то между маньяком-убийцей и психопатом. Я не стал усугублять его душевную травму и сделал единственный подарок, который поможет ему успокоиться.

– Сэм, послушай меня, не бойся. Я не причиню тебе вреда, ты же друг мне, – сказал я, пытаюсь улыбнуться, но это вышло плохо. Трудно изображать человека, когда ты прислушиваешься к торопливому бегу двух нелюдей в квартале отсюда. Вот они свернули к причалу парома, который курсировал между портом и островом Бейнбридж, а потом, судя по всплеску, прыгнули в воду. Все! Мне теперь не найти их! Я от разочарования негромко зарычал.

– Чувак, ты чего? – спросил Сэм, пятясь от меня.

Я вздохнул и закрыл глаза, приказав себе успокоиться. А когда открыл, то глаза снова были светло-желтые.

– Твои глаза меняют цвет? – спросил он дрожащим голосом.

– Да, когда злюсь – становятся темными, – ответил я как можно спокойнее.

Сэму вдруг стало очень неуютно рядом со мной и он беспокойно посматривал на выход, думая, как же отсюда слиться. Мне тоже пора было уходить – шутки кончились, пора заканчивать эту игру в байкера.

Я осторожно взял моего, перепуганного до смерти, друга за плечи и, посмотрев в глаза, сказал:

– Дружище, ты забудешь меня и все, что со мной связано. Ты никогда не вспомнишь меня и не станешь искать. Женись на хорошей женщине и перестань курить дурь.

Потом проник глубже в его сознание и внушил забыть все, что было связано со мной. Его глаза стали словно стеклянными – не выражали ровным счетом ничего. Через пять минут он придет в себя и будет смутно помнить события прошлого, но только не меня.

Я напоследок обнял Сэма и с большим сожалением вышел из зала, направившись на поиски Хука. Он оказался в комнате для курения, куда недавно зашел, успев прикурить сигарету. Ввести его в бессознательное состояние было нетрудно – он по жизни непрочно держался в сознательном. Было трудно смотреть в отрешенные глаза Хука – мне было жаль с ним расставаться. Но стереть его память было просто. Напоследок я сделал ему небольшой подарок – внушил ему спокойствие, о котором тот всегда мечтал.

В баре ресторана «Звездный путь» я нашел остальную компанию – Гарри, Молота и Каску. Пришлось позвать Гарри к себе. Он нехотя поднялся и подошел, слегка качаясь от выпитого спиртного. Он с непониманием смотрел на меня, когда я пристально посмотрел ему в глаза. Со стороны это выглядело как общение двух друзей.

– А теперь ты, фэбээровская крыса, возвращайся в Вашингтон и напиши подробный рапорт о том, что зря потратил год на наблюдение за нашей бандой. Мы оказались простыми бездельниками и прожигателями жизни. В справочнике по бандам отметь нас как «бесперспективные» и забудь навсегда. Займись спортом и перестань ненавидеть людей.

Я шел к остальным ребятам, которые как раз рассказывали друг другу истории из своей жизни. Прощаясь с ними, я сделал небольшие «подарки» – внушил Молоту надежду на лучшее, а Каске просто стер память о себе.

Уходя от них, старался не оборачиваться, испытывая сожаление, – они были неплохими людьми, и мы хорошо проводили вместе время. Но все равно момент расставания должен был когда-нибудь настать, ведь не могу же я быть с ними вечно, даже если мне этого очень хотелось.

Идя по гулкому коридору, я ощущал, как мой рассудок становится привычно холодным и расчетливым. Я понимал, что байки, бесконечная дорога, бары и вечеринки, а также прочая атрибутика кочевой жизни закончились. Прямо под моим носом произошло непростительное преступление – вампиры в открытую общались с оборотнями, а вся моя тщательно продуманная система управления не сработала. Однажды я уже с таким сталкивался и прекрасно знал,

чем может окончиться подобный союз. У меня не возникало сомнений – этот случай намного опаснее, потому что девушка была непонятной смесью вампира и человека, что само по себе было недопустимо. Но раз она была наполовину такой же, как я, значит, знала о возможном наказании за общение с оборотнем.

Через четверть часа я выходил из концертно-развлекательного комплекса «Спейс Нидл» с записью камер наблюдения музея в кармане. На них я надеялся лучше рассмотреть странную парочку. На автостоянке было многолюдно – скоро должен был начаться концерт и люди спешили попасть внутрь огромного здания до его начала. Я вскочил на мотоцикл и помчался на предельно допустимой скорости в аэропорт Сиэтла, где намеревался взять билет на ближайший рейс до Рима, откуда потом бегом доберусь до Флоренции, где навещу Триумвират. У меня к ним было очень, очень много вопросов!

Ноябрь 2013 г. Остров Хелби, г. Бейнбридж, Канада

Я опять приблизила свое лицо ближе к зеркалу, чтобы лучше рассмотреть кожу – тональный крем был нанесен таким густым слоем, что лицо напоминало безжизненную маску. Алиса потратила кучу времени, собственноручно смешивая содержимое различных баночек, чтобы создать этот «шедевр». Солнечный луч, попадая на кожу, вызывал едва уловимое свечение, это выглядело, как будто я нанесла на кожу пудру с эффектом «алмазная пыль».

Мои неестественно светлые глаза цвета калифорнийского песка в данный момент были закрыты линзами, придававшими глазам не былой цвет расплавленного шоколада, а вызвали ассоциации с весенней грязью. Сильное и изящное тело пришлось драпировать необъятным свитером и мешковатыми джинсами. Волосы были собраны в хвост, а для полноты образа я одела тоненький обруч на голову. Вот уж не думала, что когда-нибудь придется потратить столько усилий, чтобы вернуть себе подобие прежней меня – болезненной, худой и нескладной Бэль Сигнет. Я не скучала по своей человеческой жизни, потому что бессмертие досталось мне нелегкой ценой.

И все-таки я продолжала вглядываться в свое отражение. Словно призрак смотрел на меня. Призрак, который против моей воли притянул из трудноразличимого прошлого старых знакомых, друзей и пару нерешенных проблем. Я раздосадовано нахмурилась.

Солнечный свет наполнил комнату золотым туманом, и мириады солнечных зайчиков осветили комнату – это солнце отражалось от рук Эдуарда, внезапно обвивших мою талию. За три года пребывания в новой ипостаси вампира я так и не привыкла к его внезапным появлениям, настолько быстр он был.

– Ты прекрасна, моя Бэль, – прошептал он мне на ухо. – Как всегда.

Прикосновение его губ к шее вызвали волну приятных мурашек, прокатившихся по спине. Как всегда, Эдуард пытался отвлечь меня от неприятных мыслей. Я рассеяно улыбнулась. Он заглянул мне в глаза и нахмурился. Через пару секунд взаимного молчания Эдуард нежно, но настойчиво сказал:

– Бэль, расскажи, что тебя так беспокоит, потому что я сейчас продумываю примерно сотую причину твоего выражения лица, и, честно сказать, они все ужасней и ужасней.

Я в ответ лишь покачала головой.

– Ну, тогда я зову Джека и Алису... – сказал Эдуард, лукаво улыбаясь мне.

Представив, что начнется, когда его брат и сестра сюда придут – Алиса начнет ужасаться от моего внешнего вида и что-то бесконечно поправлять, а Джек начнет уговаривать меня не волноваться – я решилась на откровенность. Повернувшись к Эдуарду, я ответила:

– Понимаешь, я похожа на... на плохую копию себя самой, как двойник. Моя мать Мо хоть и творческая натура, но очень наблюдательна. Она в два счета поймет, что что-то не так. Только посмотри на эти глаза, она моя мать и как никто другой знает меня!

– Все, зову Джека, – тихо сказал Эдуард, отстраняясь от меня.

– Нет, Эдуард, просто столько воспоминаний нахлынуло, я как будто вернулась в свою человеческую жизнь, – я пыталась удержать его за руки. Было приятно чувствовать себя наравне с ним, даже контролировать себя, чтобы не сделать ему больно.

Эдуард застыл на месте от моих слов.

– Бэль, прекрати хандрить, – весело произнесла изящная Алиса, появившись в дверях моей комнаты. Ее волосы сегодня были синего цвета, – видимо, она снова трудилась над новым образом. – Все пройдет просто отлично, можешь мне верить! – сказала она, как всегда, веселым голосом, остановившись за моей спиной. Потом осторожно поправила на мне свитер и ободряюще улыбнулась моему отражению.

Казалось, что от ее появления атмосфера в комнате наполнилась оптимизмом. В руке она держала пару простеньких кед. Она протянула их мне, морща носик.

– Все пройдет нормально, я почти уверена. Не верю, что это говорю, но я предлагаю тебе одеть кеды. Они придадут тебе более «человеческий» вид. Согласись, что люди ходят по осеннему городу именно в обуви, а не босиком.

Она указала своим пальчиком с идеальным маникюром на мои босые ноги.

– Алиса, спасительница, – констатировала я. – Я со всем забыла про кеды.

Воевать с ней по поводу содержания моего гардероба было занятием бесполезным, так как Алиса пускала в ход все свое обаяние, чтобы безгранично хозяйничать в моем шкафу. Однажды я устроила тихий бунт и самостоятельно купила себе пару джинсов и молодежных футболок с надписями. Все это я носила ровно неделю. И до сих пор не знаю, куда Алиса их дела. Могла и сжечь. Хотя она и ходила с невинным видом, я уверена, что это ее рук дело!

Эдуард с Алисой переглянулись, и мой муж незаметно кивнул головой. Опять они секретничают у меня за спиной! Алиса умчалась вниз, и через пару секунд (ровно столько было нужно, чтобы разыскать Джека) на меня нахлынуло неземное спокойствие.

– Джек, спасибо, но я пока еще не срываюсь с катушек. Пока что просто волнуюсь, – заявила я в никуда, зная, что он меня все равно услышит.

– Не уверен, – сказал он мне через окно, сидя на толстой ветке дерева прямо за моим окном и практически гипнотизируя взглядом. Муж Алисы «читал» эмоции и чувства любого существа, как открытую книгу.

Рядом с ним сидел еще один брат Эдуарда – Келлан, свесив босые ноги с ветки, и с любопытством меня разглядывал. По его испачканному кровью лицу я догадалась, что сегодня охота была удачной. Наверное, завалил парочку медведей.

Я поискала взглядом молодого оборотня Брукса и мою дочь Ханну, но ни у реки, ни в лесу их не было видно, значит, домой они еще не вернулись. Скорее всего, опять пропадают в Сиэтле, совершая набег на холодильник Брукса, хотя уже должны были вернуться и изображать нормальных людей, сидящих на диване перед телевизором в гостиной. Брукс жил в городе со своей семьей, которые в человеческом мире были дантистами, но на самом деле были оборотнями. Их сущность не мешала им жить в человеческом обществе, да и споров за территорию с нами не возникало. Мы фактически жили в Канаде, а они – в США. Они охраняли Олимпию от вампиров, за маленьким исключением – от всех, кроме Ханны. Потому что она не считалась вампиром – ведь была наполовину человеком, да и не питалась кровью людей, а еще могла есть обычную пищу.

Решение Брукса и Ханны встречаться вызвало бурю негодования с обеих сторон. Эдуард и Вилли даже встречались, чтобы обсудить проблему, в лучших традициях спагетти-вестерна. На нейтральной территории, с гарантиями безопасности и в людном месте. Отец Брукса Вилли был огорчен сильнее нас, потому что поступок его сына был чуть ли не предательством в его понимании. Но когда Эдуард объяснил ему из какой Семьи происходит Ханна, что мы не

питаемся кровью людей, а ее дедушка работает онкологом в госпитале Сиэтла, то напряжение пошло на спад. Но все равно подозрительность, как глухая стена, стояла между нами до сих пор.

Но дети поступили мудрее нас – они обменялись кольцами и объявили всем, что теперь они – жених и невеста. Деваться было некуда и нам пришлось смириться. Тем более, что их свадьба должна была состояться в будущем году. Так что теперь они могли быть официально постоянно вместе, расставаясь только на время – Бруксу нужно было патрулировать территорию Сиэтла время от времени, вместе с родителями. В этом году он окончил школу, а осенью планировал поступать в один университет с Ханной. Какой – они еще не выбрали, но был вариант, что тоже в Принстон.

Ох уж эта парочка, они как одно целое – всегда вместе, живут друг другом, всегда счастливы, хотя, по сути, такие разные! Склонность Брукса к необдуманным поступкам сглаживается рассудительностью Ханны, хотя ей было всего три года отроду. Она даже заставила его закончить школу, и при том на отлично! До сих пор помню недоумевающие глаза директора школы, когда Брукс читал напутственную речь студентам как лучший ученик. Речь написала Ханна, поэтому я подозреваю, что значение некоторых слов директор потом тайком искал в толковом словаре. Только безграничная любовь Брукса к моей дочери помогла ему не свихнуться над спряжениями французских глаголов.

Ханна на людях все еще не появлялась, потому что о ее существовании знала только стая, мой отец Генри и Вилли. Росла она стремительно, опережая человеческих детей невероятными темпами. Но первой полувампирке-получеловеку это было позволительно. На семейном совете Диксон предложил Ханне подождать до того момента, когда она полностью подрастет, и под видом его племянницы явить себя тесному мирку Бейнбриджа. Потом мы планировали вместе продолжить обучение в каком-нибудь противоположном уголке страны, в престижном университете. После его окончания мы планировали прожить пару лет на Амазонке... Как бы мне не хотелось, но рано или поздно все равно придется уехать, как только Ханна достаточно подрастет. И грустнее всего было понимать, что вернуться сюда мы сможем уже не в этом поколении людей. Учеба в университете существенно не добавит Ханне знаний – ничего нового для себя она там не узнает. Уже сейчас она могла преподавать английскую литературу, потому что книги и картины были ее истинной страстью.

Спросите обычную девушку, что она хочет получить на день рождения, и, скорее всего, получите заказ на платье или новую машину, а наша Ханна с лихорадочным блеском в глазах выдаст целый список авторов. И неизменно получит их все. От папы. В первом издании. Количество выученных ею языков перевалило за десяток. Я еле за ней успевала.

В папином кабинете на полках была прекрасная коллекция музыки, у дочери в комнате на многочисленных полках – потрясающая библиотека. Бедный Брукс поневоле стал разбираться в мировой литературе, что было неизменным источником насмешек его стаи, которая сейчас состояла из двух оборотней – его двоюродной сестры Теи и старшего брата Мэта. Каждый раз, превращаясь в волка, он объединял свой разум с их разумом, и получасовая лекция Ханны об очередной отличной книге становилась достоянием общественности. Брукс спокойно реагировал на подтрунивание, потому что настолько обожал объект своей любви, что с радостью занялся бы даже вязанием крючком, только чтобы Ханна была счастлива.

Нам было пора в аэропорт, чтобы забрать Мо. В гараже Лили снова что-то «улучшала» в одном из семейных автомобилей и на наше появление отреагировала в «фирменном» своем стиле:

– Алиса, это будет чудо, если все сработает! Не лучше было просто уехать? Мы могли бы сейчас быть за тысячу километров отсюда, и спокойно, я подчеркиваю спокой-но, жить среди саванны! А не устраивать клоунату с переодеванием! – она выговори-лась и, нахмурившись, стала сверлить Алису недобрым взглядом.

– Ты, как всегда, несколько пессимистично смотришь на вещи, к тому же привычно недооцениваешь Алису, – сказал Эдуард, стараясь защитить сестру от нападок.

– Все равно это глупо и безответственно! – заявила Лили и, захлопнув капот машины, раздраженная, вышла из гаража, и я услышала, как Келлан спешит к ней, чтобы успокоить.

– Малышка, ты все еще нервничаешь? – сказал он нараспев, беря Лили за руку. Она взглянула на него, как обиженный ребенок, и Келлан осторожно ее обнял.

– Ты не волнуйся, Триумвират ничего не узнает! А если узнает – я головы лично всем откручу, обещаю тебе! – сказал Келлан, глядя ее по голове, как маленького, капризного ребенка.

– А я как раз работаю над тем, чтобы этого не произошло! – сказала Алиса с энтузиазмом. Мы с Эдуардом сели в машину, которая была достаточно скромная по его меркам, но для Бейнбриджа все равно была слишком заметна. Ну не ездят местные рыбаки на «Мерседесе-внедорожнике».

– Думаю, что все будет хорошо, – сказала, улыбаясь, Алиса. – Ханна и Брукс вернутся как раз вовремя, и мы успеем подготовиться к приезду Мо.

Эдуард кивнул и мастерски вывел машину из гаража, и мы помчались по единственной заасфальтированной дороге в округе, которая вела к парому до Сиэтла.

Я знала, что в ближайшие два часа Диксон вернется с дежурства в госпитале, а Элиза готовится праздничный ужин для Мо и Ханны. Алиса приготовит ей комнату на втором этаже, рядом с комнатой для нас с Эдуардом (ведь люди, знавшие меня как человека, считали, что мы жили вместе с ними). А во флигеле уже была готова комната для моей дочери Ханны – якобы обычного американского подростка – постеры Рианны на стенах, гитара, книги и полный шкаф одежды. В общем, декорации для имитации нормальной человеческой жизни были готовы. Ничто не должно было натолкнуть мою человеческую маму, которая не знала о том, что я стала вампиром, на мысль, что Ханна – наша с Эдуардом дочь, а Рождество она встречает с семейством вампиров-вегетарианцев.

Алиса предупредила, что погода будет пасмурной и дождливой, как, впрочем, и всегда. Когда-то холод и сырость навевали только тоску, а сейчас я буквально благодарила провидение за свинцовые тучи, низко висевшие над землей. Мы ехали молча, слушая рев мотора.

Мистер Эдуард Ричардсон задумчиво смотрел на дорогу. Потом выключил радио и сказал:

– Бэль, я... мне так... Нет, я бы хотел, чтобы такая ситуация никогда не возникла.

Я удивленно посмотрела на него.

– Ты о чем?

Он нахмурился и сказал:

– Я считаю, что из-за встречи со мной ты перенесла многое... боль расставания... – при этих словах он слегка зажмурился и сжал руль сильнее, – испытала на себе ненависть бессмертных, твоя жизнь находилась под угрозой и, в конце концов, ты ее потеряла.

Я уже, было, открыла рот, чтобы начать яростно с ним спорить, но он сказал:

– Умоляю, дай мне выговориться!

Мне было невыносимо смотреть, как он мучается от чувства вины, не желая понимать одно – я все прожитое считаю платой за то, что я обрела с ним. Я обрела его. И это главное. Я сложила руки на груди и, понимая свое бессилие, уставилась на него.

– Мне только приходится догадываться каково это – видеть своих родителей живыми после перерождения. Я бы многое отдал, чтобы мои родители жили, но, увы...

Я понимала, что он издегался сам от переживаний, и сейчас не лучшее время, чтобы их обоюдно разделять. Поэтому я подняла палец и сказала:

– Эдуард Ричардсон!

Он запнулся и, не глядя на меня, сказал:

– Не желаешь слушать? – на его лице промелькнула гримаса боли.

– Нет. Ни сегодня, ни завтра, никогда. Мне больно видеть, как тебя съедает чувство вины. И не позволю дальше тебе продолжать в таком духе. Я тебя люблю и простила себя за все мои глупости, в которых ты винишь себя. Хочешь, выдам тебе индульгенцию? Думаю, что Джек поможет ее подделать, печать будет как настоящая!

Эдуард усмехнулся. Но глаза остались серьезными.

– Ты еще не улавливаешь все нюансы...

Закрыв глаза, я стукнулась головой о подголовник сиденья и сказала:

– Да, я маленькая, глупенькая вампирша, которая не понимает всю тяжесть сложившейся ситуации. И страдаюсь еще, когда поумнею и пойму, что недостаточно намучилась. И тогда ты мне все это расскажешь.

Я зло уставилась в окно, сложив руки на груди, не желая продолжать разговор. Так мы проехали половину пути. Потом Эдуард шумно выдохнул и сказал:

– Я, наверное, опять преувеличиваю?

Мне не хотелось разговаривать, я просто утвердительно кивнула головой. Мы проехали еще пару минут.

Чтобы как-то разбавить тишину, Эдуард стал напевать мою любимую мелодию. Я стала тихонько подпевать. Он улыбнулся и запел увереннее, чувствуя, что ссора миновала.

На пароме было многолюдно, мы даже встретили пару соседей, которые радостно сообщили нам о своих рождественских планах. Они уезжали во Францию на две недели, где планировали посетить замок Тюильри и проехать на велосипедах вдоль Лазурного побережья.

Припарковавшись на стоянке у аэропорта, мы вскоре стояли в толпе встречающих, которые ждали прибывающий с минуты на минуту рейс. Мне было неуютно от того, что люди стояли так близко. Женщины и дети, мужчины и старики неимоверно аппетитно пахли. Мне казалось, что весь аэропорт до стеклянного верха наполнен биением тысяч сердец. А огромное количество стекол отражало это биение слабой вибрацией, смешиваясь с механическим бряцанием, лязгом эскалатора и лифтов. Честно говоря, они сливались в сплошную какофонию, которая все равно не заглушала звук сердец, качающих кровь. Это было настоящей пыткой. Но самое худшее было то, что окружающие до ужаса аппетитно пахли. Отчего-то тело решило, что мы на охоте, и рот наполнился ядовитой слюной; мне пришлось сильно сжать кулаки, чтобы удостовериться в послушании собственного тела. Я взглянула на Эдуарда. Он стоял как ни в чем не бывало и, спокойно глядя мне в глаза, сказал:

– Не нужно сосредотачиваться на этом. Просто думай о том, как обрадуется Келлан, если ты все-таки откроешь счет.

Я скорчила недовольную гримасу, почувствовав, что немного расслабилась. Келлан давно поспорил, что я стану кровожадной вампиршей, которая будет убивать всех направо и налево. Эдуард прекрасно знал, что я ни за что не позволю себе подобного. Хотя мне иногда до чертиков хотелось попробовать эту ароматную, теплую... Все, мне нужно было на воздух. Скорее бы Мо прилетела. Скорее бы убраться из аэропорта!

Я переступила с ноги на ногу и заставила себя двигать плечами, словно я дышу. Как только я перестала дышать, безумное пламя в горле стало жечь не так сильно. Мышцы постепенно стали расслабляться, и я просто наблюдала за происходящим. Эдуард, увидев, что кризис миновал, просто обнял меня за плечи. Потом с горькой улыбкой добавил:

– Все-таки мне следовало чаще бывать с тобой среди людей. Ты так совсем отвыкнешь от их запаха.

Я кисло улыбнулась в ответ и еще раз поправила большую куртку, которая, по плану Алисы, должна была прикрыть совершенное тело, создавая впечатление неуклюжести и беспомощности. Немного ссутулилась. Потом поправила волосы, собранные в хвост. Алиса стянула их максимально туго, чтобы зрительно уменьшить объем.

Наконец-то в дверях появилась загоревшая Мо, которая пыталась найти нас в толпе встречающих. Мама, конечно же, была одета не по погоде – какая-то легкомысленная куртка и джинсы. Правда, Мо обернула вокруг шеи несколько раз огромный шарф, надеясь, что он спасет ее от холодных ветров Северной Америки. Она немного поправилась, и седых волос стало больше, но это была все та же милая и задушевная Мо.

А когда я увидела ее теплые глаза с любимыми морщинками-лучиками вокруг, то моя внутренняя оборона вдруг рухнула. Я поняла, как соскучилась по ней. И если бы мои глаза могли плакать, то сейчас бы с удовольствием разрыдалась от счастья. Она искала нас глазами в толпе встречающих, несколько раз ее взгляд проскользнул по мне, но остановился только на Эдуарде. Потом она посмотрела на меня, и я услышала, как сбилось биение ее сердца, и она издала судорожный вздох. Я даже сделала шаг назад, на секунду решив скрыться в толпе, однако мягкое движение рук Эдуарда остановило меня. Он улыбнулся и повел меня к Мо. Минутный испуг прошел, и я словно очнулась. Страх и неуверенности больше не было.

Я бросилась к ней навстречу, правда, вышло несколько быстро для человеческих глаз.

Мы остановились напротив друг друга, и я с опаской ожидала первой фразы Мо. Она сказала:

– Моя девочка, как ты похорошела!

Но не настораживающее «Ты ли это?» или «Ой, что с тобой произошло?» Я почувствовала облегчение, хоть и мимолетное – Мо все-таки заметила разницу. Я не стала себя в этом обманывать. Она кинулась обнимать меня, а я только попыталась расслабиться, надеясь, что так мое каменное холодное тело будет более узнаваемым для мамы. Я неуклюже обняла ее, даже пыталась потерять равновесие при этом. Но не удалось. Какой-то встроенный гироскоп в голове не давал мне ни одного шанса на падение.

Эдуард беззаботно сказал:

– Многие женщины расцветают в счастливом браке.

– Какой самонадеянный! Мне это нравится! – счастливо заявила Мо. – Она в отличной физической форме! Ты занимаешься спортом? – спросила она у меня.

– И да, и нет. Если пешие походы в горы можно назвать спортом, то – да, – вежливо ответил Эдуард.

– О, и еще плаванием иногда занимаюсь. В университете есть отличный бассейн, – добавила я, используя на ответ весь кислород, который у меня был.

– И с чего бы это вдруг? Ведь ты спорт всегда не любила.

– Пришлось, Мо. Лихорадка, которую Бэль подхватила в свадебном путешествии, настолько подорвала ее здоровье, что Диксону пришлось разработать индивидуальный план занятий для нее. Прогулки, походы, плавание, правильная диета, – он сказал это с самым серьезным видом, но в глазах затаилось веселье. – И вот результат!

– А почему же ты мне ничего не рассказывала? – спросила Мо с обидой.

– Мам, ну представь. Пишу тебе письмо: «А завтра мы идем в поход в горы. Эдуард говорит, что на два дня». А ты сидишь и думаешь, вернусь я или нет. И вообще, я хотела тебе сделать сюрприз!

– Удалось, тебе определенно удалось, милая. Жаль, что с голосом ничего не сделаешь... Эдуард, ведь тут ничего не сделать?

Эдуард грустно ответил:

– К сожалению, повреждение голосовых связок были настолько серьезными, что мы рады тому, что Бэль вообще может говорить. Голос изменился всего на пару тонов. Мне очень нравится.

Мо посмотрела на него и, видя, как он искренне это сказал, решила вопрос закрыть.

Потом обняла и его. Эдуард мастерски избежал прикосновений к открытой коже, которая была ледяной для Мо.

– А где Элиза? А Диксон? Твои родители не смогли приехать? – вдруг спохватилась мама, когда мы направлялись к машине.

– Мои мама и папа ждут вас сегодня к ужину, – невозмутимо ответил Эдуард.

Мо немного ступсевалась. Эдуард тут же добавил:

– Мы, конечно, могли бы пригласить вас остановиться у нас, но последнюю свободную комнату заняли мы с Бэль. – Мы по легенде приехали из университета на рождественские каникулы.

– Да, ничего. Я думаю, что гостиница мне подойдет, – сказала немного приунывшая Мо.

– Мам, ну зачем тебе гостиница? Генри согласился тебя приютить. Тем более, он целыми днями на работе. Он будет даже рад. С тех пор, как я вышла замуж, он похудел и отвык от нормальной пищи, – вот сама увидишь!

Мо неуверенно посмотрела на меня.

– Ты уверена, что это хорошая идея? – спросила она, когда мы подошли к конвейеру, на котором с минуты на минуту должен был появиться багаж мамы.

– Конечно. Ты дашь пищу для сплетен на два года вперед! Ты не можешь лишить Бейнбридж такого удовольствия.

Мама кисло улыбнулась и добавила:

– Я, наверное, до сих пор местная знаменитость. Но мне то что? А вот Генри это может навредить, – сказала Мо, нахмурив лоб.

Мо еще раз обняла меня. Меня обдало жаром ее тела, который только усиливал запах крови. Я напряглась, чтобы не надеть глупостей.

Мо мою реакцию восприняла неправильно – она неловко отстранилась и почему-то расстроилась.

– Нет, мама. Это не обсуждается. Мы уже все решили, – сказала я и взяла Эдуарда за руку, отодвигаясь от Мо как можно дальше. Пусть думает, что я от нее отвыкла, чем вглядывается в мои черты лица. Я вдруг поняла, что легкое отчуждение – это то, что нужно!

Я глянула на Эдуарда – он с непроницаемым лицом обратился к Мо:

– Я предлагаю ехать, пока нет вечерних пробок на дорогах. И кстати, Элиза приготовила в честь вашего приезда прекрасный ужин. Я надеюсь, вы любите красное вино, хотя мама припасла и белого... а поверьте, должен быть весомый повод, чтобы Элиза достала свое лучшее вино. Она так ждала вашего приезда...

За непринужденной болтовней мы добрались до нашей машины. Я шла сзади них, наблюдая как Мо, взявшая Эдуарда под локоть, слушала его с выражением детского восторга на лице. Как же легко ее отвлечь!

В машине Мо быстро, сбивчиво и эмоционально рассказала о последних событиях. Я слушала вполуха, потому что прекрасно знала обо всем из ее писем. Дела у Джо шли все лучше, но по-прежнему не настолько, чтобы купить новую машину. Они сейчас жили в Фениксе и планировали остаться там навсегда. Мо занималась йогой и хотела написать картину, сюжет которой пришел ей в момент пребывания в какой-то диковинной позе. Она завела кошку, потому что ее попугай улетел. Я еле сдерживала улыбку. Джо во всем ей потакал. И, судя по ее словам, баловал, разрешая делать все, что ей в голову придет. Но как ей запретить? Я прекрасно знала затуманенный слезами и надеждой взгляд Мо, попав под прицел которого сделаешь все, что она попросит. А не дашь – возьмет сама на правах взрослой женщины. Ну, просто большой ребенок!

Город встретил нас классическим дождем с сильными порывами ветра. Меня это не волновало, а вот Мо продрогла, пока мы бежали с ней открывать входную дверь, которую я открыла своим ключом. В этом районе, который был официальной окраиной Сиэтла было на удивление тихо.

В небольшом доме было тепло и, главное, сухо. Легкий беспорядок напоминал, что в доме живет законченный холостяк, не хватало домашнего уюта. Мо со вздохом остановилась посреди маленькой кухни и, повернувшись, сказала:

– Так жутко. Вроде бы я только вчера отсюда сбежала. Он что, ничего не менял здесь?

В ее глазах читалась растерянность и удивление.

– Почему ничего? Удочки теперь стоят не в чулане, а гостиной!

Мо рассмеялась и ушла проверять холодильник. Раздался удивленный возглас. Генри забил холодильник до отказа в связи с приездом бывшей жены. И только готовой пищей. Видимо, он помнил о ее кулинарном антиталанте.

Эдуард как изваяние появился на пороге, грациозно неся весь багаж. В его глазах я заметила искорки веселья. Я вопросительно вскинула брови, но он только покачал головой. На холодильнике висела записка от папы: «Мо, с приездом! Чувствуй себя как дома. Буду поздно. Генри».

Ну вот, все прошло намного проще и лучше, чем я предполагала. И зачем было так нервничать? Я с облегчением наблюдала за Мо, которая бродила по дому, перебирая мелкие безделушки и рассматривая фотографии в рамках. Дом, благодаря ее присутствию, стал живее и радостнее. Как будто это было правильно, – то, что она здесь.

Позже Эдуард помог Мо поднять ее вещи на второй этаж, во вторую спальню. Она осталась обустраиваться, а мы попрощались и, пообещав заехать вечером, уехали домой, успев в последнюю минуту на паром.

К моему удивлению, Ханны снова не оказалось дома. Она отпросилась у тети Лили и ушла с Диксоном. Она просила передать мне, что вернется к ужину. О цели и месте путешествия меня в известность не поставила.

Надо будет ее попросить еще раз предупреждать, если куда-то уходит. Хотя я полностью доверяла Диксону, даже радовалась, что он находил время для прогулок с Ханной.

Элиза и Келлан, судя по запахам их кухни, готовили лазанью. Я направилась к ним, чтобы помочь, но дорогу мне преградила Алиса:

– Бэль, грим потечет! Оставайся в гостиной. Мы и без тебя справимся!

Да уж, супер-грим, который не трескался на моей ледяной коже, был предметом особенной гордости Алисы. Она перепробовала килограммы разных средств, пока не получила нужную консистенцию. И если грим растает и потечет – меня ждет упоительных полтора часа повторной гримировки. Ну, уж нет!

Пришлось развернуться и отправиться в гостиную. Устроившись у окна, снова наблюдала за тем, как прибой перекачивает мелкую гальку, меняя облик пляжа. Я задумчиво разглядывала холодные волны Тихого океана и вспоминала, как узнала о приезде моей мамы.

* * *

Удерживать Мо на расстоянии становилось все труднее. Все-таки мы с ней не виделись более двух лет со дня нашей свадьбы. Всевозможные отговорки по поводу учебы в Принстоне или внезапной болезни начинали становиться подозрительными. Эдуард стал беспокоиться по этому поводу, ведь он считал себя ответственным за безопасность всего клана. Мы должны были вести себя так, чтобы не вызывать ни малейших подозрений у людей.

Диксон предлагал слетать к ней зимой, пока пасмурных дней на Южном побережье будет максимум, но мы все никак не могли уловить самый удачный момент для поездки. Он разрывался между двумя сроками – Рождеством или последней неделей февраля. Но случай, как всегда, решил за нас.

Прекрасным декабрьским вечером, когда Ханна заснула в своей половине дома (дядя Келлан постарался на славу, когда книги стало некуда складывать, достроил еще две комнаты),

мы с Эдуардом удобно расположились у камина после удачной охоты. Я взглянула на Эдуарда, в объятьях которого полулежала. Он задумчиво смотрел на огонь в камине и был похож на прекрасную статую – его волосы были, как всегда, взъерошены, а блики огня делали глаза похожими на жидкое золото. Когда мой взгляд скользнул по широким плечам и рельефной груди, то я отчего-то счастливо вздохнула. Не знаю, о чем он думает в такие моменты, но он вдруг посмотрел на меня, улыбнулся и наклонился надо мной, чтобы поцеловать. Его руки при этом начали медленно спускаться вниз, но тут внезапно зазвонил телефон, который я оставила на низком столике у камина. От огорчения я зарычала, думая, куда бы его зашвырнуть. Но Эдуард глянул на циферблат и сказал:

– Это твоя мама. Поговори с ней, я куда-то денусь, честно! – сказал он и многозначительно поднял брови.

Я пробурчала что-то не совсем вежливое и взяла телефон. Мо стала звонить в последнее время все чаще и чаще, неустанно делясь последними новостями своей жизни. Меня это раздражало, потому что я, как заметил однажды Эдуард, фиговая врунья. А врать приходилось много и постоянно.

Мо бодро затараторила:

– Бэль, здравствуй, ты не занята сейчас, может быть, я отвлекаю тебя от учебы?

По официальной версии, мы сейчас должны находиться в Принстоне и уже заканчивать первый семестр обучения. На самом деле, руководство Университета согласилось на дистанционное обучение, приняв во внимание тот факт, что мое подорванное здоровье после тропической лихорадки, которую я якобы подцепила в свадебном путешествии, требует постоянного наблюдения у Диксона, хотя бы в течении года. Это ложь № 1. Вот ложь № 2: мой голос после жуткой болезни изменился и после проблем с кожей у меня на лице появились уродливые рубцы. Поэтому я пошла на пластическую операцию и немного не похожа на себя прежнюю на тех фотографиях, которые я высылаю маме по электронной почте. Да, кстати, и на солнце мне лучше реже появляться, чтобы кожу не повредить. Представьте, что я вынуждена все это рассказывать собственной матери! Правда, моя высокоморальная часть успокаивается тем, что я делаю это ради ее безопасности: мы ни каким образом не должны рисковать жизнью моих родителей.

Мама звонила мне исключительно на мобильный, потому что я якобы отказалась от телефонного номера в комнате общежития.

На радость Диксона в Принстоне я выбрала медицинский факультет, хотя подумывала и о профессии психолога. Со временем вариант с психологией отпал, потому что мне казалось, что сталкиваясь с темной стороной человеческого естества, я могу испытать соблазн отказаться от «вегетарианства».

Я планировала стать генетиком, хотя на самом деле моей целью есть и будет изучение особенностей двух интересующих меня видов – вампиров и оборотней, а еще – изучение генетической структуры собственной дочери. Ведь когда-нибудь, я честно стараюсь не думать об этом, она тоже станет матерью. А вот дети от союза получеловека-полувампириши и оборотня еще на свет не появлялись под этим небом. Возможно ли в принципе такое – неизвестно. Ведь в крови Брукса есть этот загадочный ген, который однажды превратил его в волка, а Ханна – вообще новый вид, если так можно сказать о собственном ребенке. Чего ожидать от их союза – было неизвестно, поэтому я хочу быть хоть как-то подготовленной к этому моменту.

– Да нет, мам, я тебя слушаю, – сказала я, глядя на Эдуарда, который, как всегда, невозмутимо играл с моими волосами, терпеливо ожидая окончания разговора.

В ближайшее пять минут Мо изложила все нехитрые подробности своей жизни.

У Джо дела пошли лучше, многочисленные усилия, наконец-то, давали результат.

У него был очередной подъем в бизнесе, и они снова переехали в Финикс. Мо снова устроилась на работу в строительный супермаркет. Из ее монолога я поняла, что она по-прежнему любит Джо и ей до смерти хочется меня увидеть. Я напряглась и дальше услышала:

– Бэль, ты не представляешь, как мне неловко за то, что я тебя совсем забросила в последнее время.

В этом была вся Мо. Она совсем забыла о том, что это именно я всячески избегала встречи с ней. Моя милая, непоследовательная мама.

– Так что я прилетаю в Принстон на следующей неделе, милая. Готовься, я заобнимаю тебя до смерти! Ужас как хочется увидеть, как ты там живешь! Так что сюрприз!

От неожиданности я чуть не сломала телефон, сжав его так, что затрещал пластик. Ужас, это была просто катастрофа! Я думала, что очередное обострение материнских чувств пройдет само собой по мере общения с ней, но оказалось, что наоборот – оно спровоцировало ее желание увидеть меня! А увидев меня, она начнет задавать логичные вопросы, которые могут привести к опасным ответам. Перед мысленным взором предстала картина – Триумvirат, моя мама и...

Я готова была, схватив Ханну, Эдуарда, прямо сейчас сбежать на север Канады, где на Великих Озерах у нас был свой дом в лесной глуши. Решение было спонтанным и казалось, что это единственный выход из сложившейся ситуации. Я даже вскочила на ноги, мысленно составляя список того, что обязательно нужно взять с собой. Понадобилась всего секунда, чтобы найти паспорта и документы необходимые для поездки, и полностью одеться. Я застыла перед полураздетым Эдуардом, который все еще лежал перед камином и смотрел на меня с недоумением.

– Мам, ну я не знаю, мы планировали поездку в Бейнбридж на следующей неделе, – ответила я маме спокойным голосом, а сама тем временем пыталась знаками уговорить Эдуарда начать собираться.

Он никак не отреагировал, поэтому я сказала ему шепотом:

– Собирайся, разбуди Ханну! Нам нужно уехать куда-нибудь подальше от Мо! Она не должна увидеть меня такой...

Эдвард в ответ закатил глаза и с упрямым выражением лица лег на пол у камина, закинув руки за голову.

– Эдуард, ты слышишь меня? – прошептала я, начиная раздражаться.

– Так что в Принстон ехать нет смысла. Надеюсь, ты не брала еще билеты? – спросила я у мамы.

– Да, взяла уже... – сказала та расстроенным тоном.

– Ну, тогда сдавай их, пока еще есть время, – сказала я, думая о том, что этого увальня, по всей видимости, придется тащить на плече! Другого выбора не было. Он ко всему еще и глаза закрыл для верности, такой себе лежащий протест! Неужели он не понимает, как все серьезно? Лежит весь такой расслабленный!

– Думаю, что удастся вернуть хотя бы половину стоимости... – сказала та грустно. Зарплата работницы универмага была небольшой, а заработок у Джо был нестабильным. Думаю, что мама долго откладывала, чтобы купить эти злосчастные билеты. Я уже давно подумывала о том, как помочь ей, ведь семейство Ричардсонов, частью которого я стала, было невероятно состоятельным, хотя и не афишировало этого. Но помогать маме из их средств я не хотела – это выглядело бы как подачка, да и подозрительно – я ведь все-таки студентка. Был даже вариант создать фонд помощи работникам супермаркетов и втиснуть маме под официальным предлогом хорошую стипендию. Но это было только в проекте.

– Мама, знаешь, ты вышли мне номера билетов, у Диксона есть какая-то программа лояльности, думаю, что благодаря накопленным милям, мы сможем вернуть полностью стои-

мость билетов, – безбожно врал я. А Эдуард все таким же бревном лежал на полу. От злости я запрыгнула на него и села сверху, отчего тот открыл один глаз, словно ленивый кот, и сказал:

– Вот именно так я и планирую провести сегодняшнюю ночь! – произнес он спокойно и его руки оказались на моих бедрах. Я моментально забыла, о чем говорила с мамой, и он воспользовался этим моментом:

– Бэль, прекрати паниковать и подумай о Бруксе, Элизе, Лили и Диксоне – они не перенесут расставание с Ханной! И она не сможет без них тоже. Особенно без своего любимого Брукса, – сказал он, немного скривившись.

Его неприязнь к молодому оборотню была понятна – естественная межвидовая ненависть, как любил повторять отец Эдуарда Диксон Ричардсон. Но это не мешало ему спокойно общаться с молодым задирой и закрывать глаза на обстоятельства знакомства с Ханной.

В первую встречу они так сцепились, что чуть не поубивали друг друга. Их пути впервые пересеклись на охоте – Ханна пошла с Келланом и Лили, но убежала слишком далеко вперед и первой напала на след оленя, который на рассвете мирно пасся возле реки. Однако на противоположном берегу за ним тоже кое-кто наблюдал – большой черный волк намеревался перекусить этим же оленем. Ханна утверждает, что она первой вцепилась в его глотку, но Брукс до сих пор утверждает, что это не так. Как бы там ни было, – но они чуть не поубивали друг друга. Ханну спасла способность высоко подпрыгивать и то, что Брукс услышал бие-ние ее сердца и увидел кровь, которая сочилась из ран, которые неестественно быстро зажи-вали. Она воспользовалась его замешательством и напала, практически оторвав ему правую переднюю лапу. Но когда тот от боли перестал контролировать превращение, и перед Хан-ной на земле оказался молодой симпатичный парень, истекающий кровью, то ее человеческая часть дрогнула. Недолго думая, она взвалила его на плечо и отнесла домой, к дедушке Дик-сону, где мы как раз случайно оказались с Эдуардом. До сих пор помню тот шок, который я испытала, когда я увидела мою дочь, залитую кровью, с голым парнем, висющим без созна-ния на ее плече. Она без слов отнесла его в кабинет Диксона, где тот, недолго думая, стал оказывать ему первую помощь. Она прекрасно знала, что нет нужды долго упрасивать его проявить милосердие. Диксон охотно помог полуживому парню, тактично не спрашивая, при каких обстоятельствах это произошло. Вопросы он стал задавать позже, когда Брукс очнулся и попытался превратиться в волка, чтобы защитить свою жизнь в доме, полном его заклятых вра-гов. Элизе стоило трудов убедить его не паниковать, а Эдуарду удержать его на хирургическом столе. Помогло только появление Ханны, которая успела переодеться и до предела переволно-ваться. Она дрожала и все извинялась и извинялась, списывая свою агрессию на вампирские инстинкты. Парень был просто в шоке, но вся его злоба улетучилась, когда моя дочь просто разрыдалась, глядя на его окровавленные бинты. Она никогда еще никого не убивала, только животных, и с ужасом думала, что молодой оборотень из-за нее так пострадал. Его гнев тут же улетучился, и он спокойно улегся на столе, на котором из-за своего внушительного роста и комплекции еле умещался, спокойно сказав:

– Ну, и я тоже прошу прощения. Я не хотел на тебя нападать, просто отогнать от оленя. Для начала... а потом, может быть, проследить, кто ты и откуда. Нет, не для убийства, а чтобы познакомиться. Но ты вцепилась в меня, и мне пришлось отбиваться...

Тут уже я слетела с катушек, потому что через мгновение держала его за горло и рычала ему в лицо:

– Даже не думай об этом! По нашим законам за дружбу с тобой ей полагается смертная казнь! Ты лучше иди своей дорогой, а про мою дочь забудь!

Эдуард оттащил меня от оборотня, а Элиза осторожно встала между нами.

Напряжение спало, и потом, к вечеру, к нам приехали его родители и старший брат, кото-рые с трудом поверили нам. Диксону пришлось проявить все свое ораторское искусство, чтобы убедить в нашем дружеском отношении. Он рассказал, что мы не питаемся человеческой кро-

вью, что он – врач-онколог и что мы, вообще-то, сами изгой в мире вампиров. Это им явно понравилось, и тогда было заключено мирное соглашение, поделены охотничьи угодья, а Брукс отправился домой. Какое же было наше удивление, когда оказалось, что Брукс и Ханна тайно встречаются! Нам снова пришлось увидаться с семейством Вайтов, чтобы обсудить создавшуюся ситуацию. Элиза еще больше сдружилась с мамой Брукса – Трудии Вайт, я же после полчасовых дебатов поняла, что у Ханны и Брукса это не просто симпатия, а настоящее чувство, с которым бороться бесполезно. Эдуард, похоже, понял это первым, поэтому особенного участия в разговоре не принимал, а больше наблюдал за Вайтами. Позже, дома, он сказал, что наша дочь в безопасности. Парень, хоть и оборотень – и брутальный качек на вид, но ответственный и неиспорченный. Этого в понимании моего мужа было достаточно для того, чтобы разрешить Ханне с ним проводить свободное время. Я же поставила условие – продолжать учиться и глупостями не заниматься. И за время, проведенное вместе, они так «спелись», что одна мысль о расставании была донельзя болезненной. А причинять боль своей дочери я не хотела – слишком любила ее, и она очень дорого мне досталась. Я умерла и стала вампиром, чтобы дать ей жизнь. Так что нужно придумать какой-то другой вариант.

Я закрыла глаза, по привычке резко выдохнув. Все равно это встреча должна была когда-нибудь произойти. Я не могла прятаться от матери всю ее жизнь. У меня было два варианта: либо я встречаюсь с Мо, либо я от нее снова бегу. Рано или поздно это приведет к тому, что мне придется разыграть свою смерть и мне даже думать не хотелось, как она это перенесет. Нет, я не могла так с ней поступить, это лишит и меня и ее покоя. Так что мне придется встретиться с мамой.

Только как она воспримет меня в новом облики? Ведь во мне практически ничего не осталось от прежней Бэль Сигнет, теперь я была «самым роскошным хищником на Земле», как любил говорить Эдуард. Тигриную грацию, необычайно мелодичный голос и внутреннюю силу не скроет никакой камуфляж. Я даже не могла встретиться со своими друзьями. Угроза перед разоблачением была достаточно реальной. Ведь все члены моей семьи после того, как стали вампирами, в свое время покинули родные места, где их могли бы узнать. А я осталась в Бейнбридже, который был недалеко от Сиэтла, где я встретила Эдуарда и жил мой отец Генри Сигнет.

Чего только мне стоило лавировать между желанием друзей по школе увидеться со мной! Хотя я прекрасно понимала, что это, скорее всего, было вызвано любопытством – они ни разу не бывали у нас на острове.

Я все еще слушала, что рассказывает мне мама, когда Эдуард произнес:

– Пусть приезжает к Элизе на Рождество, у меня давно продуман план действий на такой случай, – с ленцой в голосе сказал Эдуард. – Я подозревал, что это может произойти.

Я с благодарностью посмотрела на своего мужа.

Эдуард неразличимым для людей шепотом изложил мне свой план. Было просто и изящно. Я спокойно улыбнулась.

– Мо, тогда приезжай в Бейнбридж на Рождество. Элиза собирается устроить грандиозное празднество. Она выведет представление о Рождестве на новый уровень! – постаралась сказать я как можно оптимистичнее.

– О, чудесно! А Ханна там будет? Генри мне все время про нее рассказывает. Я вчера звонила ему по поводу подарка тебе, и он сказал, чтобы я захватила пару книг для нее. Что ей подарить на Рождество? Бэль, почему ты мне про нее ничего не рассказывала? – спросила Мо с обидой в голосе.

Я от шока снова вскочила на ноги, застыв с трубкой в руках. Откуда она узнала о Ханне?

Эдуард мгновенно поднялся с пола на ноги, как всегда делал в момент опасности, и четко прошипел каждое слово:

– Если Генри все-таки рассказал про Ханну...

– Мы все понимаем, что это значит для нас, – сказала я, прикрыв трубку рукой. Что она знает? Что именно Генри рассказал про нее? Я понятия не имела...

– Да... ой, мама, выбирай для нее подарок по своему усмотрению. Я тебе перезвоню, пока!

Я нажала на отбой. Эдуард аккуратно вынул трубку из моей неподвижной руки. Видимо, я застыла на некоторое время, потому что в голове роились примерно сотня вопросов, ответы на которые я могла получить только от отца.

– Мы немедленно едем к Генри! – сказала я безапелляционным тоном. На этот раз Эдуард не стал со мной спорить.

* * *

Генри, как всегда, сидел за компьютером после ужина и смотрел матч по футболу в записи, когда мы подъехали к его коттеджу. Я слышала сердцебиение отца еще за полмили до его дома. За все время пути мы с Эдуардом не проронили ни слова. Я беспокойно просчитывала возможные варианты событий, а он старался не оторвать руль своей любимой машины, настолько был взбешен.

Вдобавок обжигающий горло огонь жажды мучил меня с тех пор, когда на автозаправке опустила боковое стекло автомобиля, чтобы дать на чай работнику заправки, протершему лобовое стекло. Мне удалось прожить более полугода вне человеческого общества (спасибо телефону) и я отвыкла от запаха их крови.

Но в данный момент меня сильнее мучила неизвестность – ведь от того, что Генри рассказал Мо, зависит то, что нам придется делать на следующей неделе – разыгрывать спектакль, играя человеческие роли, или ловить медведей на севере Канады.

– Бэль! – радостно закричал Генри, буквально выскочив из кресла, когда мы зашли в гостиную его дома.

– Как же я рад тебя видеть!

Генри сверкнул глазами на Эдуарда. Это можно было и не переводить – и так понятно, что Эдуарда он не был рад видеть. Папа по-прежнему помнил те намеки, которыми мы пытались дать ему понять, что имеем отношение к пугающему его миру легенд и мифов. Он точно знал, что я стала частью этого мира, и что виной этому моя любовь к Эдуарду. Эдуард сдержанно кивнул головой в знак приветствия.

– Как Ханна? Прочитала ли она те книги, которые я ей подарил? – Генри, как и все, встречавшиеся с Ханной, был полностью ею очарован.

– Да, пап, и просила передать, чтобы ты подарил ей новые. И чтобы иллюстраций было побольше.

На самом деле Ханна вырезала иллюстрации и наклеивала их в отдельный альбом с заголовком: «Современное изобразительное искусство США, постмодерный период». Я постоянно говорила ей, что это чистой воды вандализм, ну, а Ханна отвечала, что она только делает честь авторам, иллюстрации которых включает в свой альманах. И еще любила повторять, что эти книги пишут для тех, чей интеллект не превышает интеллекта хомяка. А дедушка ее простит, ведь она еще совсем дитя.

Генри практически не изменился за последнее время. Все так же сдержан, лаконичен и неприхотлив. На работе у него было затишье, так что основные события в его жизни разворачивались на многочисленных футбольных полях Америки.

Пока Эдуард сиял великолепием на стареньком диване возле папиного телевизора, я, по привычке, пошла на кухню проверить, чем он питается. Еще не дойдя до холодильника, я почувствовала запах заплесневевшей пиццы и испорченного сыра.

– Пап, ты когда в последний раз нормально ел? Я имею в виду что-то, кроме фаст-фуда?

– Да нормально я питаюсь, – нахмурился папа, видимо, я задела его больное место. Готовить Генри не умел. А пока я жила с ним, то успела приучить ко всяким вкусностям. Если учесть, какой серьезный разговор мне предстоит, то мне нужно его задобрить вкусной домашней едой.

– Пап, давай я сейчас тебе что-то вкусненькое приготовлю, у меня в машине есть продукты, которые Элиза попросила купить. На обратном пути мы просто заедем в супермаркет и купим все снова.

– Хорошо, а я, пожалуй, пока что схожу в душ, – сказал Генри, поднимаясь по лестнице. – Дочь, деньги возьми в шкатулке у зеркала!

Эдуард откашлялся и повернулся ко мне. Я премило улыбнулась и сказала:

– Эдуард, ты мне не поможешь? С очаровательной улыбкой Эдуард проследовал со мной к машине:

– Ты что задумала? Будем грабить прохожих?

– Да нет, у меня просто есть один знакомый вампир, который быстро бегают. А для покупки Генри нужно отличное жаркое и салат. Да, и пиво. Ну что, наперегонки? – спросила я, видя, как Эдуард исчезает передо мной в густых зарослях, возле дома. Благо, что машина стояла в тени, и отец не мог даже случайно увидеть, как мы растворились в ночи.

Эдуард мчался впереди меня, я бежала сзади просто потому, что у меня отсутствовала хромосома, отвечающая за желание соревноваться. Да и зрелище бегущего Эдуарда того стоило. Сильными, мощными движениями он отталкивался от земли ногами, мышцы играли на нем, как на пантере во время прыжка, его глаза сияли от радостного возбуждения, на голове царил художественный беспорядок.

Через пару секунд мы бесшумно остановились у кромки леса возле супермаркета, вспугнув каких-то лесных птиц.

В супермаркете было всего несколько покупателей, на счастье – заезжие туристы. Я прошла по рядам, постепенно наполняя тележку. Мягко открылись двери, и на пороге появилась высокая брюнетка, за ней зашел мой бывший одноклассник Френк, который пытался ухаживать за мной. Только этого мне не хватало! Что он здесь делал? На рыбалку приехал? Мы виделись с ним в последний раз на моей свадьбе. А это было в прошлой жизни. Сейчас я была мало похожа на себя прежнюю, и разница очень бросалась в глаза.

Я посмотрела на свое отражение в витрине супермаркета. Линзы делают глаза карими, как раньше, кожа до сих пор розовая после недавней охоты, короткое летнее платье в полном порядке, только вот открытые руки и шея дают возможность рассмотреть мышцы, которых у Бэль Сигнет и в помине не было. Эдуард тихонько сказал, находясь в противоположном углу у стойки с прессой:

– Я сейчас подойду, стой, где стоишь.

Потом непринужденной походкой медленно приблизился ко мне и, отобрав тележку, галантно повез ее на кассу хитрым маршрутом, стараясь не встретиться с Френком.

– Френни, что ты будешь? – тоненьким голосочком спросила брюнетка у моего бывшего одноклассника.

– Бери на свое усмотрение, Мэнди, – раздраженным голосом ответил тот.

Мэнди вздохнула и пошла в отдел со спиртным. Я округлила глаза от догадки, что старина Френк, вечный шутник и «фонтан оптимизма», стал выпивать.

– Он что, алкоголик? – с испугом спросила я.

– Она за шампанским пошла и за клубникой, – тихо на ушко сказал Эдуард.

Мы стояли за стойкой в дальнем углу супермаркета, ожидая, когда эта сладкая парочка уйдет. Нет, я бы рада с Френком встретиться, но этот парень был на удивление наблюдательным. А нам не хотелось сейчас дополнительных проблем.

Через пару минут нам стало скучно прятаться за стеллажами и Эдуард начал развлекать меня оригинальным способом – рассказывать свои наблюдения.

– Мэнди очень надеется выскочить за него замуж. Для девочки из Огайо, которая поступила в колледж, скорее всего, по спортивной стипендии, Френк – просто золото – будущий наследник бизнеса его родителей. Хотя будущий жених, наверняка, злится, что она так настойчиво рвется под венец, но учитывая твоё раннее замужество, это не будет выглядеть таким странным поступком.

Эдуард вдруг нежно провел пальцем по моей скуле, отчего я забыла, где нахожусь.

– У тебя романтическое настроение? – спросила я прерывисто.

Но в ответ Эдуард снова провел рукой по скуле и когда пальцы остановились на моих губах, сказал:

– Просто вспомнил тебя в день свадьбы, когда ты шла к алтарю... Ты была такой... нежной и храброй. Думаю, что никогда этого не забуду.

Я бы зарделась от счастья, да, увы, уже не могу.

– А о чем подумал ты тогда? – тихо спросила я, удерживаясь от желания повалить его на пол и разорвать его одежду в клочья. Мои вампирские инстинкты закипали все сильнее и сильнее.

– О, это трудно описать словами. Я был счастлив, как никогда в своей жизни до этого момента. А еще я думал об этом. Он слегка наклонился ко мне и страстно поцеловал в губы. Прикосновение его губ вызвали во мне бурю ответных чувств, казалось, что мы бы могли сжечь целый лес таким накалом страстей. Я с радостью обнаружила, что это не проходит со временем, даже становится глубже и ярче. Мои ноги обвилились вокруг талии Эдуарда, и он сказал прямо в мои раскрытые губы:

– Бэль, может, подождешь, когда мы вернемся к себе?

В ответ я упрямо помотала головой и сильнее впилась губами в его губы.

Он немного отстранился и сказал:

– Я, конечно же, не против, даже очень «за», но прямо сейчас сюда идет Френк.

Эдуарду понадобилась всего секунда, чтобы поставить меня на ноги, поправить волосы и одежду мою, кстати, тоже. Однако это не уняло огонь внутри нас. Ох, сегодняшнюю ночь он надолго запомнит!

– Бэль! – сказал Френк, стоя возле соседнего стенда с пачкой чипсов в руках. Он, застыв, скользил по мне лихорадочным взглядом. Вот поэтому я и не любила бывать на людях, моя красота привлекала ко мне излишнее внимание, а этого я терпеть не могу.

Что он там увидел, не знаю, но Эдуард, увидев его многозначительный взгляд, тут же встал между нами и вежливо сказал:

– Добрый вечер Френк, как же я рад этой неожиданной встрече.

– Привет, Френк! – сказала я с улыбкой в голосе из-за плеча Эдуарда. Вся эта ситуация начала нас забавлять. Эдуард улыбнулся мне моей любимой кривоватой улыбочкой, посмотрев на меня через плечо. Потом повернулся к Френку и с тяжелым выражением лица сложил руки на груди. Я, как никто другой, знала это выражение лица. В этот момент даже мухи дохнут в радиусе одного метра вокруг него. Его вампирская сущность слегка пробивается наружу и людям становится очень не по себе от его присутствия. Френк нервно сглотнул и пробормотал:

– Я тут, мы это... с Мэнди зашли... за... ну, вы понимаете, свидание у нас, – сказал Френк, неопределенно махнув рукой в сторону зала.

Френк уже готов был пуститься наутек. Я решила срочно разрядить обстановку, не смотря на то, что он там думал про меня. Я вышла из-за Эдуарда, и Френк стал внимательно разглядывать свои шнурки. По-моему, он был готов исчезнуть в любой момент. Надо спасать ситуацию.

– Френки, я так рада тебя видеть! Как ты?

– Да нормально, учусь на менеджера туристического бизнеса. Папа решил расширяться...

Договорить он не успел, потому что в этот момент Мэнди наконец-то обнаружила Френка и пошла проверить, с кем он там разговаривает. Я вдруг поняла, что мой план быстро вернуться к Генри домой безнадежно провалился. Мэнди, стройная брюнетка, ненамного старше Френка, оценивающее окинула нас взглядом. Увиденное значительно расширило ее представления о возможном варианте замужества – парень вроде Френка, видимо, перестал быть пределом ее мечтаний. Она, открыв рот, разглядывала Эдуарда, особенно задержав взгляд на его дорогих часах и дизайнерской рубашке. Эдуард явно развлекался, потому что обнял меня за талию и прижал к себе.

Мэнди поджала губки и задрала повыше свой носик, глядя на меня. В ее глазах читалась разочарование от того, что ее кто-то опередил. Конечно, мы были прекрасной парой.

– Эдуард, Бэль, это моя хорошая знакомая Мэнди, – сказал Френк.

– Очень приятно, Мэнди. Позвольте мне представить мою жену, Бэль Ричардсон, – вежливо улыбаясь, сказал Эдуард.

– Очень приятно, Бэль, рада с тобой познакомиться, – вдруг очнувшись, сказала она.

Происходящее в ее голове не было секретом для Френка, он схватил Мэнди за руку и торопливо сказал:

– Нам пора, надеюсь, что мы еще пересечемся где-нибудь, – сказал она Эдуарду, тащась за своим бойфрендом к кассе.

Эдуард повернулся ко мне и сказал:

– Удивительно, но Френк до сих пор еще действует мне на нервы!

* * *

Когда мы приближались к кромке леса за домом, я вдруг увидела Генри, который в недоумении стоял возле нашей машины, крутя головой по сторонам. Он прикоснулся руками к капоту автомобиля. Ага, проверяет, горячий ли двигатель.

– Вот засада! – простонала я.

– Не совсем, – сказал Эдуард, беря меня за руку. Он потащил меня к противоположной стороне дома, где мы спрятались за углом.

Генри озадаченно брел ко входу в дом. Когда он подошел к двери, мы вышли из-за угла дома.

– Говорю ж тебе, что нет там того дерева, его бурей сломало, – сказал Эдуард.

– Да, а я надеялась, что оно устояло, – ответила я в тон, понятия не имея, о каком дереве он говорит.

– Генри, прошу прощения за опоздание. На Бэль нахлынула ностальгия по родным местам. Вот мы и решили немного прогуляться по окрестностям.

Генри вздрогнул, вряд ли нам удалось его одурачить. Но прицепиться было не к чему. Нас спасало его упорное желание воспринимать Ричардсонов без добавки мифических тайн. Мы молча вошли в дом, Эдуард нес пакеты с едой. Я же изображала неспособность.

Пока папа досматривал очередной блок новостей, мы с Эдуардом, морщась и корча рожи, готовили человеческую еду.

– Ужас, как это можно есть, – шепотом жаловалась я.

Эдуард тихо хихикал рядом.

– Попробуй просто не дышать.

– Не-а, тогда мясо может пригореть.

На самом деле я чувствовала запах не только мяса и других продуктов. Я чувствовала запах клея, которым был склеен пакет с молоком, запах солидола на деталях плиты, вонь отбеливателя, который стоял с закрученной крышкой в ванной наверху. Но самым приятным запа-

хом был запах горячей крови Генри, благодаря которому я уже целый час мучилась от невыносимой жажды. Она раздирала мой мозг, веля наброситься на бьющуюся жилку на шее родного отца. Но я держалась, беря пример с Эдуарда. В данный момент я почти ненавидела свою новую вампирскую сущность.

После второй порции мясного жаркого Генри улыбался, как довольный кот. Из вежливости он предложил нам к нему присоединиться. Но мы почти одновременно заявили, что не голодны. Генри молча опустил глаза и принялся за еду. Потом, попробовав мое жаркое, он улыбнулся и весело спросил:

– Бэль, может, переедете жить ко мне? А то я совсем истощаю от голода!

– Я бы с радостью, но только куда мы поставим рояль Эдуарда? – отшучивалась я.

– Я не против, только Ханну возьмите!

– О, тогда придется и Брукса с собой привезти! Эти двое просто не мыслят свою жизнь друг без друга!

– Эх, молодость, эх, любовь! – сказал он, и мы понимающе рассмеялись.

Эдуард, вдруг став серьезным, сказал:

– Генри, кстати, вы в курсе, что Мо решила приехать на Рождество в Бейнбридж и просто мечтает познакомиться с Ханной?

Над столом повисло тяжелое молчание. Генри заерзал на стуле и, хмыкнув в усы, сказал:

– Видимо, кулинария как средство смягчить собеседника перед тяжелым разговором – любимая стратегия семьи Сигнетов.

Спокойно смотря ему в глаза, я сказала:

– Папа, мы бы хотели знать слово в слово, что ты рассказывал Мо о Ханне. От этого многое зависит, – практически умоляющим голосом сказала я.

Генри ответил:

– Бэль, Эдуард, я должен попросить у вас прощения. Ведь я обещал, что сохраню вашу тайну от всех, включая Мо. Я был осторожен, как только мог. Никому ничего не рассказывал, придерживался в разговорах с другими «официальной версии». Мне ужасно хотелось повесить фото Ханны в доме или хотя бы поставить его на своем рабочем столе! Вы же знаете, как я ее люблю! Но я и этого себе не позволял. Я даже предположить себе не мог, что я так просто нарушу данное вам слово!

– Что же произошло, Генри? – сдерживая нетерпение, спросила я.

– На прошлой неделе я поехал на рыбалку на один из островов Броккен Исланд. Знаете, там есть такие заводи с рыбой, что уезжать не хочется. Значит, сижу я на берегу, тишина вокруг, удочка, я и пиво. Вечереет... – Генри вдруг запнулся. – Все было хорошо, пока в соседнем лесу я не услышал волчий вой...

По выражению папиного лица я поняла, что сейчас начнется самая интересная часть истории.

– Не волнуйся, Бэль, я же перед тобой сижу целый и невредимый. В общем, я взял дробовик в руки – вы же знаете, что в тех местах водятся медведи, и он всегда при мне. Я взвел курки... – От его слов я схватилась за голову – он же мог пристрелить Брукса! – Вдруг огромный черный волк задрал голову вверх и так завыл, что кровь в венах застыла. Я, конечно же, упал на землю, чтобы эта зверюга не учуяла мой запах.

Я зажмурилась, потому что мои самые большие страхи сбывались – нам не удалось удержать Генри на расстоянии от нашего мира.

Генри продолжал:

– Как раз наступили вечерние сумерки, и в свете неполной луны на поляну выскочил огромный черный волк, размером с лошадь, не меньше! Я сразу же прицелился, но заметил на его спине какой-то силуэт, который с хохотом скатился с лохматой спины.

Генри при этих словах внимательно на нас посмотрел.

– Ребята, я надеялся, что вы лучше присматриваете за моей внучкой. Одна ночью в лесу, с... Бруксом. Вам что, трудно самостоятельно выполнять свои родительские обязанности?

Я тихо охнула, Эдуард стиснул голову руками.

– А самое интересное было то, что произошло потом.

Я обреченно опустила голову, пытаясь остановить панику от осознания катастрофы, которая произошла.

– Брукс убежал в лес, а Ханна... швырнула тяжелый рюкзак на добрую сотню метров в Брукса. Одним точным движением.

Я удрученно вздохнула.

– А пока тот переодевался, уговаривала дочитать его первый том Кафки. А я как дурак ездил в Олимпию, чтобы выбрать ей в подарок «легкую» литературу с красочными иллюстрациями!

– Она бы их оценила, поверь мне, правда... по-своему, – тихо сказала я.

– Поверьте мне, я очень стараюсь не задумываться о ее невероятной силе или о превращении Брукса в волка. Меня только волнует один вопрос – что вы себе думаете? Моя внучка должна находиться под присмотром матери и отца, а не волка-оборотня.

– Генри, а при чем же тут Мо? – уже спокойнее спросил Эдуард, пропустив последнюю тираду мимо ушей.

– Дело в том, что когда они исчезли в лесу, я решил позвонить тебе, Бэль, чтобы дать чертей за такое материнство. Дело в том, что твой номер у меня в телефоне закодирован под цифрой «1», но я в темноте нажал на «4», а это номер Мо. Через пять гудков включилась головная почта, и я наговорил сообщение, в котором упомянул тебя, Эдуарда, Ханну и Брукса, по моему, еще Господа всуе. На следующий день Мо мне перезвонила и в недоумении спросила, кто такая Ханна и как она связаны с вами. И почему ты должна лучше за ней смотреть.

– А что именно ты сказал, можешь повторить буквально дословно, это очень важно, – спросила я ледяным тоном.

Эдуард превратился в камень, закрыв глаза, – его привычная реакция на стресс. Я, по моему, не отличалась от него в данный момент. Генри как-то странно на нас смотрел. Я вовремя одумалась и моргнула, Эдуард скрестил ноги под столом и начал имитировать дыхание. Я вслед за ним.

Генри отвел от нас свой взгляд и с усилием сжал пальцами переносицу, будто пытаясь забыть увиденное только что.

– Сказал: «Бэль, это папа. Ты, вообще, имеешь хоть какое-нибудь представление о том, где сейчас Ханна?»

Ты могла бы лучше присматривать за ней? Если всем Ричардсонам, вместе взятым, тяжело присмотреть за маленькой девочкой, то я с удовольствием сделаю это за вас. Если тебя не затруднит, перезвони мне, как только сможешь». Все, – произнес Генри монотонным голосом.

Это катастрофа, Мо этого так не оставит. Перед моим мысленным взором проплывали картины арктического пейзажа и мерзкие, невкусные пингвины.

Эдуард убрал все эмоции со своего лица и, как можно вежливее, произнес:

– Генри, благодарим вас за гостеприимство. Очень прошу вас пока что воздержаться от разговоров с Мо о Ханне, пока мы не обсудим сложившуюся ситуацию с семьей.

Эдуард уже тащил меня к двери.

– До встречи, папа! – только и успела сказать я, пока шла к двери.

* * *

Диксон немедленно созвал всех на совет клана. Нам пришлось только подождать, когда Лили и Келан вернутся с охоты.

Мы сидели все за столом переговоров в гостиной Диксона и Элизы, включая Ханну. Брукс сидел возле нее, но напротив Эдуарда, и откровенно скучал.

Полчаса назад, когда он соблазнял Ханну съесть немного тушеного мяса, у меня с ним состоялся примерно такой разговор:

– Бэль, перестаньте дергаться! Да что вы все так переживаете? – недоумевал Брукс.

Я мигом подлетела к нему и его глаза рефлекторно сузились, когда вампир предстал перед ним нос к носу. Он как раз стоял перед большим кухонным столом, на котором восседала Ханна с видом неприступной царицы. Она симпатично морщила носик, перед которым застыла ложка с куском тушеного мяса. Брукс строил смешные рожицы, надеясь, что она засмеется и ему удастся просунуть ложку в ее рот, и при этом умудрялся разговаривать со мной.

– Я дергаюсь, потому что, как ты думаешь, что сделают Триумвират, когда у них появится информация о смертной, владеющей тайной существования нашего рода? А что станет с Генри, если он все-таки решит разобраться в том, что произошло со мной? Даже легкий намек на правду может решить его участь. Триумвират с радостью казнит моего отца, ты понимаешь это?

– Бэль, отойдите, пожалуйста, в носу от вашего запаха просто огонь полыхает! – сказал он умоляюще, и я послушно встала позади Ханны, не желая терять нить разговора.

– Потому что она невероятно наблюдательна! А там, где чего-то не заметит, то с радостью дофантазирует и напишет об этом в своем блоге!

Задумавшись над моим аргументом, Брукс в растерянности сам съел мясо.

Ханна даже просияла и изрекла:

– *Es o riebeklbu neragalam nebu esmu!*¹

Брукс, не поняв ни слова, негромко крикнул:

– Эдуард! Переведите, пожалуйста! – это было обычным делом в нашей семье.

Ханна испуганно сказала:

– Нет-нет, не надо! Элиза обидится! – добавила она шепотом.

В кухню зашел Эдуард и сказал дочке, беря ее за руки:

– Не переведу. Но я бы на твоём месте все-таки попробовал это отличное мясо!

Ханна, обожавшая папу не меньше Брукса и меня, с грустным видом открыла пошире рот и зажмурилась.

Из гардероба на втором этаже донесся голос Джека:

– Пожалуй, сейчас будут слезы...

Эдуард серьезно спросил у дочки:

– Ханна, напomini мне, пожалуйста, для чего ты пытаешься привыкнуть к человеческой еде?

– Ради шоу в честь приезда бабушки Мо.

Эдуард довольно кивнул головой. Аргумент был мощный, и дочка послушно приняла кусочек еды. Кривясь, словно она ела целлофан, одолела свой первый кусок. И философски стала ждать результатов. Просияв, она заявила:

– Жажда уходит!

Брукс счастливо улыбнулся.

– Вот видишь, Бэль. У нас есть время, она ко всему привыкнет. Мы отыграем свои роли и потом дальше проживем обычной жизнью!

¹ я эту гадость ни за что не буду есть (лат.)

Звучало заманчиво, и мне так хотелось в это верить.

– Семейный совет начинается через тридцать минут. Диксон уже в дороге. Ханна, я бы хотел, чтобы ты на нем присутствовала, – сказал Эдуард и вышел из кухни. – И Брукса своего возьми.

– Ну, спасибо! – пробубнил тот, недовольно нахмутив брови.

– Ой, да перестань! – сказала Ханна и потащила его за собой. Он, как всегда, был не в силах сопротивляться и пошел за объектом своего искреннего обожания.

Когда все наконец-то собрались, Диксон на правах главы клана начал первым:

– Все прекрасно осведомлены в сложившейся ситуации, так что перейдем к делу. У нас, как всегда, есть два выхода из сложившегося положения: или мы тихо исчезаем, что, по сути, не решит проблему, а только ее усугубит, либо мы остаемся и притворяемся людьми в течении нескольких дней, что в наихудшем случае немного усложнит нашу жизнь.

Диксон был против отъезда, и по его словам было понятно, что он не считал приезд Мо катастрофой. Он выглядел не старше нас, но был самым древним вампиром среди нас, готовым положить жизнь ради любого из нас. Мы знали это и подчинялись его решениям, потому что они были приняты с мудростью и любовью, а это уничтожало любые сомнения.

Лили открыла было рот, но Джек слегка пнул ее стул, за что был вознагражден неприветливым взглядом. Не стоило даже спрашивать, что она хотела сказать – и так понятно, что довольной она точно не была.

– На мой взгляд, ситуация складывается таким образом, что нам просто необходимо остаться и принять Мо на рождественские праздники. Потому что наш внезапный отъезд в Гватемалу немного удивит ее и вызовет ненужные подозрения. Лучше будет принять ее, сыграть свои роли, а потом уж думать о возможном переезде.

Лили довольно улыбнулась, Келлан взял ее за руку. Они уже давно планировали поехать опять в Южную Африку. Келлан неоднократно вспоминал о прелестях охоты на львов. Мне было бы тоже интересно узнать, каковы они на вкус... наверное, намного лучше оленей.

– И я надеюсь, что мы сейчас продумаем наилучший вариант приема Мо.

Я старалась сосредоточиться на том, как осторожнее вести себя с мамой. Но думать только могла о том, какое выражение увижу на ее лице в момент встречи. Я прекрасно помнила реакцию Генри. А он намного сдержаннее Мо. Правда, она несколько ветреная особа и может легко отвлекаться. Если умело пустить пыль ей в глаза, то, в общем и целом, все получится.

Эдуард сидел, замерев, прослушивая все варианты, высказанные присутствующими. Кроме моих, естественно. Я, честно говоря, была несказанно этому рада, потому что в моей голове царили паника и хаос, а это не помогает принимать правильные решения.

Элиза взволнованно посмотрела на Диксона и начала:

– Я могу сказать, что это моя племянница, которая приехала погостить к нам на Рождество.

– А как ты объяснишь наличие кудряшек Генри и глаз Бэль? – спросил Диксон.

– А мы ее замаскируем, как и Бэль, – ответила Алиса.

Ханна схватила свои локоны и сиротливо прижала их к щекам, широко открыв глаза. Моя дочка любила свои кудри и ни за что не давала их стричь. Чтобы заставить ее укоротить волосы, нужно было немало постараться. Правда, уже полгода, как рост замедлился, и они доставали до пояса. Я, честно говоря, была не уверена, будут ли они расти у нее, если их подстричь. И какой ген тут сыграет большую роль – человеческий или вампирский, я не знала. Нужно скорее начинать исследования. Я тяжело вздохнула, с любовью глядя на дочь.

Странно, но, по сути, я не могла точно разобраться в том, что же именно меня больше беспокоит – наше возможное разоблачение, которое может повлечь за собой очередную схватку с Триумвиратом, или то, что моя невероятно проницательная мама – любительница мистики – будет очарована внучкой настолько, что решит перебраться поближе к нам. А она считала, что

мы учимся в Принстоне. Мы регулярно высылали ей фальшивые фотографии, на которых мы были изображены то на фоне главного здания, увитого плющом, то в университетской библиотеке. Конечно, мы обучались дистанционно и честно сдавали вовремя необходимые тесты и письменные работы. Я даже делала большие успехи в изучении биологии, что было не сложно, когда твой свекор был врачом с двухсотлетним стажем. А муж имеет четыре научных степени по медицине. Правда, у меня были сложные взаимоотношения с человеческой кровью – как до обращения, так и после. Но я выбрала такую стезю ради дочери и не намерена сворачивать с намеченного пути!

Эдуард чему-то улыбнулся и с совершенно серьезным выражением лица сказал:

– Значит, решено! План примерно такой: мы представим Ханну Мо как племянницу Элизы.

Потом он нежно взял меня за руку и сказал:

– А твою красоту, любовь моя, к моему огромному сожалению, придется замаскировать. Причем нужно очень постараться, потому что Мо как твоя мать, пусть и в не общепринятой трактовке, почувствует перемены в тебе.

– Да кто ж их не заметит? – вдруг возмущенно сказала Лили. – Я до сих пор удивляюсь, как это Генри не пришел снимать ее отпечатки пальцев, чтобы удостовериться в том, что она действительно его дочь.

Внезапно все посмотрели на меня.

– Ой, да не волнуйтесь! Я загримирую ее так, что Мо ничего не заметит. И вообще, нужно принимать во внимание, что люди со временем немного меняются. Не так ли, Бэль? – с надеждой на мою поддержку сказала Алиса. – А в счастливом браке вообще расцветают!

Я согласно кивнула головой. Кто-кто, а Алиса умеет поработать над внешностью.

– Да, но у себя принять мы ее не можем, – категорично заявил Келлан.

Эдуард с улыбкой кивнул головой.

– Это почему же? – спросила я в недоумении.

– А ты готова трижды в день давиться человеческой пищей?

Ханна в ужасе закрыла рот руками. Я поежилась. Есть это липкое, мохоподобное месиво я не собиралась. Как, впрочем, и все остальные. Нужно было срочно искать другой вариант.

А если она остановится в гостинице или у Генри? И пусть только попробует мне отказать. Он виноват в сложившейся ситуации! Только вследствие его ошибки Мо узнала про Ханну и поэтому собирается провести рождественские каникулы в компании вампиров и оборотней. Он мне серьезно задолжал!

– Отлично, я это вижу, Бэль! В таком варианте у нас есть шанс на благополучный исход.

– А что, до сих пор не было? – в ужасе спросила я.

– Ну, ты бы не хотела этого знать, поверь мне, – сказал Эдуард, за приятной улыбкой пряча внутренне напряжение.

Я все равно смогла обрадоваться, ведь мы не станем срываться с места и уезжать из Бейнбриджа на неопределенное время. И бесконечно придумывать новые извинения для Мо. Мы останемся здесь и будем искать способы жить привычной для нас жизнью, не вызывая подозрений у окружающих. Я в тайне и надеялась на такой вариант развития событий.

Мы еще неспешно обсуждали детали приема Мо, пока я не заметила, что ритм биения сердца Ханны замедляется, а дыхание становится глубоким и медленным. Она заснула прямо за столом, положив голову на сложенные руки. И не удивительно – на часах было около полуночи. Эдуард бесшумно встал и, слишком быстро для человеческого глаза, приблизился к дочке. Брукс тут же оказался рядом.

– Даже и не мечтай! – зло зашипел Эдуард на будущего зятя.

– Но только до вашей хижины! – заныл Брукс, просто как маленький.

– Потом наносишься, а пока что она – моя дочь, и я буду носить ее, когда хочу и сколько хочу! – Эдуард ревниво отодвинул плечом Брукса от стола. Мне стало смешно – вспомнила, как Генри постоянно влезал в буквальном смысле между мной и Эдуардом.

Здоровенный Брукс стоял за стулом Ханны, по-детски выпятив нижнюю губу. Это напомнило мне о том, что вся эта груда мышц на самом деле простой парень, влюбленный в мою дочь. А это серьезно. Эдуард взглянул на него и, закатив глаза, сказал:

– Ну ладно, только не разбуди.

– О, я сейчас ее куртку принесу! – просиявший Брукс метнулся в прихожую и вернулся с коричневой паркой в руках.

Брукс укрыл Ханну курткой и аккуратно поднял на руки, стараясь не касаться ее руками. Температура их тел была разная – у Брукса слишком горячей, а у Ханны – холодной. Любое его прикосновение могло ее разбудить, да и за окном шел дождь, так что в любом случае куртка не помешает.

Мы тихо попрощались с семьей и растворились в прохладной ночи.

* * *

Брукс неслышно ступал по земле, не убавляя при этом довольно быстрого темпа ходьбы. Эдуард и я следовали немного позади, нетерпеливо поглядывая на широкую спину Брукса, из-за которой свешивалась рука Ханны.

Я бы тоже с удовольствием отобрала дочку у Брукса, но мне не хотелось опять затевать спор о том, что Ханна должна больше находиться дома с нами, чем в его компании. Это нас только расстраивало, потому что уходило в высокие материи, к которым относилась любовь. Я с большим пониманием относилась к его чувствам, но Эдуард... Сказывалось его воспитание. Он, скрепя сердцем, отпускал ее с Бруксом только потому, что был полностью уверен в его искренности, хотя с удовольствием увидел бы Ханну дома с книгой в руках. Я подозреваю, что так он пытался выглядеть более современным, разрешая дочери носиться по округе с влюбленным в нее оборотнем, который прямо сейчас счастливо мурлыкал себе под нос какую-то нежную песню.

На пороге дома он беспрекословно передал Ханну Эдуарду и в нерешительности остановился у порога.

Эдуард осторожно понес дочь в дом, стараясь не разбудить.

Я вдруг вспомнила, что совсем забыла поговорить с Бруксом по поводу приезда Мо. Мне нужно было удостовериться в том, что он будет вести себя максимально осторожно.

Я затащила его внутрь дома, и он уселся на диване. Потом взял подушку и стал дышать через нее. Однако отбросил ее со словами:

– Нет, так запах еще сильнее. Прости, никак не привыкну...

Я пропустила эту констатацию факта мимо ушей и сказала:

– Спасибо, что помог с Ханной. Ты спешишь домой? Мне нужно с тобой поговорить.

– Бэль, меня сегодня Вилли не ждет. Сегодня моя очередь бегать до утра по окрестностям Бейбриджа. Так что валяй, выкладывай, что там у тебя!

Ну вот, опять! Как бы не начать препираться снова... Я глубоко вздохнула и начала:

– Брукс, слушай, ты, конечно, крутой оборотень и все такое... но ты еще и по уши влюбленный Ромео. А это в условиях конспирации может быть проблемой.

Брукс с улыбкой сложил руки на груди и воинственно вздернул подбородок. Знала я такое выражение его лица. Живописное выражение несогласия. Ушел в глухую оборону.

– О'кей. Я только хотела от тебя услышать, что ты будешь скрывать свои чувства к Ханне. Потому что моя мама, хоть и путает дни недели, но интуицией обладает феноменальной. Она

моментально заметит что-то между вами. Ну, а вероятность того, что вы оба успели так спеться за один день каникул, просто смехотворна.

Брукс театрально закатил глаза:

– Бэль, не дергайся! Ну почему мы опять это обсуждаем? Я не маленький и все понял – делать вид, что я ее недавно знаю, относиться, как к незнакомой девчонке. Не разговаривать и не переглядываться. Буду шарахаться от нее и жаловаться на несносность подростков.

Я довольно кивнула головой.

– И не шнырять с ней по округе, выслеживая гризли и оленей повкуснее. Не утаскивать ее на ночные сборища в Сиэтл. В общем, верни нам ее на пару дней, хорошо? – попросила я.

Бруксу польстило мое признание его роли жизни Ханны, и он задумчиво добавил:

– Честно говоря, мне не мешает небольшая передышка в изучении Чоссера. Я еще не дочитал книгу. Ее так неудобно носить привязанной к ноге вместе с джинсами!

Благодаря волчьей телепатии стая Брукса грозила стать самой образованной по части классической английской литературы.

Я негромко рассмеялась. Было приятно достичь такого взаимопонимания.

– Все, теперь я уверена, что ты сделаешь все, чтобы ничем ей не навредить.

Брукс согласно кивнул и поплелся к входной двери. Выйдя, он помахал рукой на прощание и пошел к кромке леса, которая начиналась прямо за домом. Я еще немного посмотрела на его удаляющуюся фигуру и закрыла входную дверь.

Наконец-то мы одни. Счастливо вздохнув, я пошла искать Эдуарда и застыла на пороге спальни, зачарованная увиденным.

Эдуард стоял около камина спиной ко мне, огонь мягко освещал его. Он успел расстегнуть рубашку, и красноватые блики отражались на его совершенном торсе, от чего казалось, что его взъерошенные волосы были цвета меди. Он стоял, слегка наклонив голову, и читал сообщение на телефоне. Потом закрыл его и, задумавшись, уставился на огонь. Мое тело моментально вспыхнуло от желания завалить его на ковер и воплотить в жизнь планы, которые возникли в бакалейном отделе супермаркета. А у вампиров трудно с самообладанием...

Улыбаясь, я стала осторожно подкрадываться к нему, стараясь не издать ни звука, словно на охоте. Но по дороге наступила на скрипучую половицу и тут же оказалась в железных объятьях, припечатанная к полу. У меня захватило дух от неожиданности и восхищения его скоростью. Эдуард смотрел на меня своими темно-охровыми глазами, которые излучали столько нежности и любви, что если бы мое сердце все еще билось, то точно бы выпрыгнуло из груди от волнения. Я обхватила его голову руками и нежно поцеловала. Эдуард издал низкий рык, который прошелся по моему телу волной удовольствия. Через секунду мы уже были на пути к тому, чтобы освободиться от лишних деталей одежды, как услышали шумное сопение около входной двери.

– Убирайся! – продолжая меня целовать, крикнул Эдуард в сторону двери.

– Это кто? Это Брукс? – спросила я.

– Брукс, конечно! Он услышал грохот, когда я тебя поймал и решил проверить, не подверглись ли мы нападению.

Я была готова закричать. И совершенно точно не собиралась продолжать при свидетелях.

Завернувшись в покрывало с кровати, я распахнула входную дверь. Посреди дороги к домику развалился огромный черный волк. Он положил голову на лапы и спокойно на меня смотрел.

– Брукс, это уже переходит все границы! Ты можешь оставить нас хоть ночью? Нам бы не помешало немного уединения!

Потом я добавила трагическим шепотом:

– Ты разрушаешь мою жизнь!

Брукс недовольно заурчал. Но не сдвинулся с места.

Ну, хватит! Я напрягла все свои мышцы и, негромко зарывав, сказала:

– Брукс, я, конечно, ценю твою преданность и все такое, но... убирайся вон!!! – я стояла на пороге дома, указывая рукой в сторону Северного полюса. – Да, и можешь потеряться там на несколько недель...

– Или месяцев, – вполне слышно добавил Эдуард из глубины дома.

Брукс поднялся с тропинки и явно ухмыльнулся, если волки вообще могут ухмыляться.

– Брукс, мы этого бы очень хотели, – сказал Эдуард.

– И лучше не портить отношения со своей будущей тещей!

Брукс нагло оскалился (или мне так показалось) и лениво потрусил прочь.

Я, закрыв глаза, стояла и слушала, как он удаляется все дальше от дома. Мне до ужаса хотелось швырнуть в него чем-нибудь тяжелым.

Эдуард стоял неслышно за мной, глядя в ночь.

– Ах, эта молодость, ах, эта любовь! – сказал он с еле сдерживаемым смехом. Я заставила себя расслабиться и улыбнулась ему в ответ.

– Так, на чем мы остановились? – спросил он деловым тоном.

Я готова была подробно ответить на его вопрос, но вместо этого сильные руки Эдуарда подхватили меня и мы исчезли в направлении спальни.

* * *

От приятных воспоминаний я немного забыла, где нахожусь, но меня привела в чувство Лили, которая носилась мимо меня, то со столовыми приборами, то с готовыми блюдами. Алиса же неистово наводила последний лоск на обстановку: появились многочисленные вазочки, фотографии в рамочке, в том числе наши свадебные. Я робко спросила:

– Может, я все-таки могу чем-то помочь?

Алиса, грациозно пробегая мимо, только зашипела в ответ. Правда, потом вернулась обратно и, осторожно чмокнув меня в щеку, сказала:

– Ты уже очень нам помогаешь тем, что не двигаешься и не портишь свой камуфляж. Ты сегодня у нас в центре внимания и главный игрок. Так что набирайся сил.

И будь умницей.

Да уж, сил. То, что я могла спокойно швыряться железнодорожными вагонами, она, видимо, не учла.

– Да знаю я, знаю! – кисло сказала я.

В просторной гостиной усилиями Лили и Алисы образовался шикарный фуршетный стол – розы в высоких вазах, много закусок и салатов. Как раз то, что любит Мо. Это давало прекрасную возможность делать вид, что мы что-то едим, на самом деле просто пряча повсюду еду. На столе стояло множество декоративных ваз с цветами. Ну, не знаю, кто куда, а я буду прятать там. Я подошла и, взяв вазу побольше, попробовала засунуть туда эклер.

– Бэль, и не вздумай! Это – для цветов.

Я, шутя, показала ей язык.

– Алиса, ну это... сделано с размахом, – сказал Диксон, заходя в дом вместе с Бруксом и Ханной, разглядев праздничный стол, украшенный цветами и свечами.

Увидев свою дочь, я ойкнула – она была одета как среднестатистический подросток. Конечно же, джинсы, футболка с дурацкой надписью, вязаная шапочка и кеды. Я была слегка разочарована – ну разве мог мой ангел носить такие заурядные вещи? На глазах у нее были голубые линзы, а «кудряшки Генри» безжалостно выпрямлены. Интересно, как Алисе это удалось?

– Мамочка! – крикнула Ханна и бросилась ко мне. Я обняла ее и, как всегда, с удовольствием вдохнула запах ее волос. Она аккуратно поправила мой свитер и, сморщив нос, вдруг серьезно сказала:

– Мама, но хотя это не совсем то, что я привыкла видеть, но все-таки ты все та же.

Я привыкла серьезно относиться к словам моего вундеркинда и серьезно спросила:

– Ханна, ты заметила какие-то недостатки в моей маскировке?

Она чарующе улыбнулась и сказала:

– Что ты! Просто ты – моя мама, и поэтому самая прекрасная на свете.

Я еще раз обняла ее и осторожно поставила на пол.

Диксон подошел к нам и спокойно спросил:

– Ханна, дорогая, прошу тебя, давай еще раз повторим твою «историю» для бабушки Мо.

Она села на диван и с видом профессора стала излагать:

– Я – племянница дяди Эдуарда. Мои родители уехали служить на военную базу в Европе и, зная, что Элиза просто обожает заботиться о детях, попросили приютить меня на ближайшие полгода. Правда, возможно, контракт моим родителям продлят, и я останусь здесь подольше. В школу я не хожу из-за редкого заболевания крови, которое вызывает понижение уровня гемоглобина. Поэтому я такая бледная. Потом я буду усиленно скрывать свою образованность и прикидываться глупым тинэйджером.

Эдуард появился из кухни и, окинув дочь взглядом, потрепал по макушке.

– Ой, кто ты и что сделала с моей дочерью? – спросил он, шутя, но Ханна вскочила, уткнулась ему в плечо, пробубнив:

– Дедушка Генри дорого мне за это заплатит! – сказала она ему в плечо. – Я устрою ему вечер поэзии!

Эдуард усмехнулся и сказал:

– Да нет, это будет не наказание, а пытка. Слушать Байрона он будет только в том случае, если эти стихи будут о рыбалке или спорте.

– Кстати, а где ты была?

Диксон и Ханна переглянулись, и дочь сказала:

– Дедушка решил, что мне не помешает проследить за повадками моих якобы одноклассников. Чтобы я не переборщила с игрой на публику.

Я в недоумении посмотрела на Диксона.

– Бэль, мы просто провели пару часов вблизи школы и наблюдали за поведением детей из старших классов на спортивной площадке.

Я посмотрела на Эдуарда – он с интересом посмотрел на Ханну и спросил:

– И что ты такого интересного увидела, радость моя?

– Ну, я немного разочарована. Они оказались настолько физически слабыми, что вы теперь вряд ли уговорите меня есть человеческую пищу! У многих так билось сердце от простой нагрузки, что я не на шутку стала волноваться. Потом я наблюдала, как они играют и общаются между собой. Это было, в целом, любопытно. Только несколько слов я не поняла...

Тут Эдуард скорчил гримасу и сказал:

– Я прошу тебя стереть эти слова из своего обширного словарного запаса. Поверь мне, они не стоят твоего внимания.

Ханна озадаченно нахмурилась и кивнула. Я поняла, что она их теперь точно не забудет. Но была уверена, что использовать не будет.

– А потом нам пришлось ретироваться. Меня волновало, что подумает учитель, если вдруг увидит двух людей на вершине большой ели, – сказал Диксон и ушел, чтобы помочь Элизе на кухне.

Ханна тем временем побежала наверх в комнату.

Эдуард подошел ко мне и сказал:

– Бэль, я надеюсь, что ты уже перестала беспокоиться по поводу предстоящего визита Мо. Вот увидишь, мы применим все свое коварство для того, чтобы как можно искуснее ввести ее в заблуждение. Ей даже станет скучно с такими дикарями, как мы! – я понимающе улыбнулась его шутке.

В его словах был смысл: много лет притворства и вежливой дистанции от людей сделали Ричардсонов прекрасными актерами. Жаль, правда, что я так и не научилась врать, а Ханна – даже никогда и не пыталась. Будем надеяться на ее ум и мою сдержанность.

Все было готово к визиту Мо. По плану предполагалось, что мы будем усиленно ее развлекать, не давая времени присматриваться и анализировать. Главное – быстрая смена впечатлений. Ханну покажем вскользь, она просто поздоровается с Мо, потом посидит со всеми полчаса и уедет якобы на пижамную вечеринку к подружке. Я хмыкнула – как же, вечеринка. Если бы! Опять будет мотаться с Бруксом по окрестным островам или поедет с ним в Сиэтл. Мы уже привыкли к тому, что она была под присмотром у Брукса. Честно говоря, лучше и придумать нельзя. Он, как никто другой, не позволит кому-нибудь или чему-нибудь навредить его любимой Ханне.

Мо еще в аэропорту честно призналась, что не помнит дорогу к дому Ричардсонов. Она была там в последний день моей свадьбы. Поэтому Эдуард и я предложили заехать за ней вечером.

Мы выбрали для поездки неброский «Мерседес». Эдуард сел за руль и, когда я захлопнула дверцу возле пассажирского сиденья, машина рванула с места на предельной скорости в сторону парома. Это было ужасно медленно, мне хотелось как можно скорее доехать и крепко обнять Мо. Дочь-вампир должна будет постараться не убить в процессе свою теплокровную человеческую маму. И я заранее видела, как это будет, казалось, что могла даже это прочувствовать: нечеловечески сильные мышцы напрягнутся против моей воли, затрепещут ноздри, расширятся зрачки, а рот наполнится ядовитой слюной. Инстинкты прикажут напасть, и только разум и сердце прикажут: «Стоп!». И я буду весь вечер держать под контролем свои инстинкты убийцы, а потом меня будет мучить совесть. Я непроизвольно вздохнула. Эдуард, прекрасно зная все выражения моего лица, сказал, глядя в практически непроглядную стену тумана за лобовым стеклом:

– Ты сможешь. Если бы я в это не верил, то мы бы сейчас мчались в противоположном направлении.

Я сокрушенно покачала головой и сказала:

– Я не об этом беспокоюсь.

Эдуард вопросительно поднял бровь. Я отвернулась от него, глядя на мелькавшие мимо нас огни, и замолчала. Через минуту я наконец-то сказала:

– Это так грустно – обманывать ее, обнимать, боясь раздавить или испугать ледяным прикосновением. Задерживать дыхание, врать про Ханну. Это ее единственная внучка – и она об этом никогда не узнает...

Я увидела, как напряглись плечи Эдуарда. О, нет! Он сейчас опять винит себя за то, что по его вине я лишилась человеческой жизни. Я сразу же пожалела о том, что сказала ему это.

Поэтому я потянулась к нему и с нежностью в голосе сказала:

– Прости меня, я не хотела расстраивать тебя. Просто пытаюсь быть честной с тобой. И я понимаю, что такова цена того, что я до сих пор существую. И так счастлива с тобой.

Эдуард улыбнулся мне вымученной улыбкой и сказал:

– Надеюсь, что когда-нибудь в это окончательно поверю...

Возле дома отца было малоллюдно. Вечерний фонарь освещал площадку перед домом.

Я слышала, как работал телевизор и фен в душе, когда до дома оставалось полмили, а еще... как бряцают друг об друга крупные бусины любимого ожерелья Мо, когда она торопливо ходила по комнате. Начал моросить привычный для этих мест дождь.

Эдуард мягко притормозил около крыльца, и я открыла окно, чтобы почувствовать запахи. Пахло мохом, землей, сосной и еще сотней разных запахов – асфальтом, бензином, чистыми простынями и... дыней. И еще пахло удивительно уютно – Мо. Она надушилась своими любимыми духами, количество которых могло сбить с толку только людей. Но мое обоняние вампира это с толку не собьет. И жжение в горле не вызывало чувства вины – это была посильная плата, чтобы быть рядом с ней.

– И как она, как ты думаешь, готова к встрече? Никаких подозрений? – спросила я немного сорвавшимся голосом.

– Слышишь, как часто бьется ее сердце, и она суетливо бежит по дому, собираясь? Думаю, что Мо очень по тебе соскучилась и ждет встречи. Так что радуйся. В таком состоянии она логически мыслить не сможет.

Я посмотрела на Эдуарда. Он был уверен в том, что сказал. Что ж, попробую ему поверить и не дергаться от волнения.

Мы вышли из машины и, позвонив в дверь, изобразили на лицах искреннюю радость. Надеюсь, что мою тревогу в глазах скроют линзы, которые продержатся еще час.

Мама распахнула дверь и, словно маленькая девочка, порывисто обняла нас по очереди и затащила вовнутрь. Она была одета в скромное вечернее платье. Это было необычно, но приятно видеть. Антураж гостиной навевал подозрение о взломе с грабежом. Я только вздохнула и сказала:

– Мама, ты не меняешься.

Она виновато на меня посмотрела и сказала:

– Я только и могу думать о тебе и о том, что, наконец-то, приехала к тебе!

Она снова порывисто обняла меня и побежала собираться дальше. Вторая серьга была найдена через пятнадцать минут в заднем кармане джинсов, которые она уже успела сунуть в корзину с грязным бельем.

– Фух, на этот раз она далеко спряталась! – сказала она, виновато улыбнувшись.

– Да уж, эти коварные серьги всегда так делают.

Я усиленно изображала дыхание, моргала и переносила вес с одной ноги на другую.

Мо надела куртку, взяла сумочку и сказала:

– Я готова увидеть моих обожаемых родственников.

О да, она не раз передавала приветы в письмах Элизе, которые возвращались ей с вежливыми пожеланиями здоровья. Я была так рада, что эти двое, наконец-то, пообщаются без моего участия. А то это напоминало переписку через третье лицо, как в любовной драме.

Мы вышли из дому, надежно заперли дверь. Хотя можно было и не запирать – воры, которых у нас не было, могли бы подумать, что их уже кто-то опередил.

В машине Мо села на заднее сидение и нетерпеливо забарабанила по нему. Всю дорогу до паромы мы с ней болтали о колледже, моих бывших одноклассниках и моей будущей карьере врача.

Я заметила, что Мо немного обеспокоена. Спросить о причине у Эдуарда напрямую не могла. Буду надеяться, что это выражение лица у Мо появилось от быстрой езды. Мне удалось разглядеть в зеркале заднего вида глаза Эдуарда. Внешне он выглядел спокойным, даже несколько беззаботным, но в его глазах промелькнула тревога. Я видела это выражение лица не один раз в прошлом. Мо как раз обернулась ко мне, улыбаясь, спросила:

– А как тебе Принстон?

– О, отлично! Правда, программа несколько сложная, и мне удастся успевать благодаря Эдуарду.

Мо с уважением посмотрела на Эдуарда, который с самым довольным видом вез нас по лесной дороге к дому Диксона и Элизы. Зеленый свод деревьев удачно закрывал нас от солнца и делал свет, пробивающийся через кроны деревьев, изумрудными. Снег превратил местные

пейзажи в рождественские открытки, а Олимпийские горы выглядели нереально красивыми. Но Мо это занимало буквально пару минут. Она сосредоточила все свое внимание на блиц-опросе, словно стараясь выудить у меня максимум информации о тех годах, которые мы провели раздельно. Меня это раздражало, потому что все это я ей подробно описывала в многочисленных электронных письмах или рассказывала по телефону. Но если быть честной, то кислород из моих легких, который так необходим для поддержания беседы, у меня закончился, и пришлось сделать глубокий вздох. Это было так мучительно, что я даже немного повредила сиденье, слишком сильно сжав его пальцами. Пришлось сжать смертельно-опасные зубы и улыбнуться, чтобы не вцепиться зубами в горло собственной матери. Ее запахом пропитался весь салон автомобиля, вызвав у меня легкое помутнение рассудка.

Вдруг захотелось немедленно покинуть салон автомобиля и бежать босиком через заснеженные поляны, выветривая воспоминание об ароматной крови собственной матери. Это было так желанно, что я даже подумывала, как это проверить, но Эдуард, который услышал, как я погнула край сидения, нажал на пульте управления автомобилем кнопку, открывающую окно слева от меня. В зеркале заднего вида я увидела его быстрый оценивающий взгляд, в ответ на который я измученно улыбнулась. Он кивнул и начал засыпать Мо вопросами, от которых она оживилась и перестала меня донимать.

Мы какое-то время внимали сбивчивому рассказу Мо про разные школы йоги, когда в салон нашего автомобиля ворвался мощный запах бессмертного! Это был запах незнакомого нам вампира, мы с ним раньше точно не встречались. Видимо, мы проехали через ленту запаха, который, кстати, тянулся в сторону нашего дома! Не говоря ни слова, вдруг переменившийся в лице Эдуард нажал на газ и мы, к великому восторгу Мо помчались домой с максимальной скоростью, круто заходя в повороты и вздымая облака снежной пыли.

Я по неосторожности сжала в руке ключи от дома – они превратились в пыль. Сбылся мой самый большой кошмар – Триумвират, который только и ищет легальный повод для нашего уничтожения. Мы соблюдаем все законы, поэтому как они посмели беспокоить нас? Видимо, существование наших кланов было полностью взаимоисключающим. Ярость сжигала меня изнутри. Красная пелена стала сползать на глаза. Мне стало все сложнее контролировать себя.

Я заметила, как Мо напряглась – она, видимо, почувствовала на уровне инстинктов опасность, исходящую от меня. И мне стало стыдно. Я вздохнула, поправила прическу и представила себе по очереди лица моей семьи. Я понимала, что ради них я должна сейчас немедленно успокоиться и стать «нормальной» для мамы.

Потом, когда вечер закончится и мама уснет, у нас будет масса времени, чтобы все обсудить. А чтобы выпустить агрессию, можно будет раскрошить пару валунов за домом. Была их там парочка, которые закрывали мне вид на реку. Я немного успокоилась.

Мы затормозили около дома с такой скоростью, что машину занесло на любимый цветник Луизы, оставив там две больших рытвины. Я выскочила из салона первой и тут же принялась к запаху около дома. Все было чисто, все так же, как и раньше, – снег, земля, деревья, дом и мы.

Не рискнул, значит, появится на нашем вечере. Это означало одно – нас предупредили, но оставили пока в покое. В зависимости от развития событий будут приняты следующие шаги: либо мы где-то ошибемся с Мо, и Триумвират получает полное право забрать ее жизнь, что не устраивало никого из Ричардсонов. А это означало одно – войну. Либо, если все пройдет хорошо, они попытаются найти все-таки причину для стычки, что имело такой же результат, как в первом варианте.

Триумвират не оставят нас в покое просто так. Это было царским подарком, но не в их правилах дарить такое. Контроль, давление, интриги, уничтожение – вот те средства, с помощью которых они многие годы поддерживали свою власть.

Мо невольно стала пешкой в жестокой войне. У меня немедленно появилось желание срочно увезти ее обратно. Каким угодно способом, не смотря на то, как бы странно это не выглядело. Я смотрела в окно, размышляя о том, как бы это лучше сделать. Я могу разругаться с ней так, что мы перестанем общаться, а потом она узнает об ужасной автокатастрофе...

Внезапно зазвонил телефон Эдуарда.

На крыльце появились кадки с миниатюрными соснами, украшенные огоньками и лентами. Час назад их не было. У меня появились нехорошие предчувствия. Алиса наверняка разошлась не на шутку.

Навстречу к нам из дома вышли радушные Элиза и Диксон. Мо буквально выскочила из машины и первым делом крепко обняла Элизу, потом пожала руку Диксону. Они по очереди осторожно обняли Мо и провели ее в нарядно украшенный дом. А мне больше всего хотелось затащить Алису и Эдуарда куда-нибудь подальше от ушей Мо и спросить, как быть дальше. У Диксона был очень сосредоточенный вид, а Элиза слегка нервничала. Они тоже уже знали, потому что получили от меня СМС-ку. Но сейчас об обсуждении стратегии нашей защиты и речи быть не могло. У нас в программе выступления был Рождественский вечер.

Алиса превзошла саму себя. В доме было невероятно красиво. Все свободные поверхности были уставлены маленькими нарядными елочками, хвойными ветками и красными лентами. Талант Алисы к украшательству добрался даже до потолочных балок, на которых были закреплены веточки сосны с игрушками. Мне очень не хотелось, чтобы Мо задумывалась, как именно Алисе удалось туда добраться. Над каждым окном висел хвойный венок с множеством красных лет и искусственных огоньков. А в дополнение на полу были расставлены горящие свечи всех форм и размеров. Это было просто великолепно! Даже моя нелюбовь к праздникам как-то утихла перед такой красотой.

Эдуард подошел ближе и, заглянув мне в глаза, сказал:

– Ну вот, наконец-то я уяснил для себя твой стандарт праздника! Оказывается, дело было не в празднике, а в степени его накала! Теперь держись! На нашу годовщину свадьбы я арендую Оперный театр, а оформление доверю Алисе и Лили!

Ну да, она туда точно еще и слонов пригонит! От такой перспективы мне стало нехорошо, и я чуть слышно застонала. Эдуард засмеялся и обнял меня.

– Ну, если тебе не дорог Оперный театр, то ты можешь попытаться! – сказала я, почти шипя.

К нам подбежала Алиса и, поздоровавшись с моей мамой, сказала:

– Мо, мы так рады тебя видеть! Ты хорошо долетела?

Мо обняла Алису и просто кивнула головой. Она была слишком впечатлена.

– Как тебе наш дом? Красиво, правда? – скромно спросила Алиса, явно намекая, что она готова принимать комплименты.

– Алиса, я не видела ничего красивее! Как и ранее, я считаю, что ты просто обязана открыть фирму по организации торжественных мероприятий. У тебя не талант, а призвание!

В глазах Мо читалось искреннее восхищение. Алиса просто таяла от счастья. Она красноречиво задержала взгляд на моем мешковатом свитере, словно он нарушал вселенскую гармонию. Потом, переглянувшись с Эдуардом, спросила:

– Ты не против, если я украду Бэль на пару минут?

Не успела я опомниться, как меня уже тащили наверх. Я пыталась сопротивляться, но безрезультатно. Алиса затащила меня в свою спальню.

Я слышала, как Лили расчесывает волосы Ханне в соседней комнате, а Келлан, судя по всему, копался в шкафу и выбирал одежду понаряднее. Лили была счастлива. Ни для кого не секрет, что она проводила с Ханной столько же времени, сколько и я.

Алиса появилась перед моим носом с таким задорным видом, словно она мне сейчас подарит сокровище. В ее руках был чехол с одеждой.

– Ты этого не сделаешь! Я не стану это снимать! – первым делом заявила я, отчаянно вцепившись в свой свитер руками.

Алиса, закатив глаза, заявила:

– Посмотрим, что ты скажешь после того, как увидишь костюм.

Она мастерски раскрыла молнию, и на пол упала шикарная многослойная юбка из шелка цвета индиго, в комплект к которой шел великолепный черный корсет и скромное кольцо с сапфирами.

– Ну, не знаю, Алиса. А как же моя маскировка? – неуверенно спросила я. Хотя в мозгу плясала мысль – как отреагирует Эдуард, когда увидит меня в этом платье? Мне очень хотелось это узнать.

– Ты уже приняла решение, так что давай, быстрее. Мне еще нужно загримировать твои руки до локтя и декольте.

Я послушно разделась до белья и с помощью Алисы нацепила все это на себя. Потом ее руки замелькали над моей головой, и через минуту я увидела в зеркале скромную прическу, благодаря которой она пыталась ужать и скрыть мои густые волосы. Но тяжелый узел на затылке смотрелся симпатично. Алиса уже всю орудовала спонжем, нанося свой тональный крем на открытые участки кожи. Я застегнулась на все пуговицы и осталась довольна увиденным. Мои руки были закрыты, грудь замаскирована. Изящные туфли на невысоком каблуке. В целом та же Бэль Сигнэт, только более утонченная.

– И пусть не думает, что мы тебя тут держим в черном теле! Ты любимая жена и сестра. Пусть Мо видит, как мы тебя любим, Бэль.

Я осторожно обняла Алису и сказала:

– Спасибо тебе, Алиса. Но я все равно буду нервничать и волноваться.

– Да ладно, я уже привыкла. Ты только не переживай по поводу преследователя. В ближайшем будущем мы его найдем и...

– Что «и»?

Алиса смутилась и, спрятав маленькие ладошки за спиной, сказала:

– Ничего из того, о чем следует вспоминать на Рождество.

В отражении в зеркале я увидела, как она скрестила пальцы. Но, прежде чем я успела наброситься на нее с расспросами, Алиса упорхнула в коридор и аккуратно закрыла дверь. Побежала дальше поддерживать праздник в идеальном состоянии. Я чуть не зарычала от огорчения. Я все равно изловлю ее и допрошу! И она не отвертится!

Но был и второй вариант – спросить Эдуарда, который, кстати, стоял за дверью. Я в радостном волнении остановилась перед ней.

Он церемонно постучал в дверь.

– Могу ли спросить позволения войти, миссис Ричардсон? – галантно поинтересовался он.

– Да, конечно, почему бы нет? – подыграла я ему.

Эдуард открыл дверь, и я просто обомлела от того, насколько он был хорош в новом костюме. Его аристократичные черты лица говорили о благородстве. Он был словно греческий бог – мужественный, просто совершенство. Янтарные глаза на бледном лице и сдержанная улыбка сводили меня с ума. Спутанные волосы едва прикрывали лоб, и когда я заглянула в его глаза, то увидела точно такое же восхищение. Он по-прежнему смотрел на меня так, словно я была самым ценным призом в его жизни. Он подошел ближе и нежно провел пальцами по моей щеке. Если б мое сердце могло биться, то румянец сейчас залил бы мои щеки.

– Леди позволит мне? – спросил он, беря за руку.

Мне стало смешно. Вел себя как мальчишка.

Я протянула ему руку и через секунду была в его крепких объятьях.

– Ты сводишь меня с ума. И что самое интересное, это чувство, словно коньяк, становится со временем только более действенным и глубоким.

– Ты же не собираешься когда-нибудь окончательно свихнуться от любви? – с надеждой в голосе спросила я.

– О, ты это узнаешь первой! – сказал Эдуард и страстно поцеловал.

Казалось, что пол уходит из-под моих ног. Голова была окутана сладким туманом. Мне хотелось только, чтобы этот поцелуй не прекращался. Счастье просто захлестывало меня.

– О, прекрасно! Они опять целуются! – сказала Ханна Лили, которая выходила из соседней комнаты.

Эдуард отпустил меня и сказал:

– Это твоя мама виновата – она слишком прекрасна.

Я просто ничего не могу с собой поделать!

Она подошла ко мне, и я заключила ее в объятия.

– Милая моя, как ты? Мы не виделись весь день. Как ты? Готова?

– Лили и Алиса привели меня в это состояние среднего убожества и очень собой довольны, – серьезно сказала Ханна. – Я считаю, что они прекрасно справились. Я стандартный американский подросток.

Эдуард тоже взял ее за руку:

– Ну, уж нет. Только сегодня вечером. Ты – единственная, неповторимая и уникальная. И просто удивительная. И именно поэтому ты сегодня прекрасно сыграешь свою роль. Я тебе полностью доверяю. Ты готова?

Ханна кивнула головой, и Эдуард поцеловал ее в макушку.

– Все, ну пошли.

– Ну, да, только идите по очереди. Мы ее приведем, – заявил Келлан, своей могучей фигурой заблокировав коридор.

– Подвинься, медведь, – смеясь, сказала Лили, пытаясь отодвинуть его в сторону.

Он стал, уперев руки в бока, изображая викинга.

Лили мелодично засмеялась и сказала:

– Эдуард, ну скажи ему! Твой братишка сегодня шалит.

Эдуард, только смеясь, покачал головой и ответил:

– Он требует жертву, ну, или дань.

Лили, немного стесняясь, взглянула на Ханну, но та, отодвинув тетю в сторону, подошла к воинственному Келлану и заявила:

– Ты самый могучий, страшный и ужасный. Нет никого сильнее тебя!

Келлан довольно улыбнулся и стал в сторону, освобождая нам путь вниз.

– Вот, ребенок все понимает! – сказал он, заключив Лили в свои объятия.

Проходя мимо них, Ханна шепнула ему:

– После моего папы! – и гордо пошла и села на стул у стены, ожидая своего выхода.

Я взяла Эдуарда под руку, и мы вместе спустились вниз. Там застали такую картину.

Алиса и Джек о чем-то шушукались в углу, а Мо стояла возле рояля с Диксоном и Элизой. Эдуард галантно подвел меня к Мо, держа за плечи, наверное, чтобы не сбежала. Когда она увидела нас, то вся засияла от радости.

– Бэль, Эдуард! Вы такие красивые! У тебя такое платье, просто шик! Где ты его купила?

Я виновато посмотрела на нее и призналась:

– Честно говоря, понятия не имею! Это все Алиса!

Правда, я могу посмотреть на бирку...

Алиса тут же оказалась рядом и заявила:

– И не удивительно. Потому что это – творение молодого, перспективного дизайнера. Его имя еще не известно широким кругам, но, думаю, что это ненадолго.

Мо с большим интересом стала рассматривать платье.

– Да, я думаю, что у него талант.

Алиса просто засияла. Сегодня второй раз Мо признала ее таланты.

Эдуард шепнул мне на ухо:

– Все, Алиса окончательно полюбила Мо.

Диксон и Элиза принесли очередное блюдо и предложили снять пробу Мо, что она с радостью и сделала.

– Элиза, это очень вкусно! И если учесть, насколько тут красиво... и такой теплый прием! – Мо была готова расплакаться. – Это лучшее Рождество, на котором мне приходилось побывать!

Элиза, улыбаясь, сказала:

– Мо, мы так рады, наконец-то, тебя видеть у нас, – сказала Элиза, нежно обняв Мо за талию. – Мы все скучали и так хорошо, что наконец-то, есть возможность собраться со всеми вместе.

Мо улыбнулась, и я увидела детский восторг в ее глазах. Маму так легко было обрадовать. Конечно, мы праздновали обычно в узком кругу, украшая квартиру поделками из цветной бумаги. Но то, что создала Алиса, было похоже на сказку.

– Да, в последний раз мы виделись на свадьбе. Кажется, что это было совсем недавно! Подумать только – как быстро летит время! – сказала Мо.

Она посмотрела на меня глазами, в которых стояли слезы. Вот этого-то я и не хотела видеть. Нужно было срочно ее отвлечь. Эдуард незаметно кивнул головой в ответ на пристальный взгляд Брукса и спросил:

– Ты готова познакомиться с Ханной?

Мо заморгала глазами, прогоняя слезы, и сказала:

– Да, конечно! Я привезла ей подарок. Надеюсь, что ей понравится. Это твоя племянница, Элиза?

– Да, она младшая дочь моего брата. Он уехал с женой и старшим сыном служить на военной базе в Европу, – прекрасно солгала Элиза.

– Ты так добра. Надеюсь, что тебя очень ценят твои близкие.

Я поднялась вверх и сказала Ханне:

– Ну, родная моя, твой выход. Постарайся не прикасаться к ней. Ты же знаешь о своем даре вызывать, таким образом, сильную симпатию. Если Мо привяжется к тебе, то это станет проблемой.

Я заметила, что Ханну расстроили мои слова. Я не подумала о том, что ей очень хотелось познакомиться, наконец-то, со своей бабушкой. У меня защемило в груди. Мо так и не узнает, что стала бабушкой. И я не смогу сказать ей правду, а еще мне придется усиленно врать ей.

Я обняла Ханну за плечи и прошептала:

– О, дорогая! Прости меня!

– Прощена, – ответила моя не по годам взрослая дочь, – я готова изображать идиотку.

Она вздохнула и, поправив одежду, решительно пошла по направлению к лестнице.

Я же зашла в ванную и заменила линзы. Это заняло не более одной десятой секунды. В зеркало решила не смотреть – чтобы не нервничать лишний раз.

Мы с Ханной неторопливо спустились вниз. Картинка была идеальной – нарядно украшенный дом, свечи, подарки, атмосфера праздника. Прекрасная семья, клан Ричардсонов. Диксон стоял рядом с Эдуардом, держа его за плечи, как отец, гордящийся успехами своего сына. Они смеялись над какой-то шуткой, которую рассказала Элиза про детство Эдуарда. Что-то про его упрямство. Моя мама была абсолютно счастлива и полностью сосредоточена на рассказе Элизы.

Алиса и Джек сидели за роялем, смеясь и толкаясь, играли рождественскую мелодию в четыре руки. Алиса безбожно перевирала мелодию, от чего она стала больше походить на рок-балладу. Возле них на крышке рояля стояли тарелки с закусками. Лили и Келлан о чем-то ворковали на диване, рассматривая старый семейный альбом с фотографиями. И где они его взяли? И среди этого человеческого праздника, в комнате полной народу, был только один настоящий человек, который понятия не имел, что происходит на самом деле. Все были осведомлены о неизвестном бессмертном, который следил за нами. О том, что это значило. Мне очень хотелось утащить Алису на кухню и подробно расспросить ее о том, что же она увидела в видении, если оно у нее было.

Мы стояли внизу, я все еще держала Ханну за руку. Затем легонько подтолкнула ее к отцу. Эдуард вздохнул и, перехватив руку Ханны, подвел ее к Мо:

– Мо, это – Ханна.

Ханна стояла, неуверенно выдвинув плечи вперед, глядя на Мо. Ее пронизательный взгляд был скрыт линзами, но нельзя было скрыть то, как она смотрела. Столько внимательной мудрости: казалось, что она смотрит не на лицо, а в самую суть человека. Не по годам взрослый человек. Это было так заметно, что я чуть не подпрыгнула. И уже ничего не исправить! Я начала нервничать, наблюдая за мамой.

Мо посмотрела на свою внучку, и я услышала, как задержалось ее дыхание. Все остальные тоже это услышали. Брукс нахмурился, Эдуард, увидев реакцию Мо, сжал челюсти. Повисла пауза.

Элиза, которая играла роль опекуни, непринужденно сказала:

– Ханна, это мама Бэль, я рассказывала тебе о ней.

– Надеюсь, что только хорошее? – медленно спросила Мо, все еще смотря на Ханну.

Она подошла ближе – сказывался опыт общения с детьми – и приветливо протянула руку Ханне.

Я видела, как заколебалась Ханна – ей нельзя было касаться рук Мо. Но и отказаться было невежливо. Она мельком взглянула на отца, и тот незаметно кивнул головой. Видимо, спрашивала разрешения.

Ханна взялась за края свитера и исполнила прекраснейший книксен. Это было очаровательно и задиристо одновременно. Моя дочь отлично справлялась с ролью подростка.

Ханна оторвалась от изучения моей матери и, подойдя к Элизе, капризным тоном сказала:

– Элиза, а где мой торт?

От неожиданности у Элизы округлились глаза. Она не привыкла к такой бестактности.

– Ханна, дорогая, еще рано есть торт. Ты же знаешь – сначала закуски. Можешь пока что посмотреть телевизор.

Элизе удалось сказать это с видом человека, уставшего повторять одно и то же сто раз подряд. Ханна надула губки и картинно повернулась к Мо спиной. Потом задорно подмигнула мне и отцу.

Мо немного опешила от такой непосредственности.

Она смотрела с растерянной улыбкой на удаляющуюся Ханну. Она привыкла к безупречной воспитанности Ричардсонов.

Эдуард с недовольным лицом вручил Ханне пульт от телевизора и попросил, чтобы она выбрала музыкальный канал с каким-то сумасшедшим видеорядом: цветные кролики с бензопилами гонялись друг за другом по торговому центру. Я слышала, как он прошептал ей:

– Ханна, ты великолепна! Тебя ждет сцена!

Прекрасная Лили, которая, казалось, перепутала наш вечер с великосветским балом, незамедлительно пересела поближе к Ханне. Дядя Келлан подошел к столу и нагрузил на

тарелку всего понемногу. Потом вручил это Лили, которая делала вид, что подкармливает Ханну. Еду, скорее всего, они прятали под диван.

Комнату заполонили резкие звуки перестрелки, и диалог главных героев на грани истерики. Было довольно громко. Я подошла к ней сзади и, наклонившись к уху, сказала:

– Я горжусь тобой. Ты прекрасно справилась!

Ханна чуть слышно проговорила:

– Лучше сразу установить дистанцию. Пусть это будет стена непонимания, чем животный страх.

Мне не понравилось, что в отношении бабушки она выбрала слово «животный». Слишком двусмысленно, если учесть, что наш вид кормится кровью.

С бокалом в руке я подошла к Эдуарду, который как раз терпеливо отвечал на вопросы Мо про колледж. Постепенно разговор плавно перешел в обсуждение дальнейших планов Эдуарда на будущее. Я с удивлением смотрела, как не моргнув глазом, Элиза расписывает преимущества работы врача, а Диксон с нескрываемой гордостью называет Эдуарда своим приемником. Мо была явно впечатлена. Алиса уже сидела на полу возле дивана и вместе с Бруксом что-то шутливо обсуждала, а мне нужно было срочно узнать, что у нее было на уме. Я просто взорвусь, если не выясню это сейчас.

План созрел быстро. Я подошла к столу и, выбрав первое попавшееся блюдо, пошла на кухню, по дороге бросив Алисе:

– Ты не поможешь мне с салатами?

Алиса подскочила и легко, словно танцуя, пошла за мной на кухню. Как всегда, с таким видом, будто этого ожидала.

Мучительно долго я вышагивала к кухне, хотя больше всего хотелось наконец-то уйти подальше от человеческих ушей мамы и спросить у Эдуарда, что случилось. А так же услышать у Алисы ее порцию новостей.

Как только мы оказались на кухне, я набросилась на нее с расспросами:

– Алиса, кто это был? Ты знаешь его?

Алиса сморщила свой прекрасный носик и, взяв меня за руки, заявила:

– Бэль, успокойся. Закрой глаза, и подумай, ответ на какой вопрос тебя по-настоящему интересует. А пока ты думаешь, я наведу тебя на одну простую мысль. Вспомни, что один вампир против девяти – это смешно и даже не интересно. А если добавить всю стаю Вайтов, то даже скучно. Так что ты хотела от меня узнать?

Мне стало стыдно, что я дергаюсь, словно маленькая девочка. Я опустила глаза и сказала:

– Алиса, мне главное знать, что Мо в безопасности.

Алиса засопела и сказала:

– Ты слишком драматизируешь. Это может быть проверяющий от Триумvirата – они же заглядывают к нам раз в лет десять, а может, кто-то из дикарей.

– Так, я поняла. Девять вампиров, толпа лохматых волков... в конце концов! Даже Триумvirат не смогли нас одолеть. Так что волноваться нечего. Я пошла развлекаться. И... ура!

Алиса скорчила смешную рожицу, и мы в течение пары минут уже закончили приготовления салата.

– Только пижамная вечеринка с подругой отменяется, – сказал Эдуард, пока мы были еще на кухне.

Он неслышно зашел и стоял, прислонившись к косяку двери.

– А еще придется выставить охрану возле дома Генри. Так что ночь обещает быть нескучной.

Я услышала, как Келлан довольно заурчал. Это и понятно – он с радостью бы поучаствовал в драке. Я была полностью согласна с Эдуардом, даже готова сама дежурить.

Эдуард обнял меня за плечи и умиротворяющим тоном сказал:

– Джек считает, что настроение Мо сейчас – это смесь страха и недоумения. Я же думаю, что она нашла сходство с тобой в юности.

– Тогда уводим сейчас же Ханну якобы на пижамную вечеринку к подруге и ставим на знакомстве жирную точку.

– Нет, этого не стоит делать. Поверь мне, Бэль. Джек уже привел ее в состояние праздничной эйфории. Это раз. Во-вторых, любовь моя, ты забываешь о нашем преследователе. Кстати, о нем. Сегодня ночью пойдем на охоту, проверим окрестности. Вдруг найдем его след?

Я в замешательстве потерла лоб рукой.

– О нет! Бэль, ну что ты наделала? – простонала Алиса.

Я посмотрела на свои пальцы, которые были измазаны гримом. Разве об этом стоит сейчас беспокоиться?

Алиса подскочила на месте и бросила:

– Жди меня здесь! – и выбежала на улицу через кухонную дверь.

Я слышала, как ее легкие шажки в балетках пробегают по ветвям дерева, которые покоились на балконе верхнего яруса дома. Потом она вошла в окно на третьем этаже и, найдя нужную баночку, легко прыгнула на парапет, а оттуда – на площадку перед дверью кухни. Все это она проделала очень быстро.

Сложив руки на груди, я хмурилась от злости, когда Алиса приводила в порядок мой грим.

– Бэль, расслабься! Крем ляжет неровно!

Она закончила наконец-то, осталась довольна. Я чувствовала себя холстом – безжизненным и без права задавать вопросы.

– Ты такая невозмутимая. Это раздражает! – заявила я.

– Нас ожидает много нового и немного неизбежного, – потом мягко добавила, – что-то понравится, а что-то нет. Это просто жизнь, Бэль!

Мы вернулись вместе, и я заметила, как все ожидали нашего появления. Мо была счастлива. Что ж, мы справились со своей задачей. Эдуард подошел к Диксону и стал обсуждать характеристики нового автомобиля.

Элиза вдруг сказала:

– Ханна, тебе пора ехать на вечеринку к подруге.

Иди собирайся.

Ханна охотно подскочила и побежала вверх.

Через пару минут мы наблюдали, как она гордо вышла из дома в сопровождении Келлана и Лили. Они обещали якобы довезти до дома. На самом деле они отведут ее домой и будут сторожить час, потом их сменит Брукс, конечно же.

Мо подошла ко мне и спросила:

– Такая интересная и необычная девочка. Чувствуется, что у нее сильный характер. Она, наверное, любит поспорить? – спросила Мо, когда мы уселись вместе с ней на диван у окна. Как же мне хотелось рассказать ей всю правду! Какая у нее замечательная внучка, способная и талантливая. А насколько умна и добра. Но нельзя. Это будет катастрофой. Ее запах волной окутал меня и заставил напрячься тело. При свете свечей было прекрасно видно, как под кожей танцует кровь... моей мамы. Я задвинула эту мысль подальше.

– С ней непросто, это правда! Но Элиза имеет опыт воспитания Эдуарда, Алисы, Лили и Келлана. Думаю, что она прекрасно справится.

– Да, она сможет! – сказала я и посмотрела на Элизу, которая вдруг задорно мне улыбнулась. Мне хотелось откровенно поговорить с мамой, только события последних двух лет никак нельзя было ей знать. А врать не хотелось. Приближалась ночь, и маме пора было ехать домой. Подарки будем открывать завтра.

К нам подошли Алиса и Джек.

– Мо, у меня к тебе вопрос: как ты относишься к концертам? У нас совершенно случайно оказался лишний билет на концерт в Олимпии. Правда это рок-группа...

Я увидела, как задорные огоньки заплясали в глазах Мо. Я знала про концерт, но пригласить туда Мо? Ведь завтра последний день рождественского уик-энда. А потом Мо улетит в Финикс. И неизвестно, когда я увижу ее снова... Но раз Алиса так решила, значит, на это есть причины. Она старается увезти нас из Бейнбриджа?

Мо, с еле скрываемой радостью, сказала:

– Ну, если есть лишний билет, то я не против!

– Вот и прекрасно! Завтра в четыре мы выезжаем, так что будь готова.

Ничего себе! Концерт начинается в восемь, а на дорогу нужно от силы два часа – точно эвакуируют нас с острова.

Я посмотрела на Эдуарда, который сосредоточенно перемигивался с Алисой. У них была разработана просто тайная система вопросов и ответов. Совещались, как всегда, со скучающими выражениями лица. Со стороны ничего не заметишь, если не знаешь об их сговоре.

Через полчаса мы уже везли счастливую Мо домой, с целым подносом угощений для Генри. Хотя что-то будет использовано по назначению. Я веселилась, представляя, откуда Элиза и Алиса будут доставать спрятанные закуски и бутерброды, потому что видела, как Келлан, тайком засовывал канapé в вазу за роялем.

Думаю, что попробовав эти кулинарные шедевры, Генри слегка пожалеет, что выбрал Рождество с друзьями, а не с нами. Но я его понимала – по крайней мере, он их хорошо знал, поэтому чувствовал себя увереннее с ними. А о Ричардсонах не знал ничего, но подозрений у него набралось достаточно. И про меня, думаю, тоже знать не хотел. Очень не хотел. Поэтому провел этот вечер в резервации индейцев, а не в шикарном доме Ричардсонов. Я только надеялась, что он никогда не узнает правду: это его убьет.

Счастливая Мо выпорхнула из машины. Она радостно помахала нам из окна на прощание, когда наша машина отъехала от дома, который уже охраняли Лили и Джек, сдав Ханну Эдварду и Келлану.

* * *

Я сидела на краю скалы и, свесив босые ноги, смотрела, как Алиса передвигается по краю леса, играя в старую игру – подкрасться к оленю как можно ближе, не спугнув его. Именно подойти, а не прыгнуть. В прошлый раз ей оставалось всего два шага. Все еще нарядный Эдуард и настороженный Келлан сидели рядом и горящими глазами наблюдали за охотой. В этот момент в них было мало человеческого – два опаснейших хищника. Они даже немного нервничали, сопереживая Алисе.

Я уже утолила свою жажду, иссушив троих некрупных оленей. Эдуард был не в настроении и выпил кровь только двоих. Келлан же мечтал найти медведя. Наивный, разве только он вытащит его из берлоги собственными руками!

Алиса на охоте – это чарующее зрелище. Столько грации и смертоносной легкости. Она двигалась, словно танцевала танго. Я не уставала восхищаться ее грацией. До оленя оставался только один шаг, но крик ночной птицы спугнул его. Она издала разочарованное рычание и кинулась на вздрогнувшее от страха животное.

– Ну, почти, сестричка! – сказал Келлан и хитро посмотрел на Эдуарда, который сидел рядом со мной на корточках, словно изваяние.

– Ой, Бэль! – крикнул Келлан и бросился на Эдуарда.

Эдуард только слегка отодвинулся в сторону, и вся сила удара пришлась на скалу возле него. Каменная крошка посыпалась вниз, вызывая легкое эхо среди ночного леса.

– Келлан! Это же детский прием! – смеясь, сказала я.

– Хорошая попытка, – почти механически ответил Эдуард, не оборачиваясь.

Я посмотрела на него. Такой задумчивый. Я вздохнула.

Келлан с надеждой смотрел на брата.

– Давай, расскажи. Откровенность – залог крепкого союза! После секса! – сказал он, легко ткнув кулаком в плечо брата. – Эй, Алиса! Ну ты идешь? У нас еще четыре часа до рассвета. Идем, найдем что-нибудь повкуснее этих травоядных.

Алиса как раз насытилась и с довольным лицом приводила себя в порядок.

– Келлан, я только «за»! И кстати, нам скоро нужно будет возвращаться, потому что я обещала Лили сменить ее через час. Успеем?

– Конечно, сестричка! Я не хочу заставлять свою любимую сердиться.

Келлан деликатно оставил нас, видя, что нам нужно поговорить.

Он помахал нам рукой и через секунду стоял на соседнем выступе скалы, а потом вовсе исчез из виду. Я слышала, как он пробирался через лес, словно раненный бизон. А Алиса хитро шла на перехват, точно видя, в какой точке предстанет перед носом удивленного Келлана.

Мы просидели в тишине несколько минут. Потом я под села ближе к Эдуарду и стала ждать. Мне не нравился такой пессимизм с его стороны. Я привыкла к более невозмутимому Эдуарду. Я все еще болтала ногами, ожидая, когда он, наконец, заговорит.

Эдуард вдруг зажмурился и, открыв глаза, осторожно сказал мне:

– Нам придется уехать, – сказал он едва слышно.

– Куда? – спросила я у него.

– В Принстон, конечно же! Будем жить среди студентов и ходить на пары.

– Звучит интригующе!

Он усмехнулся.

Я взволнованно взглянула на него. Это было не похоже на плохие новости. Мы поедем учиться в университет. Я не хотела себе в этом признаваться, но мне хотелось побывать, например, в Париже или ощутить атмосферу студенческого кампуса. Это меня манило. Хотелось немного расширить свои горизонты. Но и хорошими такие новости тоже не были. Переезд означал либо разделение семьи, либо то, что нам всем придется уехать из Бейнбриджа, Диксону оставить свою практику, а мне оставить Генри...

Но, с другой стороны, мы сможем спокойно, открыто жить в Принстоне. Посещать занятия, ходить на футбол. Я смогу, наконец-то, свободно появляться в городе, не соблюдая конспирацию. Надоело приобретать все необходимое через Интернет-магазины. Только вот как поступить с Бруксом? Брукс, как член стаи оборотней, не может оставить свою семью. Да, есть над чем подумать. Как бы там ни было – это точно влекло за собой перемены в привычном укладе жизни для всех. Все будет по-другому. Но почему он так расстроен?

Эдуард сосредоточенно следил за всеми выражениями моего лица и, когда я озадаченно на него посмотрела, сказал:

– Бэль, если мы уедем, то не сможем вернуться назад, в Бейнбридж, в этом поколении. И даже в следующем. Вернувшись из Принстона, Диксон не сможет заниматься практикой в местном госпитале, а ты – работать вместе с ним. Люди легко заметят отсутствие изменений в нашей внешности. А он без работы не может.

Ты же знаешь – она делает его счастливым.

Конечно, я предполагала, что это произойдет, но только через три-четыре года. И надеялась, что морально буду готова оставить Генри навсегда. Элиза как-то рассказала мне, что у них есть примерный план переездов с места на место. Весь клан перемещается по континентам в зависимости от обстоятельств и предпочтений. Келлан и Лили предпочитают Китай, Алиса и Джек любили Францию и Италию... Они аккуратно планировали свои перемещения на публике по какому-то определенному графику, тщательно отслеживая смену поколений.

Иногда Диксон занимался собственными исследованиями, скрываясь на пару лет в частном заповеднике в Канаде. Там была обустроена лаборатория, оборудованная по последнему слову тогдашней техники, а главное – обширные, хорошо охраняемые угодья, на территории которых паслись стада оленей. Келлан в шутку называл ее «резервацией Стрегони Бенефици». Алиса призналась, что первый год весь клан просто предается своим любимым занятиям. Келлан охотится и строит что-то монументальное. Лили наслаждается жизнью в собственном доме, который является точной копией ее родительского дома. Келлан даже соорудил ей палисадник у крыльца и огромные окна с витражами. Элиза просто отдыхает и помогает Диксону, пишет картины. Джек наслаждается тишиной и осваивает очередную боевую технику, иногда пишет рассказы и эссе по истории войны между Красной и Белой розами. Эдуард обычно учил языки или на пару дней застывал, словно изваяние, глядя в одну точку, но чаще – просто в небо.

Но потом начинались короткие вылазки, то за книгами, то на Бразильский карнавал... Потом визиты в Лондон. В общем, потом шел период путешествий инкогнито, без соприкосновения с миром людей. А когда наступало подходящее время, то понемногу начиналась подготовка к возвращению в общество. Просматривались новые изобретения, изменения в технологиях, культуре. Частенько заканчивалось все это покупкой новых автомобилей и, на радость Алисе, полным обновлением гардероба. А затем они с воодушевлением отправлялись на новое место жительства, готовясь в n-надцатый раз осваивать алгебру и геометрию в школе. Диксон работал и наслаждался жизнью, как, впрочем, и остальные члены его семьи.

Но я... была еще к этому не готова. Они были друг для друга всем – семьей, поддержкой, опорой. А я все еще была дочерью Генри и Мо. И была невидимая связь между нами, которую я не хотела обрывать.

– Ты хочешь сказать, что я больше не увижу Генри? – ошеломленно спросила я. – Просто пропаду и все?

Ни писем, ни звонков? – я была еще не готова к этому. Эта новость застала меня врасплох.

– Прости, но это неизбежно. Ты должна исчезнуть из Бейнбриджа, Сиэтла и из жизни его обитателей.

Я сокрушенно покачала головой.

– Это будет для него ударом.

– Да, он очень тебя любит... – тихо ответил Эдуард.

– И все из-за этого неизвестного вампира, который следил за нашей машиной.

Я вскочила на ноги, чувствуя, как внутри закипает ярость. Чертов вампир!

От досады я пнула ногой камень, часть которого рассыпалась в пыль, а часть скрылась за краем леса.

– И сколько у нас времени?

– Не много, я думаю. Ты не все знаешь. Пару дней назад Ханна и Брукс уже пересекались с этим незнакомым вампиром. Говорят, что встретили его на выставке в Сиэтле. Кто бы мог подумать, да?

– И промолчали? Ничего нам не сказали?

– Конечно, потому что не хотели попасть под домашний арест или уехать отсюда.

– Но это же так безответственно!

– Да, ей хватило духу признаться сегодня, после праздника. И на этом спасибо!

– Подростки! – сказали мы одновременно, не сговариваясь.

Мы помолчали, потом я спросила:

– Так, значит, – Принстон?

– Да, мы, по идее, должны появиться там после рождественских каникул, как раз в начале второго семестра.

Так, у меня еще есть время, уйма времени, чтобы попрощаться с отцом и Мо. Примерно две недели. Став вампиром, мои чувства стали более рациональными, а разум менее поддавался чувствам. Вернее, я могла задвинуть их на второй план.

И немного успокоившись, я поняла, что буду даже рада оставить Генри и Мо вдали от моих тайн. Так будет безопаснее для них.

Я смотрела на ледяное звездное небо, словно вглядываясь в будущее. Время перестало существовать для меня в новой ипостаси. Оно есть только для смертных. Я стала по-другому относиться к нему. Для нас, бессмертных, есть только времена и эпохи. Я точно понимала, что эпоха Бэль Сигнэт, всего, что с ней связано, рано или поздно закончится. Я жадно впитывала ощущения, запоминала цвета и запахи. В моей совершенной памяти хранились сотни воспоминаний о маме и отце. Я могла воспроизвести перед внутренним взором Генри, который сидит за обеденным столом, а в волосах серебрится первая седина. Или лучики-морщинки вокруг глаз Мо, когда она рассказывает мне смешную историю. Я тщательно коллекционировала воспоминания и знала, что они всегда будут жить во мне; и желала, чтобы Мо и Генри прожили настолько долгую жизнь, насколько это возможно для них. Поэтому мне нужно исчезнуть из их жизни.

Эдуард стал рядом и, вздохнув, посмотрел на звезды.

– Ты знаешь, почти восемьдесят лет я смотрел на ночное небо, мечтая выйти на свет без опасений. Я даже представлял себе, что звезды – это частички огромного солнца, которое просто расколосось на миллионы частей. Я верил, что есть смысл этого существования. Не в убийствах, не во мраке. Есть жизнь, значит, есть смысл, есть надежда, есть выбор...

Я обернулась к нему и улыбнулась.

Эдуард удивленно вскинул брови: я обняла его и, зарывшись руками в его волосы, поцеловала. Эдуард настороженно ответил, а потом отстранился, с удивлением заглядывая в мои глаза.

– Бэль, по-прежнему ты удивляешь меня.

– Эдуард, ты – моя семья... и Элиза, и Диксон, Алиса и Джек, Лили и Келлан. Я выбрала тебя и эту жизнь осознанно. И понимала, что это потребует жертв. Слишком многого я хотела. И получила. А за это нужно платить. Пусть лучше так. Я смирюсь с этим. А отец... ведь рано или поздно это произойдет, правда? Еще несколько лет я буду в поле его зрения. А потом... мне даже так будет спокойней. Чем дальше я от него, тем дальше он от Триумвират также. Я сделала свой выбор, когда одела обручальное кольцо.

– И ты готова уехать? – спросил он удивленно.

Я скрыла от него, как мне тяжело будет это сделать. Но когда-нибудь мне придется это сделать. Будет нелегко, но это неизбежно.

– Да. Только при одном условии! – сказала я вполне серьезно.

– Каком?

– Машину я сама себе куплю. Надоело водить танк. Хочу что-нибудь более скромное.

– Хм, согласен. Только при одном условии.

– И каком?

– Я прошу тебя ходить со мной на все балы и танцы!

И все танцы мои!

Я мелодично рассмеялась.

– Это нечестно!

В ответ Эдуард мягко прижал меня и мысли, как всегда, заплясали тарантеллу в голове. Я издала легкий стон и через секунду свалила довольного Эдуарда с ног. А тот и не сопротивлялся, но в то же время излучал уверенность в своей правоте. Он просто дразнил меня! Я же едва могла держать себя в руках. Только не сдаваться! Он притянул меня еще ближе.

– Ты не заставишь меня танцевать! – сказала я, отстранившись и сложив упрямо руки на груди. Ну, не любила я эти нелепые телодвижения под музыку. Раньше я думала, что это из-за моей неуклюжести, просто физический недостаток. Но когда я обрела идеальную форму, силу и грацию, то поняла, что дело в обыкновенном безразличии к этому занятию.

Эдуард ничего не ответил, только сказал:

– Ты представить себе не можешь, как мне хочется с тобой танцевать! Я люблю танго, сальсу и свинг, а кроме как с тобой, танцевать их ни с кем не хочу! Я просто представить себе не могу кого-то другого в своих объятьях под звуки музыки!

Я была сейчас в таком расположении духа, что слово «страсть» вызвало некоторый интерес. Я представила это со стороны, и мне стало любопытно. А если все дело в партнере? Ведь с Эдуардом это не могло быть плохо, верно? Как много я потеряю, не пережив эти ощущения? Я ждала пару секунд (а это много для вампира) и добавила:

– Думаю, что хочу попробовать...

Эдуард положил руки под голову и с интересом за мной наблюдал, лежа на холодном камне.

– Сегодня у тебя прогрессивный день. Ты готова уехать, учиться в университете, начать танцевать. Я когда-нибудь пойму ход твоих мыслей? Твой разум – самая интригующая загадка, которая не перестает меня дразнить, – вполне серьезно сказал Эдуард.

– Только разум? – спросила я, медленно расстегивая его рубашку.

– Если бы! – сказал он и, целуя руку, ответил: – Ты самое удивительное создание на этой планете.

Я, было, наклонилась к нему, чтобы доказать справедливость его слов, как в его кармане зазвонил телефон. Мы целовались под мелодию его мобильного, но потом Эдуард все-таки аккуратно достал телефон из кармана брюк и ответил на звонок. Это была Алиса, кто же еще? Она быстро затараторила в трубку:

– Бэль, прости, у тебя были планы на остаток ночи, но вынуждена вам помешать.

При ее словах я от стыда закрыла лицо руками.

– Алиса, поздравляю! Ты только что очень смутила миссис Ричардсон. А если учесть ее самообладание и стойкость... – он сочувственно дотронулся до моих рук. Я легла ему на грудь и подавленно затихла.

– Передай Бэль, которая, впрочем, и так все слышит, что женщине не нужно стесняться троих: мужа, доктора и священника. А ей персонально еще и чокнутую сестру, которая помимо своей воли в курсе всего происходящего.

Я засмеялась и, приподнявшись на локте, смотрела, как двигаются такие желанные губы Эдуарда, когда он, улыбаясь, слушал Алису.

– У тебя должна быть весома причина! – заявила я ей. Хотя прекрасно понимала, что она есть. Иначе бы деликатная Алиса не прервала нас.

– И она есть, – ответил мне Эдуард.

– Ваша очередь дежурить возле дома Генри этой ночью. Если говорить точнее, то примерно через час.

– Хорошо, мы сейчас будем!

Мы с Эдуардом поднялись на ноги. Нам нужно было еще добраться до дома, чтобы переодеться. Нужно было избавиться от такого яркого наряда, раз уж собиралась приблизиться к дому Генри и остаться незаметной. Эдуарду тоже не мешало бы снять костюм... тут мои мысли сбились, потому что понадобилось четверть секунды, чтобы заставить мысли вернуться в более приличное русло. Мы неслись сквозь ночной лес, оставляя после себя лишь снежные вихри. В лесу стояла звенящая тишина, мы же не нарушали этот покой. Пару раз мы пересекали тропы волков. Видимо, Ромул, старший брат Брукса, проходила здесь совсем недавно. Странно, что они делали здесь, на нашей территории?

Внезапно резкий запах крови, оборотней и бессмертного ударили мне в нос. Мы резко остановились посреди небольшой поляны в лесу. Снег был истоптан. Мы остановились, читая следы, словно раскрытую книгу.

* * *

Повсюду на снегу были следы крови, даже на деревьях вокруг, – кто-то серьезно истекал кровью, только вот где сам пострадавший? Эдуард припал к земле и, приняв себя, сказал:

– Это кровь оборотня, который, судя по всему, не жилец, только вот где его тело? – сказал он и стал осматриваться по сторонам. В наших краях жила только одна семья оборотней – Семья Вайтов, и это мог быть любой из них.

Я подняла горсть окровавленного снега и принялась:

– Как я и думала, запах похож на запах старшего брата Брукса, Ромула.

Эдуард кивнул головой и стал внимательнее вглядываться в картину битвы, которая была под нашими ногами. Среди крупных отпечатков лап и ребер вились следы ботинок с ребристыми протекторами. Это было подозрительно. Эдуард присел на корточки, трогая рукой след.

– Крупный человек, мужчина. Вес примерно 170 фунтов.

Я вдохнула знакомый запах оборотней и запах незнакомого бессмертного. Как обычно – словно сложный парфюм – и целый букет цветочных запахов, и резкий запах соли. И еще что-то... едва уловимый запах сигар, кожи, чего-то горького.

– Вот и наш неизвестный, – задумчиво сказал Эдуард.

Осторожно ступая по снегу, я увидела цепочку следов, которые уходили в сторону Бейнбриджа. Следы принадлежали неизвестному. А следы стаи волков уходили в сторону Сиэтла. Это было вообще черт знает что! Чтобы они остановили преследование и ушли, не добив вампира? И пустили его в Бейнбридж? Это было невозможно! Значит, случилось что-то из ряда вон выходящее! Ромул не очень-то жалуется наше семейство, поэтому, видимо, не сообщил ничего нам.

Брукс был единственным, кто мог знать ответы. Я достала свой телефон и набрала его номер. Надеюсь, что сейчас он не болтается в джинсах, привязанных к мохнатой ноге волка-переростка.

Через пару гудков трубку взял сонный Брукс.

– Але! Бэль, Ханна спит, спасибо, что беспокоишься. У нас все...

Я резко перебила его.

– Слушай, сейчас не до этого! Ты с Ромулом давно связывался? Из дома звонили? Ты перерождался этой ночью?

– Что случилось? – обеспокоено спросил Брукс.

– Да непонятно! – я коротко описала ему то, что мы увидели в лесу.

– Мы свяжемся с отцом, – тут же перейдя на множественное волчье число, сказал Брукс. – Я перезвоню.

– Подожди! Не оставляй Ханну! Мы сейчас будем, – попросила я и, отключив трубку, посмотрела на встревоженного Эдуарда. Его ноздри трепетали, и он кружил вокруг меня, всматриваясь в ночь, пока я говорила по телефону. Эдуард успел позвонить Диксону и предупредить его; и мы побежали.

На пороге нашего дома стоял большой черный волк, низко пригнув голову к земле. Эдуард еще на полпути к дому сморщился, словно от резкой боли, он остановился прямо перед Бруксом, положив руку на его плечо, а я влетела в дом. Быстро переодевшись в удобные джинсы, куртку цвета хаки и черную водолазку, я собрала волосы и убрала с лица следы косметики. На всякий случай одела удобные кроссовки и закинула в маленький рюкзак наши доку-

менты и сменную одежду для дочки. Я просто психовала, потому что это было уж слишком. Но, на всякий случай, я все оставила как есть.

В комнате Ханны было темно. Я включила свет и аккуратно ее разбудила. Мой ангел спал, по-детски сложив ладошки под щекой. На секунду меня осенило смешанное чувство материнского счастья и тревоги. Но вампирские инстинкты говорили только одно – я разнесу полмира, но не позволю кому-либо или чему-либо навредить моей Ханне. Я нежно растолкала ее, целуя в щеку. Она открыла сонные глаза и, раскинув руки, обняла меня за шею.

– Мамочка...

Такая теплая и сонная. Я посадила ее себе на колени, укутав в одеяло. Заставлять ее одеваться сейчас было жестоко, поэтому я закутала ее плотнее, словно блинчик. Она тихонько засмеялась и сказала:

– Ты пользуешься моментом!

– А как же! – довольно промурлыкала я, поднимая ее с кровати. – Мы перебазировемся к Элизе. А ты спи!

Она устроилась удобнее и засопела носом. Такое безмятежное доверие придало мне еще большую уверенность, что я укрошу и вторую половину мира ради нее.

Брукса уже не было. Эдуард спокойно сказал, слегка растягивая слова:

– Думаю, что нам необходимо подстраховать Лили и Джека. Незвестный ушел в сторону Бейнбриджа.

– Очень осведомленный незвестный, – прошипела я. Это добавляло нам проблем. Нам нужно было и развлекать Мо, и охранять Генри, а по возможности найти незвестного и выдворить его отсюда, пока никто не пострадал.

– А что случилось со стаей? – спросила я. Но Эдуард выразительно посмотрел на Ханну, которая усиленно делала вид, что спит, и отрицательно покачал головой, не желая при ней говорить.

Мы добрались до дома Элизы без проблем. Запаха незвестного на пути к Бенбриджу не было. Я не знала – радоваться или нет. Это означало, что он не сунулся к Ричардсонам, но вполне мог наведаться к моему отцу, где сейчас была и моя мама.

Алиса помогла разместить Ханну, которая действительно уснула на свежем воздухе, в ее фальшивой комнате. Она будет здесь в безопасности. Я выдохнула с облегчением, потому что только ненормальный будет штурмовать этот дом, так что одной проблемой меньше.

Спустившись вниз, я услышала, как Эдуард, который успел позвонить Вайтам, сообщал о последних событиях ошеломленной Алисе. Келлан, словно скала, стоял за Диксоном возле Элизы, которая слушала рассказ Эдуарда с выражением крайней тревоги на лице. Мне бы очень хотелось тут увидеть еще Джека и Лили.

– Ромул и его отец Вилли почуяли запах вампира и гнали от берега океана до того места, где мы с Бэлувидели следы боя. Чужак бежал точно в Бейнбридж. – Эдуард многозначительно посмотрел на Диксона. – Преследуя его, Ромул, немного опередив Вилли, остался один на один с ним. А дальше – самое интересное: Ромулу стало казаться, что позади его зовет раненый отец. И даже увидел, как тот машет ему окровавленной рукой. А когда он снова посмотрел на чужака – тот просто исчез. Будто и не было. Ни следов, ни запаха.

– Но мы-то их видели! И запах совершенно точно был! – удивленно сказала я. То, что он не напал на Ромула с целью выпить кровь, говорило о том, что он сыт. Это немного успокаивало. По крайней мере, не было причин бояться узнать о новых убийствах. Хотя я не могла быть в этом уверенной.

– Вот именно! – ответил Эдуард. – Но самое интересное дальше. Когда Вилли догнал Ромула, то увидел, что тот стоит посреди поляны, словно замороженный, а к нему спокойно подходит чужак. Тогда Вилли бросился на чужака, но тот немедленно прыгнул на спину Ромула

и сжал его руками и ногами. – Эдуард поморщился. – Вилли напал на незнакомца, буквально зубами сдернул его со спины Ромула.

Нападающий, как безумный, старался опять подобраться к Ромулу, но Вилли его не подпускал. Тогда незнакомец вдруг развернулся и умчался в сторону Бейнбриджа. Это паршиво. Очень.

– У него, вероятно, переломаны все кости... – с ужасом выдохнула Элиза.

– Эдуард, Бэль, я буду вам признателен, если вы присоединитесь к Лили и Джеку. Келлан и Алиса, останетесь здесь с Ханной. Я с Элизой отправляюсь в Сиэтл, чтобы помочь Ромулу. И прошу всех вас быть предельно осторожными. Пока что будем наблюдать, чтобы выяснить мотивы неизвестного.

Я согласно кивнула головой.

Рассвет должен был наступить через три часа, и Мо должна была приехать к нам к завтраку на церемонию распечатывания подарков. Скорее бы! Тут она будет в безопасности.

Алиса отправилась наверх, в комнату Ханны. Я знала, что она будет стоять, словно каменное изваяние у окна, вглядываясь и вслушиваясь в зимний лес.

Келлан уже встал на пороге дома. И даже могла представить его угрожающе-радостную улыбку на лице. Он был единственным, кто радовался происходящему. Он обожал щекочущее нервы ощущение опасности. Главным образом потому, что очень полагался на свою невероятную физическую силу. И готов был применять ее, где нужно и где не нужно.

Эдуард проверил зарядку телефонов и перевел их в беззвучный режим. Но это только для людей. Мы же знали о том, что звонок зазвонит потому, что батарея телефона на сотые доли секунды разогревалась от повышенной работы принимающей антенны.

Диксон и Элиза уже умчались в сторону Сиэтла, чтобы оказать помощь Ромулу. Диксон предварительно позвонил Вилли, но, судя по его тону, визит Диксона был нежелателен. Еще бурлит адреналин в крови волков, которые только что чуть не потеряли члена стаи из-за такого, как мы... Надеюсь, что искренность Диксона и терпеливая вежливость Элизы помогут остудить их головы.

Мы с Эдуардом сразу же отправились в моему отцу, потому что чужака туда мог привести наш запах бессмертных. Мы переплыли через залив и вышли на берег в районе парков. Пришлось сделать приличный круг по окрестностям, чтобы обойти все людные места, а кое-где даже прыгать по крышам, пугая котов и голубей. Когда мы добрались к дому моего отца, то Лили и Брукс встретили нас не в лучшем настроении.

– И зачем мы торчали здесь весь вечер? Уж лучше б мы остались дома! Из всех опасностей тут был только кролик! – раздражению Лили не было предела.

Я расслабилась. Неизвестный направился в Бейнбридж, но явно не к дому Сигнэтов. Или он тут тоже побывал? А если он загипнотизировал их так же, как и Ромула?

– Тебе просто нужно срочно поохотиться... – начал, было, Эдуард.

– Да уж, не мешало бы! – рассержено завила та. – Джек, ты как считаешь?

Джек словно ее не слышал. Он посмотрел на Лили предельно внимательно, и было заметно, как расслабляются ее черты лица, пропадают злые морщинки вокруг губ.

– Это не поможет! – сказала более спокойно Лили.

– Да, вроде, последние четыре часа помогало, – сказал с улыбкой Джек.

Я мысленно закатила глаза. Он терпел ее раздражение четыре часа. Нужно умиловить нашу принцессу, чтобы дать Джеку немного отдохнуть.

– Спасибо тебе за помощь, Лили. Я понимаю, как тебе было нелегко, – примиряющее сказала я. Да уж, жертвовать собой ради другого, тем более человека, – точно непосильная задача для нее. Так что мы оценили ее усилие над собой.

Эдуард коротко рассказал о бое в лесу, а потом мы обошли дом и встали прямо в противоположном конце от Джека и Лили.

Я осмотрелась. Холодный туман скрадывал звуки и менял очертания улицы. Казалось, что в целом мире только и есть этот плохо покрашенный дом. Окно за розовыми занавесками на втором этаже было темным, но мы прекрасно слышали легкое дыхание Мо, которой осталось спать пару часов. В соседней комнате выводил рулады отец, который сильно пах пищей и пивом, а колеса его автомобиля – соленой пылью дороги вдоль океана. Эдуард мечтательно посмотрел на меня. Я вскинула брови в недоумении, потому что не была столь хладнокровна, чтобы позволить себе романтический настрой.

Эдуард обнял меня за плечи и тихо сказал на ушко:

– Если бы ты знала, сколь желанным для меня когда-то было это маленькое окошко. Я часами представлял, как аккуратно открываю его, чтобы незаметно проникнуть к тебе в комнату.

Вдруг я четко почувствовала неприятнейший запах мокрой псины – к нам прибыл Брукс собственной персоной. Я только ближе подошла к нему и провела рукой по его передней лапе. Он с видом бывшего вояки только кивнул головой. Брукс же устроился за нами, прикрывая тылы. Он сидел неподалеку и выглядел немного растерянным. Представляю, чего он натерпелся за последние пару часов. Я тихонько подошла к нему и спросила:

– Ромул в порядке?

Он только поднял на меня уставшие глаза, и я увидела в них боль. Конечно, он ведь был связан с Ромулом и мог знать, о чем тот думал, а также прочувствовал всю его боль.

Я только сказала:

– Мне так жаль...

Брукс посмотрел на меня и, поднявшись, скрылся в зарослях папоротника. Потом я услышала легкое дребезжание воздуха – он переродился в человека. Через минуту он пришел, как всегда, в коротких шортах и футболке, не смотря на холодную пору года. Я смотрела на него и не находила слов для того, чтобы начать разговор.

– Диксон – прекрасный доктор. Он собрал Ромула практически заново, – пробормотал Брукс.

Я подошла ближе, но он заговорил быстрее:

– У нас, конечно же, пакт о ненападении, но я обещаю – если он мне попадется, я его немедленно убью!

Пусть испытает хоть малую часть той боли, которую испытал мой брат!

Мне стало жутко от его заявления. Он говорил совершенно серьезно.

– Нет, только не это! Ты пообещай мне, что сам не станешь этого делать! Он явно обладает каким-то даром. И поэтому смог справиться с Ромулом, – стала горячо шептать ему я. – Он тебя так же поломает! Ты подумал, как Ханна это перенесет?

Эдуард в одно мгновение оказался рядом со мной и обнял за плечи. Я попыталась вырваться, чтобы добиться от Брукса обещания не рисковать собой. Джек тут же появился рядом со мной и, внимательно посмотрев в глаза Эдуарду, сказал:

– Мы поможем вам найти его и остановить. Я считаю, что его целью был именно Ромул. Он не тронул ни Вилли, ни кого-либо из нас. Так что пришло наше время охранять вашу стаю.

Брукс минуту размышлял над сказанным и, сердито кивнув головой, сказал:

– Согласен. По крайней мере, до тех пор, пока Ромул полностью восстановит свое здоровье.

Да уж. Брукс фактически стал главой оборотней и автоматически новой целью незнакомца. На данный момент мне было важнее уберечь Брукса от опрометчивых поступков. Ради его безопасности. Ради Ханны.

Шаткое подобие стратегии возникло в моем мозгу. Ричардсоны защищают Брукса, который защищает всю стаю. Но и мы параллельно вместе защищаем Бейнбридж и Сиэтл, не нарушая старой границы. Это было приемлемо.

– Джек и Лили уходят, чтобы поохотиться. Брукс решил остаться здесь, с нами. Через три часа Мо и Генри должны приехать к нам на остров на вручение рождественских подарков. Так что еще час можем посвятить тому, чтобы насладиться компанией наших друзей.

Когда туман стал светлеть, что, по местным меркам, означало рассвет, в доме зазвонил будильник. Было интересно слушать, как Мо сонно чистит зубы и проводит расческой по волосам. Ее запах сочился сквозь старую древесину дома, вызывая знакомую жгучую боль в горле. Генри встал чуть позже, и было слышно, как он роется в шкафу, чтобы выбрать одежду для похода в гости к нам. Он бурчал под нос, что нет ничего прекраснее полицейской формы, но этого, кроме него, никто не понимает.

Мо накрыла на стол, умудрившись пережарить яичницу. Я готова была поспорить, что Генри не удивился. Чувствовался запах утреннего кофе и свежей газеты. Они вполне мирно и молча завтракали. Знали бы они, что в данный момент их охраняют оборотень и два вампира, один из которых их дочь...

Первой разговор начала Мо, которая, как всегда, маялась от тишины:

– Как прошла твоя вчерашняя поездка на рыбалку?

– Да нормально. Было много пиццы, – ответил Генри.

Опять повисла тишина. Мо попыталась оживить беседу:

– Бэль рассказывала, что ты встречаешься с кем-то? – по-деловому спросила Мо.

– М-м... хм... ну, вроде да, – ответил Генри.

Я знала, что это предел его возможностей. Он не любил говорить о личном.

Мо замолчала на минуту, но потом порывисто выпалила:

– Генри, я так рада за тебя! Ведь я не могла даже подумать, что после развода ты так и не женишься опять.

Чувствую себя отвратительно из-за этого!

Генри засопел и ответил:

– Думаю, что одного раза для меня достаточно.

Мо подавленно замолчала.

Генри вдруг резко сменил тему:

– Ты готова ехать к Диксону и Элизе?

– Да, только приведу себя в порядок и еще по дороге хочу заехать в местный винный магазинчик...

– Отлично, а я еще почитаю.

Мне было невероятно приятно слушать их неспешный разговор, думать о том, что старые обиды забыты, и они просто идут дальше, но своими дорогами.

Солнце почти поднялось за тучами, и туман стал понемногу рассеиваться, но на горизонте снова появились спасительные низкие тучи с холодным дождем.

Днем нападение ждать было бесполезно, поэтому мы побежали наперегонки к себе.

* * *

Дома все ждали только нас. Не было лишь Брукса, который не мог оставить стаю, и еще Ханны, она все еще спала наверху.

Как только мы зашли, Диксон спустился к нам в гостиную и сообщил:

– Сегодня ночью мне удалось достигнуть взаимопонимания со стаей. Они были готовы разорвать договор, – Диксон внимательно посмотрел на каждого из нас, ожидая, когда до нас дойдет смысл сказанного. – Ромул пострадал настолько серьезно, что на полное восстановление уйдет не менее двух недель.

Учитывая поразительную скорость регенерации оборотней, это означало только одно – Ромул чудом остался жив! Эдуард подавленно молчал, внимательно смотря на Диксона.

– Я благодарен Бруксу за его вмешательство. Он буквально поручился за нас, и совет Вайтов сохранил договор в силе. Но второго шанса у нас не будет, мне четко дали это понять. Но я надеюсь, что мы восстановим шаткий мир, если нам удастся не допустить в дальнейшем новых нападений.

– Но мы же не нарушали договор! Почему они так взбеленились? – спросил Келлан.

– По их словам, мы виноваты в том, что своим присутствием создаем ситуации, когда подобные нам приходят на их земли. Все-таки это мы пришли на их землю.

Да уж, железная логика.

– Но почему именно Ромул? Это так похоже на провокацию... – невпопад спросила Лили.

Джек, немного подумав, ответил:

– Есть несколько вариантов. Первый – нападение на Ромула произошло чисто случайно. Чужак проходил по нашей территории, не зная об оборотнях.

Второй – оно было спланировано из-за того, что он – глава стаи, и напал тот неизвестный вампир, который видел Ханну и Брукса на выставке в Сиэтле. Он не успел убить Ромула, а это может означать одно – он либо будет кружить годами вокруг стаи оборотней, либо нападет в ближайшее время снова.

– Если бы мы знали, кто он или хотя бы как выглядит... – сказала Алиса задумчиво.

– Много мы про него не знаем – Ханна помнит, что одет был, как байкер, и все. Брукс слишком быстро ее утащил от него.

– И правильно сделал! – сказала я.

Стрелка часов на камине щелкнула на отметке 8:00 и все, как по команде, занялись своими делами. Сверху спустилась Ханна, которая только что проснулась.

– А где Брукс? – спросила первым делом она.

– В Сиэтле, солнышко, – ответил Эдуард, – у стаи проблемы. На Ромула этой ночью напал неизвестный вампир. Поэтому сейчас Брукс со своей семьей.

Ханна неожиданно для всех одним движением перелетела через перила и, встав передо мной, горячо заявила:

– Я должна быть с ним!

Я только отрицательно покачала головой.

– Он взрослый и сам справится! – начала, было, я.

Но Ханна, взглянув на отца, с самым обеспокоенным выражением лица, сказала:

– Папа, он ведь такой бестолковый! Побежит охотиться в одиночку на напавшего вампира или еще какую-нибудь глупость сделает! Ну, кто его образумит?

Он же уже на охоте, я уверена! – она обеспокоено стала озираться по сторонам, видимо, ища свои вещи.

Я подошла к ней и, взяв за руки, сказала:

– Самая главная помощь от тебя на сегодня – помочь нам с Мо. Ты будешь занята до четырех, но потом мы едем на концерт. А я лично отвезу тебя в Сиэтл, под охрану стаи, пока мы не вернемся. Поверь, мы не оставим стаю без нашей поддержки, правда, Диксон? – спросила я, не оборачиваясь.

Диксон, словно очнувшись, сказал:

– Конечно, они спасли нас однажды, мы в долгу перед ними.

Ханна немного поостыла, но все равно надо быть начеку.

– Попытаешься сбежать – поймает! – нежно проворковала Алиса, убирая прядку волос со лба Ханн. Та только разочарованно выдохнула и, махнув рукой, убежала наверх. Лили сказала:

– Оставь это мне. Я разберусь, а тебе пора гримироваться! – Она спокойно пошла наверх умирять влюбленного полувампир-подростка.

Через час я снова была Бэль Сигнэт внешне. Алиса решила не заморачиваться и просто повторила вчерашний номер, только вместо свитера на мне было серое вязаное платье и леггинсы. Волосы она опять собрала в тугий узел и, конечно, вынудила одеть туфли. Получилось что-то среднее между «ой, а у меня есть грудь!» и «вау, да у меня ноги стройные!» Эдуард выбрал себе черный свитер и джинсы.

В общем, Генри и Мо должны были прибыть с минуту на минуту и под елкой громоздились нераскрытые подарки.

Мне очень хотелось узнать, что же подарит Эдуард.

Потому что я опять надеялась подарить ему более крутой подарок, чем он мне. Но каждый раз я проигрывала. Мне кажется, что это Алиса помогала ему обыграть меня.

Саксофон самого Кертиса Джонсона лежал под коробкой с синим бантом. Это должно быть убийственно в нашей войне подарками!

Элиза и Каралайл переоделись и выглядели так, как и должны все обычные люди рождественским утром – умиротворенно и уютно. Я услышала, как авто Генри сворачивает с трассы на дорожку к нашему дому.

Лили и Ханна спустились тут же вниз. Лили каким-то чудом уговорила ее на две банальных косички и джинсовый сарафан. Ханна как раз с удивлением рассматривала кроссовки на своих ногах. После чего опознала меня под гримом и сказала:

– Ого, это грандиозно! Думаю, что Мо теперь точно что-то заподозрит! Ты выглядишь как модель в этом наряде!

Я подошла к окну и увидела себя в отражении. Да уж, это слишком. Под недовольным взглядом Алисы я поменяла туфли на обычные кеды и осталась довольна результатом – я стала посредственностью.

– Вандалы! – сказала та и недовольно отвернулась.

Эдуард поставил джазовое попурри на тему рождественских мелодий. Дом наполнился атмосферой праздника. Я еще раз проверила линзы у себя и у Ханны. Моя малышка была такой обеспокоенной! Эдуард подошел к нам и, наклонившись к Ханне так, чтобы глаза у них были на одном уровне, твердо сказал:

– Так уж случилось, что твои родители, дяди и тети, бабушка и дедушка Ричардсоны – члены могущественного вампирского клана. Нас не одолели даже Триумвират со своей армией. А ты – наше единственное сокровище. Но Брукс просто попадает под нашу защиту, потому что ты так его любишь, – он получил легкий пинок от меня в бок, – а еще он наш друг. Так что, думаю, тебе пора бы перестать беспокоиться и начать праздновать Рождество.

Но та стояла и обеспокоено покусывала губы.

– Ну, можно я хотя бы позвоню ему? – попросила она, чуть не плача.

– Ну, сейчас ты позвонишь ему, он сообщит тебе подробности, и ты точно разреवेशься! – сказал Диксон, обняв ее за плечи. – Уверяю тебя, все будет хорошо!

– Ханна, мы не дадим его в обиду! – сказал Келлан, поигрывая огромными мускулами.

– Я бы на твоём месте подумала лучше о том, куда прятать торт! – сказала я и чмокнула ее в лоб. Она немного повеселела и уселась на диван.

Мне не давала покоя мысль о том, что Алиса старается увезти нас отсюда любой ценой. Хотя я в последнее время такая мнительная. Видимо, выдумываю то, чего нет... Алиса как раз прошагала мимо меня, и я дружелюбно улыбнулась ей. Она просияла в ответ и слегка обняла меня за талию.

Вот в таком виде и застали нас Генри и Мо, когда зашли в дом. Генри осторожно приблизился к Диксону и Элизе. Мо же подлетела и с ходу обняла обоих. Ханна поднялась с дивана и подошла к ним. Она не стала разводить долгую канитель и сказала просто:

– Привет! – и пошла на кухню.

Нужно проследить за ней, чтобы она не убежала к Бруксу! Генри подозрительно рассматривал ее голубые глаза и прямые волосы. Не нужно быть телепатом, чтобы понять, что ему это очень не нравится. Он ненавидел вранье и обман.

Джек положил руку на плечо Алисы, и она отпустила меня, чтобы я поприветствовала родителей. Лили и Келлан уже тоже отметились. Остались только мы. Эдуард взял меня за руку и повел к Генри и Мо. Он только кивнул головой моим родителям, искренне улынувшись. Я аккуратно обняла их, всячески изображая неспособность. Генри с чувством прижал меня к себе и попытался крепко обнять. Мне стало страшно – потому что он впервые так сильно меня обнял и попытался сжать мои каменные руки в объятиях. Я быстренько высвободилась, не глядя ему в глаза. Он немного покраснел, но быстро справился с волнением и пошел пообщаться с Ханной.

Элиза уже показывала что-то Мо в большом альбоме с фотографиями, а Генри вернулся к машине и принес подарки. Разноцветные маленькие коробочки были пристроены под рождественской елкой.

Я смотрела на мою семью и понимала, что счастлива, как никогда. Каждый из них был дорог мне, и без них я не представляла свое существование. И только беспокойство в связи с последним нападением не давало мне покоя. Я подсознательно вслушивалась в лес вокруг, воспринимая любой шум и квалифицируя каждый запах. А еще мне было не все равно, что произойдет с Ромулом и стаей. Наши бывшие враги стали на нашу защиту, когда, казалось, уже не было выхода. А теперь мы должны защитить их.

Мой взгляд случайно упал на изображение волка на стене. Простые литографии, множество которых висели на стенах. Черный волк спокойно стоял на утесе над рекой, глядя вдаль. Наш дом стоял в похожем месте. словно вспышка в моем сознании соединила происходящее. Мы одно целое – без стаи нам не выжить. Только благодаря тому, что вместе с ними мы были не так уязвимы перед Триумvirатом, мы до сих пор здесь и живы. И Ханна жива, и Брукс. Я задумалась – какова вероятность того, что Аронимус так сильно желал заполучить Алису и Эдуарда, что готов уничтожать нас по одному? И когда мы, ослабленные и убитые горем, останемся в меньшинстве, он просто раздавит оставшихся и отберет то, что ему так нужно? А начинать нужно с волков – незаметно, словно случайность. И он прислал какого-то одаренного бессмертного, чтобы тот воплотил его планы в жизнь.

Мне нужно было срочно посоветоваться с Алисой.

Она как раз вытащила Джека на середину комнаты и лукаво на него посмотрела. Мне придется немного подождать со своими догадками.

Он прокашлялся и сказал:

– А теперь, я думаю, пришло время открывать подарки! – и, улынувшись, подтолкнул Алису к елке. Она схватила большую коробку, на которой изящным почерком было написано ее имя. Чмокнув Джека в щеку, принялась суетливо распаковывать. Внутри оказались билеты во Францию. Алиса радостно завизжала и бросилась на шею Джека. Он с покровительственным видом заулыбался и с удовольствием подставил щеку для поцелуя.

– Но это еще не все! – сказал он и с видом фокусника достал из кармана маленькую коробочку, по виду напоминавшую морскую раковину. Она была отделана белым шелком, а наверху стояли два инициала: «А и Д». Мо, как самая эмоциональная из нас, прижала руки в груди, готовая расплакаться. Она, как и все другие решила, что сейчас Джек сделает Алисе предложение. Это было уже не впервые, но Алиса была все равно взволнована. Она достала из раковины красивый кулон из белого золота в виде дельфина.

– А я думала, что там будет обручальное кольцо! – заявила простодушная Мо.

– Ну, до этого дело скоро дойдет, я уверена! – сказала Элиза. – Давайте, открывайте быстрее свои подарки! Мне хочется узнать, угодила ли я в этом году всем и каждому!

Мы не стали ждать еще одного приглашения и взялись за дело.

В одной из коробок со своим именем Мо обнаружила графический планшет и с восторгом прижала его к груди. Эдуард подарил Генри суперсовременный спиннинг, и он выпал из нашего общества на целый вечер – просто сел на диване и углубился в изучение инструкции. Он был настолько увлечен, что Мо приходилось то и дело подкармливать его закусками, снисходительно глядя на лихорадочный блеск в его глазах.

Потом Диксон подарил Лили кольцо с гербом Ричардсонов. А в своем подарке я увидела браслет с таким же гербом. Элиза получила кулон с ним же, как у Алисы, но только лев стоял не на фоне гор, а на фоне сердца. Да уж, – наш источник любви. Диксон при этом с любовью смотрел на озарившееся радостью лицо Элизы.

Мужская часть клана получила по кожаному браслету с гербом из белого золота.

Потом дошла очередь до Ханны. Она сорвала нарядную бумагу со своего подарка и с радостью уставилась на энциклопедию по изобразительному искусству от Диксона. Потом Генри подарил ей два билета в аквапарк в Брукссонвиле. Она лучезарно улыбнулась ему в знак благодарности. Генри чуть не лопнул от удовольствия. Потом настала очередь подарков для Мо и Генри от нас. В длинной коробке от Диксона и Элизы Генри нашел энциклопедию рыболова и не смог скрыть свою радость. Потом, смутившись, он сдержанно кивнул головой и вернулся к изучению конструкции спиннинга. Мо же получила от нас в подарок бриллиантовые серьги и была так ошарашена, что не могла минуту ничего сказать. Ведь это были ее первые бриллианты в жизни! Она прослезилась и кинулась благодарить нас.

Алиса подвела ее к зеркалу и помогла одеть серьги. Через минуту она, счастливая, позировала для семейного фото на память.

Эдуард достал саксофон из коробки и с восторгом рассматривал его полированные клавиши. Он держал его, как ребенка, почти с благоговением касаясь мундштука. А я просто была счастлива, потому что он был счастлив.

Настал и мой черед. Под елкой стояла небольшая красная коробка, перевязанная лентой. На ней изящным почерком было написано «Самой прекрасной женщине на свете». Немного стесняясь всеобщего внимания, я ее раскрыла, стораю от предвкушения. Внутри я увидела... еще одну коробку. Эдуард подошел ближе, чтобы посмотреть за моим выражением лица.

Под крышкой оказались три подвески в форме ключиков. Первой мыслью было «Ура! Я выиграла! Мой подарок круче! Я подарила ему саксофон известного музыканта, а он – какие-то ключики!» Я ехидно улыбнулась, в ответ Эдуард только загадочно поднял одну бровь, чем заинтриговал меня еще сильнее. Я посмотрела в его глаза, которые в свете свечей мерцали золотистым блеском, и снова потеряла дар речи. И кому нужны эти глупые соревнования?

– Эдуард, это так красиво! Спасибо тебе! – сказала я с чувством.

– Я рад, что тебе понравилось! – сказал он.

Мо подошла ко мне и стала разглядывать подвески.

– Ой, какие красивые! А вот этот словно ключ от машины, а этот похож на ключ от дома! – произнесла она удивленно. Понимание внезапно вспыхнуло в мозгу: это копии настоящих ключей, которые и были подарком! Я медленно подняла глаза на Эдуарда, который стоял, улыбаясь все шире и шире. У меня не было слов; я была поражена и только корила себя за то, что не умею бурно радоваться. Я так и стояла, с коробочкой в руках. А Эдуард подошел и, указав пальцем на третий, сказал:

– А это от моего сердца!

Я бы уткнулась ему в плечо, чтобы на секунду прижаться к нему, но грим испортится. Я только сказала:

– Это... это потрясающе!

Я посмотрела на свою семью. Каждый из присутствующих радовался нашему счастью. Алиса фактически мурлыкала, обнимая высокого Джека за талию, нисколько не завидуя нашей любви, Келлан и Лили тоже улыбались, а довольная Элиза стояла возле Диксона, который обни-

мал ее хрупкие плечи. Я запомню эту картину навсегда. Генри смотрел на меня влажными глазами, наверное, радуясь, что дочка любима мужем, и его семья прекрасно к ней относится. Мо смотрела на нас, словно замороженная.

Потом мы разобрали менее значительные подарки и Келлан, и Брукс стали, шутя, обмениваться подарками между собой. Алиса получила от нас билеты на двоих в Милан, на неделю моды. А Лили и Келлан – картину. Диксону и Элизе мы подарили авторскую вазу. Под самой елкой мы обнаружили батарею одинаковых пакетов с нашими именами. В них оказались черные футболки с большими, стилизованными под герб Ричардсонов логотипами. Это было нечто! Эдуард готов был примерить, но Алиса строго запретила одевать их до концерта! Ага, эта модница привнесла стиль и в простое посещение рок-концерта.

Остаток дня прошел спокойно и по-домашнему. Обстановка была семейная, и мне только два раза пришлось менять линзы и пару раз поправлять грим. Генри уселся смотреть мультики с Ханной, а Мо было не оторвать от Диксона и Элизы, которые щедро делились своими знаниями о садовом искусстве.

Эдуард не отпускал меня из своих объятий, от чего мне некогда было думать о жжении в горле или об оборотнях. Не сегодня. Он стоял за моей спиной, не выпуская из объятий, время от времени шепча нежные слова на ушко. Я не могла вспомнить более радостного праздника ни в своей человеческой жизни, ни в новой – вампирской.

– Вот видишь, это так просто и хорошо – радоваться жизни, ведь это – основа жизни, – говорил он мне на ушко, щекоча дыханием шею, от которого мои мысли разлетались, словно птички. Я бы согласилась сейчас с чем угодно!

Потом до нашего слуха донесся далекий волчий вой в лесу, и Ханна чуть не подпрыгнула на месте. Это вернуло меня к реальности. Я посмотрела на часы – было около трех часов. В четыре мы должны были выезжать на концерт в Олимпию. Не хотелось расстраивать Алису, но мне нужно было изложить ей свои догадки!

– Нам пора собираться на концерт! – заявила я серьезно и потащила Эдуарда наверх.

Поднимаясь по лестнице, заметила, как Эдуард приоткрыл слайдер и прочитал сообщение на телефоне. Оно было от Брукса. Он сообщил, что Ромулу стало хуже. Эдуард скрипнул зубами и переслал его Диксону. Тот незаметно его прочитал и, посмотрев на Эдуарда, дождался его кивка.

Видимо, нам следовало придумать нечто, чтобы увести Мо и Генри. И дать возможность Диксону отправиться к Ромулу на помощь.

Я быстро справилась с волнением и спросила:

– Мо, ты не думаешь, что слишком легко одета для вечернего концерта? Он будет проходить вечером, помнишь? – спросила я негромко.

Она растерянно осмотрела свою экипировку.

– Ты считаешь, что этого будет недостаточно?

– Думаю, что тебе стоит одеть свитер, – вполне серьезно ответила я.

– Да и чемодан захватить, – сказала она, – мне же на самолет нужно успеть. Рейс в четыре утра. Кажется...

– А ты его не брала? – спросила я, привычно не расстроившись. Я была готова к чему-то такому. Узнаю свою маму.

– Нет, я думала, что заедем перед концертом... – сказала она.

– Ничего, я помогу, – сказал Генри, который с серьезным видом стоял у мамы за спиной. – Поехали!

– Поторопитесь, – сказала я им вдогонку.

Просто с порога Мо вернулась и побежала в спешке прощаться с Диксоном и Элизой. Она порывисто обняла их и поблагодарила за самое чудесное Рождество в ее жизни. Потом, так быстро, что я бы не успела ничего предпринять, будучи в роли человека, подбежала к

Ханне, чмокнула ее в макушку и обняла ее, прикоснувшись в шее, которая была непривычно холодной.

– Ой, да мы совсем ребенка заморозили! – сказала она, а Ханна в ответ чуть не разрыдалась, – она не хотела прощаться с бабушкой, поэтому нахмурила брови и снова уселась на диван.

Мо, сбита с толку, заторопилась к двери, и после того, как многочисленные подарки были погружены, мы наскоро попрощались, договорившись встретиться через час возле парома. Я так понимаю, что Генри хотел убить двух зайцев сразу – передать нам Мо и купить себе что-то для рыбалки в магазинчике у причала. Когда машина Генри наконец-то скрылась за поворотом, я накинулась с расспросами на Алису:

– Зачем нам так рано ехать на концерт? Мы могли бы пару лишних часов провести вместе, – но вместо ответа Алиса, широко распахнув глаза, ответила:

– Да не волнуйся ты так! Думаю, что будет все в порядке. Никто не тронет Генри и Мо. Чужак просто прошел через нашу территорию, случайно встретив оборотней. Могу представить его удивление! Удивлюсь, если увижу его в ближайшее время здесь, в Бейнбридже.

– Я вот так не думаю! – серьезно сказала я.

Все в доме превратилось в слух. Я кратко изложила свои подозрения и, сложив руки на груди, стала ожидать возражений. Тишину нарушила Лили:

– Да уж, это впечатляет. Ты не думаешь, что немного преувеличила степень опасности? – спросила она.

Джек же со вздохом сказал:

– Опыт подсказывает, что ты в таких вещах не ошибаешься. Значит, будем готовиться к бою!

Лили несогласно покачала головой и отправилась к себе в комнату. Диксон и Элиза стояли молча, и я все ждала их мнения.

– Все сходится. И, по крайней мере, ты увязала в единое целое разные события, которые объясняют хоть немного происходящее, – сказала Элиза.

– Бэль, я благодарю тебя за проницательность! Как говорят люди – предупрежден, значит вооружен! Я сообщу твои соображения стае, и мы разработаем общую стратегию по защите, – подвел итог Диксон.

Я разочаровано посмотрела на Алису. У меня создалось впечатление, что она на пару с Эдуардом что-то утаивает от всех. Я точно не узнаю всю правду. Внезапно она подошла ко мне и сказала:

– Хочу ответить на твой вопрос, почему я увожу всех раньше. Все просто – нам нужно время, чтобы проверить границы вокруг Бейнбриджа. Это раз. Потом нам не мешало бы появиться в Сиэтле. Это два. Ну и сюрпризы для Мо закончились – больше ее нечем отвлекать! – сказала она.

Да уж, нужно расслабиться, а то я порчу всем праздничное настроение.

В далеком лесу опять завыл волк. Ханна, швырнув кроссовки в телевизор, в два прыжка очутилась на лестнице, ведущей на второй этаж. Мы с Эдуардом застали ее в «фальшивой» розовой комнате. Она, волнуясь, застегивала куртку.

– Ты обещала! – быстро бросила мне она.

Мы переглянулись с Эдуардом, и я ответила:

– И я выполню обещанное, – заверила я ее. – Жди нас внизу.

Мы быстро переоделись, и Эдуард помог мне собрать сумку. Мы захватили пару джинсов для Брукса и еще запасную одежду для Ханны. Надев черные футболки и джинсы, а также элегантные пальто, мы спустились вниз. Спокойный Джек молча вручил Эдуарду объемный пакет с оставшейся едой для вечно голодного Брукса, добавив:

– Твоя дочь на грани истерики!

Ханна зло взглянула на него. Ну, уж нет, она поедет поддержать Брукса, а не создавать ему проблемы! Я тут же взяла ее за плечи и тихо сказала:

– Или ты немедленно успокаиваешься и едешь с нами, или остаешься здесь! Бруксу и так нелегко! Ему нужна поддержка сейчас.

Ханна закрыла глаза и стиснула кулаки. Потом шумно выдохнула и спокойно сказала:

– Я себя контролирую. Просто весь вечер корчила дурочку, но думала только о нем!

– Бедная моя! – сказала я, обнимая ее. – Моя любимая девочка!

– Все будет хорошо! – сказала Алиса спокойно. – Ты будешь в белом, а Брукс в свадебном фраке будет выглядеть потрясающе! – начала, было, она, но услышав грозное рычание Эдуарда, моментально замолчала, немного лязгнув зубами.

Она стояла с таким виноватым видом, словно ее застали за воровством конфет. Это было так комично, что Эдуард потрепал ее челку, накрыв рукой почти всю голову, и сказал:

– Маленькая, настырная оптимистка!

Он обернулся к нам.

– А пока что мы отвезем Ханну в Сиэтл и займемся Мо, – сказал Эдуард, галантно предлагая мне руку, словно для вечернего променада. Ханна схватила отца с другой стороны за локоть и мы вместе пошли в гараж.

Эдуард выбрал самый быстрый из наших автомобилей – черный бронированный мерседес.

За руль уселся, конечно же, он, с довольным видом завел машину, и под тихое урчание мы выехали из гаража. Ханна беспокойно ерзала на просторном заднем сидении. Элиза и Диксон погрузили в минивен какое-то оборудование в большом ящике и пару сумок с лекарствами и капельницами. Через минуту шум их мотора утих в направлении шоссе.

За нами Лили вывела из гаража огромный джип, в который на ходу запрыгнул довольный Келлан.

* * *

Вместо кухонного стола посреди дома Эмили стояла высокая больничная кровать. Вокруг нее на штативах висели какие-то мониторы и несколько капельниц, провода от которых тянулись к забинтованному телу. Ромул сильно исхудал, и его глаза ввалились, а дыхание поддерживалось с помощью искусственной вентиляции легких. Было страшно смотреть на этого, когда-то сильно вождя. Большая часть его тела была забинтована. И мне стало нехорошо, когда я увидела тонкую полоску едва зажившего рубца на предплечье. Судя по его рисунку, рука была практически оторвана. На шее, словно следы от когтей крупной кошки, тянулись фиолетовые бугры заживающей плоти. Весь корпус был забинтован, а левая рука собрана на спицы. Запах лекарств, крови и слез был просто удручающим. Возле его головы на стуле сидела его мама Труды, которая вытирала со лба Ромула крупные бусинки пота. На нее было страшно смотреть, потому что в ее глазах четко читалось отчаяние, которое она прятала, как только Ромул приоткрывал глаза.

Диксон стоял возле монитора и внимательно следил за показателями. Элиза, словно извояние, стояла рядом, вздрагивая, когда Ромул начинал стонать.

На лестнице, ведущей на второй этаж, сидел Брукс, обхватив голову руками, и старался не смотреть на изломанного Ромула.

Только здесь, видя обстановку, я поняла насколько все серьезно. Ханна сразу же побежала к Бруксу, и он аккуратно взял ее за руку. Она села рядом и положила голову на его плечо, маленькой ладошкой гладя его большую руку. Она облегченно вздохнула, и черты лица Брукса стали мягче. Это было так трогательно...

Посреди гнетущей тишины Диксон сокрушенно сказал:

– Если бы я только мог перевезти его в больницу! Там есть необходимое оборудование! Но я не смогу списать его нечеловеческие показатели на сбой оборудования!

– А в Канаду к нам не довезем, – горестно сказала Элиза.

Но почему такое тяжелое состояние? Я посмотрела на Ромула. Он же оборотень! Я, откинув тактичность, спросила:

– Но почему его тело не восстанавливается так быстро, как обычно?

– Ромул еще и укушен, – тихо сказал мне Эдуард.

О нет! Он не только искалечен – он еще и отравлен!

– Только доза такова, что не убила его, но сильно ослабила. Вилли вовремя оторвал от Ромула незнакомца. По большому счету, яд и не дает телу восстановиться, замедляет регенерацию. Но организм у Ромула сильный, поэтому яд все-таки выходит из организма, – тихо сказал Диксон. Труди с надеждой посмотрела на него.

– А может сделать переливание крови? – вдруг спросила Ханна.

Диксон переглянулся с Эдуардом и поморщился.

– Мы не хотим, чтобы Диксон имел хоть какое-то дело с кровью Ромула. Мы боимся, что он... не сдержится и нападет. Да и все вы тоже! – сказала Труди достаточно резким тоном.

– Я понимаю ваши опасения, Труди, – ответил Диксон миролюбивым тоном, – и хочу от себя добавить, что переливание крови в данном случае слишком рискованная затея. Мы не знаем, как кровь оборотней ведет себя при переливании – возникнет конфликт антител или все пройдет хорошо – предсказать невозможно. У оборотней все по-другому. Мы не можем сейчас рисковать, – Ну почему же? – горячо спросила Ханна. – Ведь Ромул и Брукс – родные братья, и у них одинаковый ген оборотня. Это говорит в пользу их совместимости!

– Наш ответ – нет! – сказал старший Вайт безапелляционным тоном. Было видно, что настроен он отказывать до тех пор, пока бьется пульс у Ромула – волчья кровь сделает свою работу!

Вот упертый, суеверный упрямец! Ему бы сейчас так полежать на столе!

Брукс вдруг встал и подошел к столу, на котором лежал его старший брат.

– Я думаю, что решать должен Ромул, отец! – сказал он и аккуратно сжал руку брата. Ромул приоткрыл глаза, и Брукс, едва сдерживая слезы, спросил:

– Ромул, доктор хочет перелить тебе мою кровь, но не знает, чем это может закончиться.

– Я... все слышал... – сказал Ромул еле слышно.

– Вот и хорошо, милый! – сказала Труди, ласково ему улыбаясь. – Но я думаю, что ты сейчас не в состоянии принимать взвешенные решения. Давай подождем – твоё тело молодое и справится с ядом.

Ромул закрыл глаза и задумался. Но потом сказал:

– Переливайте. Я так хочу. Это мое окончательное решение!

Брукс поднял голову и с надеждой посмотрел на старого Вилли. То покачал головой и ответил:

– Мой ответ прежний – нет!

– Да бросьте вы! Почему отказываетесь? Диксон – отличный врач и может помочь. Вы хотите растянуть мучения Ромула на несколько недель? Переливание очистит кровь и поможет вывести яд из организма! – сказала Ханна, наступая на упрямого Вилли. Тот попятился назад, и мне стала понятна причина его упрямства – банальный страх.

Тогда я решила помочь переломить ситуацию в пользу Ромула.

– Послушайте, у Эдуарда два высших медицинских образования, я учусь на медика. А у Диксона – без малого два века практики! Да и мы почти одна семья. Брукс влюблен в Ханну, а Ханна в него, мы вместе мирно живем на одной территории. Неужели вы думаете, что мы себе позволим обидеть Ромула?

Труди задумалась и потом сказала:

– Бэль говорит дело. И я полагаюсь на выбор Ромула. Так что я «за»!

Все посмотрели на Вилли, который после минутного колебания принял нелегкое для него решение:

– У нас нет другого выхода. Начинайте!

Вилли сжал зубы так, что скулы побелели, и вышел из дома на улицу.

В одно мгновение Диксон переместил аппаратуру в сторону и притащил еще одну кровать. Элиза подготовила жгуты, иглы и капельницу. Через минуту все было готово.

Брукс с готовностью улегся на соседней с Ромулом кровати и осторожно взял его за руку. Ромул, не открывая глаза, улыбнулся, и у меня появилась надежда на то, что все хорошо закончится.

Ханна подошла ко мне, и мы наблюдали за происходящим, обнявшись. Вот Диксон принес аппарат для переливания крови, и Эдуард помог ему подсоединить к ней братьев. Ромул, казалось, впал в забытие – его дыхание стало прерывистым, а пульс просто зашкаливал. Брукс с нетерпением ждал, когда же его кровь поступит в вены умирающего брата. Труды ушла за Вилли и привела его к нам. Его голубые глаза были опухшими от слез, он был недоволен решением сына и ужасно боялся, что это страшная ошибка. Но как только первые миллилитры крови поступили в катетер на предплечье Ромула, то ситуация начала меняться: его дыхание стало более ровным, а пульс начал восстанавливаться.

Достаточно долго мы напряженно вслушивались в сердцебиение Ромула, которое было похоже на барабанную дробь. Вдруг сердце, казалось, остановилось, и Ханна испуганно задержала дыхание. Ромул стал меняться – запах его крови стал больше похож на волчий, его дыхание стало глубже и спокойней. Страшные шрамы буквально на глазах затягивались и исчезали! Диксон просто улыбался, Элиза стояла, сложив руки под подбородком и внимательно следила за Ромулом. Дэвид подошел ближе, став возле Брукса, который заметно повеселел.

– Док, ты просто супер! – сказал Брукс, улыбаясь.

Тот немного опешил от такой фамильярности и сказал:

– Мой прогноз таков – примерно через неделю при соблюдении моих рекомендаций Ромул будет как новенький!

Труды не сдержалась и разрыдалась над Ромулом, ее теплые слезы оставили влажные следы на бинтах.

Вдруг зазвонил телефон, и Алиса затараторила в трубку:

– Бэль, мы ждем тебя и Эдуарда! Ты еще помнишь про концерт? Вы уже выезжаете?

– Да, прости... Тут такое было... Ромул поправляется, кстати.

– О, отлично, я в отце не сомневалась! – заявила эта маленькая гордячка и повесила трубку.

Я подошла к Ханне, которая стояла около Брукса и старалась незаметно вытирать слезы. Я сделала вид, что ничего не заметила и спросила у Брукса:

– Ты за ней присмотришь?

– Ну да, как всегда! – сказал он немного с обидой. – Если что, – передам под охрану Диксону. Книжку на ночь почитаю, уроки сделаю... все по списку, – сказал он серьезно.

Эдуард кивнул головой. Мы попрощались с Вайтами и, сев в машину, помчались в Бейнбридж.

* * *

Глядя на мелькающие за окном деревья, я только и могла думать о том, что, возможно, вижу Мо в последний раз. Пусть я и храбрюсь перед Эдуардом, но себя я не обману. Настал момент, которого я так боялась. Потому что нужно будет сдержаться и не броситься ей на шею, при этом ни словом ни обмолвиться о происходящем. Слова прощания сами складывались в

голове: а ведь все могло бы быть иначе. Я бы еще лет двадцать могла откладывать момент расставания с мамой и Генри. Немного грима, мешковатый покрой одежды, липовые фото... Да еще и этот неизвестный вампир, который чуть не убил Ромула. Как только найду его – откручу голову собственноручно! Я стиснула кулаки и на запястьях лязгнули друг об друга золотые ключики. Я посмотрела на них и вспомнила, что понятия не имею, где расположен подаренный дом.

– И когда ты мне покажешь свои настоящие подарки? – спросила я у Эдуарда, когда наша машина петляла по лесному серпантину.

– Когда ты будешь в лучшем настроении. Не просто достать ту марку авто, которая ждет тебя в гараже нашего нового дома.

Очень наблюдательный. Я зарычала от раздражения. Он опять все решил за меня! Мне что, даже выбор мебели не доверят?

– Я от всей души надеюсь, что там будут термиты и противные обои в желтый цветочек! – сказала я.

Эдуард удивленно вскинул брови.

– Прости, но я не понимаю тебя. Что плохого в том, что я забочусь о тебе?

Я закрыла глаза, чтобы подумать, как понятнее объяснить ему свои чувства. И кстати, самой в них разобраться. Немного помолчав, я перебрала все варианты и обнаружила причину. Это, как всегда, принесло успокоение. Уже обычным тоном я сказала:

– Эдуард, я не злюсь на тебя за то, что ты такой щедрый и так любишь делать мне подарки.

– Так в чем же дело?

– Просто, ну, знаешь... мне хотелось бы пройти весь ритуал с выбором дома вместе с тобой. И долго и упорно оценивать состояние веранды или планировать, что можно построить на участке... – я замолчала, думая, как он отреагирует на мои слова, – и поломать голову, как же обставить дом. Так все делают в этом столетии, – сказала с улыбкой я. – Это важный ритуал!

Эдуард внимательно посмотрел мне в глаза и спросил:

– В моем столетии слово «эмансипация» с непривычки произносилось по слогам. И мужчина приводил в свой дом жену. Причем ожидалось, что он полностью обитает. Именно так я и мечтал сделать для тебя – готовый дом, которым ты будешь всецело владеть.

– А я немного из другого времени... – осторожно сказала я.

– И когда же я к этому привыкну? – спросил Эдуард серьезно, скорее, сам у себя. Он нажал на газ, и машина быстрее помчалась в Бейнбридж.

Я представила его замешательство – так готовился к этому торжественному событию и я так нетактично развенчала его усилия.

– А хоть где он находится? – спросила я.

– Теперь это не имеет значения. Еще есть время на расторжение договора о его покупке... – начал, было, Эдуард и достал мобильный телефон.

О нет, что же я наделала? Я совсем не этого хотела добиться! Просто немного участия в таких решениях, а не таких радикальных мер.

– Эдуард... – осторожно начала я, – я не хочу, чтобы ты отказывался от дома.

Мистер Ричардсон медленно нажал на кнопку отбоя и сказал:

– И от машины? – спросил он с надеждой.

– И от машины тоже, если на ней нет брони, и она ест меньше ста литров бензина на километр! – вполне серьезно ответила я. – И ты обещал мне, что я сама выберу машину!

Эдуард усмехнулся и ничего не ответил. Мои худшие подозрения, видимо, оправдались. Меня ожидал очередной танк.

Я театрально вздохнула.

– Давай так, я соглашаюсь на новый дом, на машину, но с правом творческой переделки, – сказала я увереннее.

– Меня пугает термин «творческая переделка», – с деланным ужасом сказал Эдуард, – но я согласен на такой компромисс.

– Зато ты получишь свои танцы! – буркнула я.

О да! Мне предстояло освоить танго!

Я сидела, все еще грозно сложив руки на груди, но втайне радуясь, что почти безболезненно обсудила с Эдуардом такую щекотливую тему.

Как раз мы остановились около пристани. Мама стояла на улице, несмотря на холод и сырость, и разговаривала с Алисой и Джеком. Лили с Келланом подъехали за нами, но остались сидеть в джипе, слушая новости по радио. Наверное, ждут сообщений о новых убийствах или похищениях. Все-таки незнакомец где-то неподалеку от Бейнбриджа и нам, после того, как улетит Мо, придется его разыскать...

Я опустила стекло в машине, аккуратно втянув носом воздух. После вчерашней охоты жжение в горле было практически незаметным, однако это не мешало мне напрячься. Как же спокойно перенести концерт? Такое количество разгоряченных людей, которые будут буквально напирать на меня со всех сторон? Это будет непросто...

Мама повернулась ко мне, и я увидела, что она оделась теплее, даже шапочку Генри надела. Я помахала ей рукой и вышла из машины навстречу, Эдуард последовал за мной.

– Бэль, ну что так долго? – спросила Алиса вполне серьезно.

– Да, понимаешь, пришлось заехать на заправку, – ответил Эдуард.

Алиса скорчила недовольную мину и сказала:

– Я надеюсь, что мы успеем осмотреть набережную и парк. Хотя при вечернем освещении будет еще красивее... – задумчиво сказала она.

О, прекрасно! Она поведет нас на экскурсию! И еще в ресторан и на концерт! Алиса...

Она оживленно спросила:

– Бэль, ты не против, если Мо поедет с нами? Мы как раз обсуждали с ней фэн-шуй, и она высказывает такие интересные идеи, что я, боюсь, не успокоюсь, пока мы с ней все не обсудим.

Джек посмотрел на меня, внимательно намекая на то, чтобы я проявила понимание, и я уступила. Ох уж эта конспирация!

– Да, конечно. На концерте вам будет не до теорий! – сказала я, рассмеявшись.

Хотя на душе кошки скреблись – мне очень хотелось провести с мамой пару лишних часов. Но чем дальше она от меня, тем меньше шансов на неудачу в маскировке. Как и шансов на то, что я буду настойчиво с ней прощаться.

Мы сели в машину, и наш кортеж отправился в Олимпию.

* * *

Когда машина Алисы свернула с шоссе направо, мы как раз допевали последнюю песню из альбома «Мьюз». Я пела основную партию, чтобы не перепутать ноты, а Эдуард своим тенором оплетал и добавлял основную мелодию. Думаю, Келлан и Лили слышали, как мы голосим, потому что Лили нам подпевала, сидя за рулем своего красного танка, а Келлан выстукивал ритм на коленках. Алиса же мурлыкала себе под нос, не имея возможности петь в полный голос.

Через пятнадцать минут мы остановились на пристани яхт-клуба, откуда открывался один из самых живописных видов в Олимпии. Белые яхты качались на легкой волне, а над самой водой кружили крупные чайки на фоне свинцовых облаков. Вдалеке виднелась цепочка больших островов, а соленый запах морской воды смешивался с густым ароматом высоких сосен, которые росли на предгорье. Жемчужно-серые тучи кое-где соединялись широкими полосками дождя с водами залива. Вдалеке, над горизонтом, ослепительно сверкало солнце на водной глади, каким-то чудом прорвавшись сквозь тяжелые облака.

Мо вышла из машины, разминая, затекая ноги. Я взяла ее под ручку мы стояли, рассматривая эту красоту. Для достоверности я ежилась от ветра, кутаясь в пальто. Мо посмотрела на меня и потрогала руки.

– Бэль, да ты просто ледышка!

Я радостно улыбнулась, потому что это была единственная возможность прикоснуться к маме. Низкую температуру тела можно было списать на то, что я замерзла на холодном ветру. На радостях я еще и чмокнула ее в щеку. Аккуратно, чтобы не испугать ее своими каменными губами.

Вокруг нее была словно собственная атмосфера: нежными водоворотами кружили тепло тела и аромат кожи. Во рту моментально собралась ядовитая слюна, и я в ужасе отпрянула от нее, борясь со своими инстинктами. Как же я сейчас понимала Эдуарда – ненависть к своей вампирской сущности промелькнула в сознании сама собой. Я заставила свои мышцы расслабиться и улыбнулась. Потом, уже не дыша, затащила шарф Мо потуже и надвинула ее шапку на самые брови.

– Бэль, как вы тут живете? Тут же можно околеть! – сказала она, засунув нос в воротник куртки. Она укоризненно смотрела на меня.

– Ну что ты, мама! Как можно променять эту первозданную красоту на шумный мегаполис? – сказала я с напускной серьезностью. Она немного приуныла, поэтому мне пришлось, шутя поддеть ее плечом. Мо улыбнулась.

– И притом, смотри – и тут есть солнце! – сказала я, указывая рукой на искрящийся вдали кусочек водной глади. Мо остановилась, очарованная увиденным, и пробормотала:

– Знаешь, кажется, я начинаю тебя понимать...

Я удивленно взглянула на нее.

– При всем этом холоде и слякоти, а также непрерывных дождях есть что-то в этом месте... знаешь, жизненная стойкость что ли... и такие красивые виды. Что-то вечное, да!

Я ничего ей не ответила, только обняла за плечи, и так мы стояли пару минут, любуясь видом. Через сотню лет останутся только эти горы и я.

Пока мы наслаждались красотами природы, Эдуард и Алиса, не выходя из своих машин, затеяли совещание, в котором остальные принимали активное участие.

Насколько я поняла, Алиса сообщила нам, что через сорок минут солнце будет повсюду! Эдуард раздраженно шипел на нее, а Лили требовала вернуться домой. Алиса только отбивалась от них, ссылаясь на ошибку в прогнозе погоды. Как бы там ни было, а ситуацию это не меняло. Нам нужно было спрятаться. На что Алиса довольно заявила, что не зря она говорила про ресторан. Да и солнце сядет через каких-то полчаса. Тогда мы сможем спокойно выйти на улицу и успеем на концерт вовремя. И ее непоколебимая уверенность передалась всем, поэтому все вышли из машин и подошли к нам. Алиса начала бегать вокруг нас с присущим ей задором и беспрестанно фотографировать. По большей части в объектив попадали я и Мо, а также ее возлюбленный Джек, который, словно полководец после битвы, рассматривал просторы бухты. Успела щелкнуть прекрасную Лили на фоне темного неба, светлые волосы которой вились от ветра вокруг головы, словно живые. А Эдуард и Келлан позировали на фоне океанского залива, по-братски обнявшись за плечи. Это было так естественно и по-семейному, что я чувствовала себя абсолютно счастливой.

Неунывающая Алиса предложила пройтись по каменной набережной и осмотреть достопримечательности. Их тут набралось целых две – памятная доска в честь открытия порта и обзорная площадка, на которой мы неистово позировали и фотографировались.

Потом Эдуард предложил мне взять его под руку, и мы так и прошли до конца набережной – слева Эдуард, справа – Мо. Портовая кошка, противно шипя, удрали от нас в ближайший палисадник, который рос перед нарядно украшенным зданием ресторана. Было видно, что это заведение – одно из самых шикарных в Олимпии, потому что название, меню и внутреннее

убранство было на французский манер. Мо тоскливо заглянула внутрь, готовая привычно вернуться и уйти, но тут Эдуард, как бы невзначай, спросил у сестер:

– Лили, Алиса, Мо, дорогие! Не хотите ли по чашечке кофе?

Алиса тут же взяла Джека под руку и потащила его вовнутрь, он развернулся и, якобы по секрету, сказал:

– Советую не отставать – Алиса единственная из нас, кто знает французский!

– Займи лучший столик! – сказал ему вдогонку Келлан.

– О, ну наконец-то! Я совсем замерзла – полусхутя сказала Лили, грациозно дефилируя к дверям.

Эдуард же открыл перед нами дверь и сделал галантный жест рукой, приглашая войти. Мо, казалось, ничего не замечала вокруг, полностью поглощенная шикарной обстановкой ресторана.

На входе нашу компанию встретил флегматичный администратор и предложил столик у окна. Но Алиса настояла на том, чтобы нас посадили у рояля, в глубине. И, конечно, подальше от окна. Правда, она ничего об этом не сказала вслух. Мы расселись за круглым столом, который был безупречно сервирован, и стали изучать меню.

От смешения запахов соуса, газа, духов повара и вареных омаров голова шла кругом. Я воспользовалась умением не дышать и просто опускала и поднимала плечи. Приглядевшись, заметила, что это же делают и другие. После чистого морского воздуха этот коктейль был пыткой. Но мы счастливо улыбались. С помощью Алисы и комментариев Эдуарда мы выбрали седло барашка, салат и красное вино. За большим окном стало заметно светлее, и появились первые лучики света.

– О, Бэль, посмотри! – сказала Мо, указывая рукой на предзакатное солнце, которое залило все вокруг мягким золотистым туманом. – Стоило нам зайти в помещение, как солнце тут как тут! – и с тоской посмотрела на радостный пейзаж за окном. Потом вздохнула и спросила: – Так кто-нибудь посвятит меня в вашу тайну?

Я моментально напряглась, и тысячи вопросов засуетились в голове. Но Мо продолжила:

– Так на концерт какой группы мы идем?

Келлан даже откинулся на спинку стула, расстегнув пиджак на молнии, явно от облегчения. Эдуард же продолжал развлекаться, глядя на мое перепуганное лицо. Мне так и хотелось показать ему язык, но меня опередила Алиса. Мама ничего не заметила, потому что Лили всецело завладела ее вниманием, спрашивая:

– А вот эту мелодию узнаете? – и стала напевать самый известный хит группы.

Мо немного послушала и отрицательно замотала головой.

– Нет, не слышала, но мне нравится!

Еще бы не понравилось, от этой песни снесло крышу у миллионов людей по всему миру. Я, было, открыла рот, чтобы напеть Мо еще одну их композицию, но Эдуард опередил меня:

– Если вы мне позволите, Мо, то я сыграю эту мелодию, – сказал он и, усевшись за рояль, начал играть самый известный хит этой группы. Это была очень искусная аранжировка рок-баллады, от его дополнений она казалась более легкой и сложной одновременно, но легко узнаваемой. Эдуарду каким-то чудом удалось добавить больше оттенков в мелодию.

Я зачарованно слушала его, размышляя, когда же перестану восторгаться его талантами. Он исполнил мелодию до конца и резко перешел на танго! Я от неожиданности только глазами хлопала. Нет, только не сейчас! Но Эдуард знаком попросил Лили сменить его у рояля и направился прямо ко мне. У меня дух захватило от его грации. А глаза... Они горели желанием не только потанцевать. На пару секунд меня унесли воспоминания о недавней ночи, и Эдуард воспользовался этим. Я очнулась, когда стояла недалеко от столика в дурацкой стойке для танго. Я много раз видела этот танец в кино и начало меня неизменно сместило – просто нелепо стоять так близко друг к другу и делать вид, что мы не знакомы.

– Эдуард, я же ничего не умею... – шепотом сказала я. – Вот опозорюсь сейчас, и нас навсегда исключат из списков клиентов этого ресторана!

Казалось, что Эдуард мурлыкал от удовольствия:

– Ну уж нет! Я столько этого ждал! И не согласен ждать более ни секунды! – шутя ответил он. – Становись мне на ноги и сделай страстное выражение лица.

Все остальное я беру на себя!

Но с выражением лица проблем не возникло – я просто не стала скрывать обожания, с которым смотрела на своего мужа.

Лили ударила по клавишам, выдав пространное вступление, и мы... заскользили по паркету. Эдуарду удавалось танцевать, едва касаясь ногами пола. Я хихикала и старалась правильно делать повороты и па. Хотя уже на второй минуте уяснила себе как танцевать. Думаю, что еще пару тренировок, и я станцую с Эдуардом самое страстное танго, на которое только способна.

Когда музыка стихла, Мо восторженно зааплодировала, а Эдуард с легким поклоном галантно усадил меня на стул возле себя.

Алиса потянула танцевать Джека, и я впервые увидела, как они танцуют. Алиса была великолепной партнершей – она полностью подчинилась в танце Джеку, а тот, с довольной улыбкой, наслаждался танцем со своей любимой. Они целиком и полностью покорили нас своим исполнением. Без слов, только движения под музыку, а сколько сказано, сколько чувств... мы, словно очнулись от сна, когда музыка стихла. Вместе с нами зааплодировали немногие посетители ресторана.

Лили наконец-то решила, что с нее довольно музыки и, закрыв рояль, вернулась за стол. Ох, много бы я отдала, чтобы посмотреть, как танцует Келлан. Это должно быть зрелищно. Я их обязательно раскручу на танго когда-нибудь!

Официант принес каждому по большому блюду, на котором, к моему счастью, сиротливо ютился кусочек склизкого мяса, размером с ладошку. Все это было украшено двумя листьями салата и несколькими стручками фасоли. Мо в замешательстве смотрела на это произведение искусства и, видимо, подумала, что ее разыграли. Она привыкла к более сытной пище. Но тут главным было не насытить клиента, а порадовать сочетанием разных вкусов. Пища как искусство. Мама вздохнула и, взяв вилку, стала с философским видом ковырять угощение.

Я же с ужасом думала, куда девать еду. Эдуард под столом слегка придавил мой кроссовок, и я украдкой взглянула на него. Он глазами показал на свою тарелку. От его кусочка мяса осталась половина. Я вопросительно вскинула брови. Он самодовольно подмигнул мне и взглядом указал на тарелку. Тут я увидела, как он поступал: отрезал кусочек мяса и, пока на него не смотрели, молниеносным движением заталкивал его в сложенную салфетку. Мне стало интересно, и я осмотрела тарелки остальных участников застолья. Видимо, все делали так же, потому что тарелки были полупустыми. Я последовала их примеру и решила проблему точным запуском говядины в сложенную салфетку.

Мо запивала еду вином и продолжала сосредоточенно жевать. Наконец-то она подняла глаза и изрекла:

– Это поучительный опыт для меня.

Возникла неловкая ситуация. Я уже была готова услышать критику ресторана с ее стороны. Но она продолжила:

– Нужно было Генри пригласить во французский ресторан, когда мы только поженились! Я вопросительно вскинула брови, а Эдуард улыбался все шире.

– Вот нечто подобное я как-то и приготовила, а Генри давился и критиковал мои кулинарные способности!

Бэль, а здесь это продают по сорок долларов за порцию!

Нет, ну где же справедливость? – смеясь, спросила она.

Мы еще смеялись, и я невзначай бросила взгляд на бухту за окном. Солнце уже село, и город погрузился в сумерки. Внезапно неуловимо быстрое движение за окном привлекло мое внимание – я увидела край черной куртки. Движение было нечеловечески быстрым! Я чуть было не подпрыгнула на месте! Это определенно был бессмертный.

Я быстро набрала СМС и послала его Эдуарду, в котором написала о только что пробежавшем мимо ресторана вампире.

Эдуард потянулся за телефоном и, прочитав сообщение, моментально собрался. Он первым делом небрежно накрыл своей рукой мою ладонь. Я посмотрела в его золотистые глаза и увидела просьбу успокоиться. Джек увидел мои эмоции, как и остальные, но виду не подал. Эдуард спокойно сказал:

– Бэль, хочу тебя сфотографировать с Мо на фоне рояля, если ты не против!

Я нерешительно поднялась. Я ожидала многого, – например, быстрой эвакуации или погони, но не очередного портрета! Довольная Мо улыбнулась моей любимой улыбкой, от которой морщинки вокруг глаз собрались лучиками. Мы встали в вполне обыденную позу, и Эдуард нажал на кнопку. Но фото не получилось сделать. Эдуард что-то нажимал и проверял настройки, но потом констатировал:

– Батарейки сели! Келлан, ты не проводишь меня к своей машине, чтобы я забрал у тебя последнюю пару батареек? – он шутливо глянул на Келлана и тот только горестно вскинул руки вверх и пробасил:

– О, доколе?

Потом поднялся и, дождавшись Эдуарда, вышел с ним на улицу. Я только видела, как их силуэты скрылись за высокими кустами парка. Но это был вариант для человеческого мира. На самом деле они уже следовали за запахом неизвестного, однако, осторожно. Не с целью напасть, а определить, куда он пошел.

Официант как раз подал кофе. Мо, сидя за столиком, разговаривала с Джеком. Он странно пытался ей объяснить свои планы на будущее. Оставшись единственным кавалером за столом, он всячески поддерживал беседу, хотя беспокойную Лили это не утешило. Она так переживала за Келлана, что неосознанно барабанила пальцами по столу, от чего звенели бокалы. Я легонечко толкнула ее под столом и напоролась на полный беспокойства взгляд. Маска снежной королевы на мгновение пропала, и я увидела обычную встревоженную и влюбленную вампиршу. Но потом, она вздернула нос и отвернулась, недовольна тем, что я проникла в ее сокровенное. Я только тихо выдохнула: «Не волнуйся». И знала, что она услышит. Но она не повернулась ко мне, даже не кивнула головой.

Через десять минут Эдуард и Келлан вернулись, разгоряченные от бега, но спокойные.

Я чуть не кинулась на встречу с расспросами. Еле дождалась, когда они сядут и спросила:

– Как прогулялись?

Келлан взял за руку Лили, которая заметно расслабилась. Эдуард ответил за двоих:

– Прекрасно. Думали еще задержаться, но решили, что вы заскучаете без нас.

Я чуть не зарычала. Мне срочно нужна была информация! Эдуард строго посмотрел на меня, я так понимаю, это был призыв не горячиться. Мо заметила мое беспокойство и спросила:

– Бэль, в чем дело? Что-то случилось?

Ну вот, моя супернаблюдательная мама заметила переполох. Мне пришлось расслабленно ей улыбнуться и ответить:

– Я просто волнуюсь, что мы поздно приедем на концерт, и лучшие места нам не достанутся. А мы еще не сфотографировались у рояля. Что я буду делать без этого снимка? – шутливо сказала я.

Мы опять обнялись, и наконец-то нас запечатали. Меня – недовольную, Мо – просто сияющую от счастья.

– Да, уже стоит поторопиться! – удивленно сказала Алиса вслух, глядя на изящный циферблат своих наручных часов. Словно по команде, мы стали торопливо собираться и, рассчитавшись, покинули эту ярмарку запахов.

Влажный морской ветер принес успокоение моему обонянию. Правда, ненадолго. Проезжающие машины наполняли воздух запахами горячего мотора, бензина, машинного масла и резины. Пешеходы, словно открытые флаконы с духами, расточали повсюду запах крови. Мы шли к машине, и я слышала, как интенсивнее заработали носы у моей семьи, которые тоже наслаждались сложнейшим смешением ароматов человеческой крови. Я могла дышать этим запахом вечно, но не стоило играть с огнем.

На счастье, мимо нас по автострате над гаванью проехал рефрижератор с мороженной рыбой. Мощная струя вонии перебила все волнующие мою сущность запахи.

Немного сожалея об утрате, я украдкой втянула запах Мо и перестала дышать. Она пахла замечательно... Но вдруг я поняла, что еще какой-то едва знакомый запах был в воздухе. Идя с мамой к машине, я пыталась его идентифицировать. Что-то знакомое... я напрягла свою совершенную память и в нужном ящичке с запахами идентифицировала его – это был тот самый запах, который я учуяла в лесу, на месте нападения на Ромула! Да, запах бессмертного, с таким характерным горьким запахом! Интересно, а Эдуард об этом знает? Когда я оказалась около машины Алисы, куда садилась мама, то захлопнула дверь и, взяв Алису под руку, отвела от машины, чтобы задать пару вопросов:

– Алиса, я около ресторана уловила запах вампира, напавшего на Ромула. И из окна ресторана видела его.

Я теперь в этом уверена.

Алиса озадачено нахмурилась и только отрицательно покачала головой.

– Бэль, я ничего не стану менять. Эдуард и Келлан тоже ничего не нашли. И улыбайся – на нас смотрит Мо, – процедила она сквозь зубы.

Я очаровательно улыбнулась Алисе и сказала.

– Готова поспорить на что угодно, но он где-то рядом.

Эдуард подошел и, обняв меня за талию, сказал:

– Еще один спор, любимая?

Я обмякла в его объятьях и разочарованно спросила:

– Ничего-ничего не нашли?

Он мельком переглянулся с Джеком, который слушал нас с сидения водителя, и ответил:

– Абсолютно ничего. Думаю, что ты просто переволновалась, Бэль!

Так, мои родственники решили, что у меня не все в порядке с нервами. Я взглянула на Эдуарда, который обеспокоенно смотрел на меня.

– Ну, уж нет! Я вполне серьезно предупреждаю, что мне не показалось! – сказала я с очаровательной улыбкой, хотя внутри все кипело от злости.

– Бэль, ты видела только чью-то куртку и подсознательно связала их с определенными воспоминаниями... – начала, было, Алиса.

– Нет, я видела бессмертного и уверена в том! – сказала я, для конспирации беря из рук Алисы карту Олимпии для туристов. Мне огромных трудов стоило сделать это непринужденно.

– Послушай меня, Бэль! Такие большие сборища, вроде рок-концерта, притягивают вампиров, словно муху мед. Потому что там намного легче остаться неузнанным и безнаказанно выбрать себе жертву! – сказал Эдуард, спрятав глаза.

Мне стало не по себе от того, что я поняла, откуда он это знал. Да, «подростковый период» принес ему этот опыт. Я отбросила эту неприятную мысль и сказала:

– Как бы там ни было, а я остаюсь при своем мнении! – и, взяв Эдуарда под руку, пошла к нашей машине. Алиса только покачала головой и уселась в свою машину.

Подъезжая к парковке перед концерт-холлом, я вдруг услышала гул тысяч голосов, дыханий и биений сердец. Тысячи шаркающих звуков, смех, человеческая речь. Это было ошеломляюще. Кое-как опомнившись от потрясения, я сказала:

– Все, я уже получила незабываемые впечатления от концерта! – делая вид, что пристегиваю ремень безопасности, готовясь уехать домой.

Эдуард засмеялся и сказал:

– Ну, уж нет, Бэль! Гарантирую тебе – это только начало! Чего только стоят ударные! А запах горячей проводки... м-м-м! – шутя, добавил Эдуард.

Он мне сейчас напоминал мальчишку, которого ждет увлекательная игра.

Почти пятнадцать минут мы кружили по стоянке, пока нашли место для парковки. Джип Келлана грозно возвышался над малолитражками, занимая два парковочных места. Заинтригованная Мо рассматривала все с большим интересом – я точно знала, что она на таком мероприятии впервые, поэтому она оживленно крутила головой по сторонам, жадно впитывая новые впечатления – ее любимый наркотик.

Перед самым входом в здание в ряд выстроились шикарные мотоциклы байкеров. Несколько из них стояли рядом и отгоняли любопытных зверскими взглядами. Мое внимание привлек бородатый громила в нацистском шлеме с двумя рогами. Он был бородат, брутален и весел.

На входе мы прошли фейс-контроль и, получив на руку идентификационную ленту, прошли внутрь. Было смешно наблюдать, как Алиса морщилась от досады – ярко-салатовая лента не вязалась к ее изысканному наряду. До начала выступления оставалось пятнадцать минут, и мы поспешили сдать вещи в гардероб.

Осмотрев Эдуарда, я с удовольствием заметила, что выглядит он как всегда просто потрясающе! Его стройную, мускулистую фигуру подчеркивали джинсы и черная футболка, плотно сидящая на мощном торсе. И это было ничто по сравнению с совершенными, точеными чертами лица. А когда я заглянула в глаза, то практически забыла, где нахожусь. И к своему удивлению, готова была признать, что точно так же, с любовью и восхищением, Эдуард смотрел на меня. В этот интимный процесс вмешалась Лили, больно ущипнув меня за бок. Я ойкнула и отскочила от нее, возмущенно потирая болезненное место.

Она внимательно посмотрела на Эдуарда и сказала:

– И тебе могу помочь, если нужно!

Он только негромко зарычал и с небрежной улыбкой поправил на мне свитер, умудрившись томно провести ладонями по плечам и спине. Потом, словно ничего не сделал, с озорным видом, помог снять куртку Мо. Вполне официально и с самым серьезным видом.

В большом холле толпились сотни людей, заходя в зал через широкие двери. Мы оказались в самом центре толпы. Со всех сторон нас окружали любопытные взгляды. Особенно плотоядно рассматривали Келлана и Эдуарда. Последний болезненно поморщился, проходя мимо толпы ярко раскрашенных девиц.

– Ты бы не хотела этого знать, – сказал он, как всегда, отвечая на мой вопросительный взгляд.

Перед нами толпа становилась все плотнее, и мы были вынуждены вклиниться в самую ее середину. Мо, словно случайно, мы оставили в середине процессии, и тут сработал давно знакомый фактор. Инстинкты людей подсказывали им, что мы опасны. Что лучше отойти от нас подальше, не смотря на нашу красоту и грацию. Вокруг нас образовалось свободное пространство, и мы, не особенно смотря по сторонам, прошли внутрь. Это было непривычно, хотя удобно. Но Мо смутилась от такого эффекта и пробормотала:

– Просто мистика какая-то!

Джек полусерьезно сказал:

– Да, и мы вынуждены были с этим смириться! Мы несем бремя красоты и великолепия со смирением и покорностью.

Внезапно мощные аккорды электрогитары оглушили присутствующих, вызвав волну радостного визга. Переполненный зал зашумел, словно море в пятибалльный шторм. Мы шли практически клином, сквозь возбужденную толпу, без труда заняв приглянувшееся место, и Алиса стала фотографировать происходящее.

В зале погас свет, и под нестройные выкрики зал наполнило соло на гитаре. Я чуть не подпрыгнула от неожиданности. Столь глубокий звук вибрировал сквозь тело, вызывая резонанс, и я казалась себе живой электрогитарой. Я оглянулась на Эдуарда, который слушал, закрыв глаза. Вот что он имел в виду! Мо даже присела на месте, а потом захлопала глазами. Она прикрыла руками уши и сделала удивленные глаза. Я улыбнулась.

– Сюрприз! – сказал он и, аккуратно обхватив ладонями лицо, нежно поцеловал меня.

Я не сдержалась и кинулась ему на шею. Он задержал свои губы на моих губах и как раз вовремя повернул меня за плечи к Мо, которая поворачивалась, чтобы задать вопрос.

– Это всегда так громко? – спросила она, еле перекрикивая толпу.

Я активно закивала головой, которая немного кружилась от музыки и поцелуя, и стала смотреть на сцену.

На огромных экранах мелькали фотографии участников группы, а потом появилось живое изображение из зала, несколько зрителей показали крупным планом. Это вызвало волну восторга. Потом, в лучших традициях шоу, из-под купола опустился на сцену солист, страстно терзавший струны гитары. Это было эффектно. Через тело проходила музыка, вызывая неимоверное ощущение полета. Мы, живые камни, вибрировали в унисон с музыкой! Я обернулась к Эдуарду, который, как довольный кот, наблюдал на моем лице полный восторг.

– Это так классно! Джо просто не поверит! – сказала Мо и повернулась к сцене.

Потом солист поприветствовал зал, в ответ на который соседняя группка девчонок радостно завизжала. Над головой одной из них появился плакат с пронзенным сердцем. Однако некоторые из них опасливо косились на Келлана, который, подняв руки вверх, ревел, словно раненый буйвол. Взгляд одной из них уперся в Лили, которая спокойно облокотилась об Келлана, сложив руки на груди. Ее макушка была как раз под его подбородком. Лили почувствовала изучающий взгляд и улыбнулась этой девушке: больше я ее не видела около нас до конца концерта.

Я почувствовала, что мои линзы почти растворились, поэтому повернулась к Эдуарду и, закрывшись от Мо, молниеносным движением поменяла линзы. Да уж, еще немного и я стану мастером конспирации.

Осмотревшись, увидела, что вокруг нас образовался «периметр безопасности», который составлял примерно метр. Невзначай Келлан, Брукс и Эдуард стали за нами, словно охраняя.

Когда восторг толпы дошел до нужного градуса, солист опять ударил по струнам, и мы услышали первые звуки нашей любимой мелодии. К моему удивлению, Лили и Алиса стали радостно танцевать под нее, практически синхронно двигаясь. Лили великолепно танцевала – ее движения были похожи на струящуюся воду – сглаженные и гармоничные. Алиса танцевала не хуже, только больше прыгала. Я бы сама с удовольствием присоединилась к ним, но я, по легенде, ненавидела танцы...

Через полтора часа в концерте объявили перерыв, и вся толпа устремила в фойе, чтобы купить сувениров или как-нибудь утолить жажду.

Мо взяла меня под локоть и шутливо сказала:

– Мне для коллекции нужна футболка! Бежим, пока все не раскупили!

– Ну, уж нет. Я вырву ее зубами! – сказала я и повела ее к выходу.

Алиса вдруг громко ойкнула, и я услышала, как она сказала:

– Только не это!

Волосы Мо уже было дрогнули при повороте головы в сторону Алисы, но я мигом встала между ними и сказала с небывалым энтузиазмом:

– Я куплю футболку и Джо! Мама, какой у него размер?

– Да, но Алиса как-то странно...

– Да ноготь, наверное, сломала! – сказала я и потащила растерявшуюся маму к выходу.

Меня терзало беспокойство, смешанное с любопытством. Что же она увидела? Как же не вовремя мы уходим!

Мы как раз остановились на пару секунд перед турникетом, и Эдуард, словно тень, оказался у меня за спиной, прошептал на ухо:

– Бэль, только не дергайся. Здесь представители Триумвирата.

Эдуард тут же стал за нами, незримо нас охраняя. Только огромное самообладание помогло мне не закричать и не подать виду. Мне захотелось тут же вывезти отсюда Мо и усадить на самолет на более ранний рейс. А потом встретить Триумвират. Как же не хватает оборотней! Ведь неизвестно, сколько свиты будет с Аронимусом, Каюсом и Мишелем! Как бы там ни было, а Мо сейчас без вопросов и подозрений отсюда не увезешь...

У киоска выстроилась очередь, Лили, Мо и я стояли вместе. Остальные – чуть невдалеке, но так, чтобы просматривать весь периметр фойе.

Лили спокойно рассказывала Мо историю создания группы, а я тем временем прислушивалась к окружающим звукам. Мама вдруг забеспокоилась, что-то ища глазами.

– Мама, ты что-то ищешь? – спросила я спокойно, хотя меня одолевали нехорошие предчувствия.

Мо виновато ответила:

– Не нужно было пить столько кофе сегодня. Мне бы не помешало посетить... – ответила она с виноватой улыбкой и скромно замолчала.

Я не хотела уводить ее далеко от защиты семьи, но что поделаешь!

– Хорошо, и я с тобой пройду! – сказала я. Мы пошли сквозь толпу, которая расступалась передо мной, как когда-то море перед Моисеем. Всему виной мои вампирские эмоции, которые нещадно кипели, вызывая страх у людей.

Через пару поворотов мы нашли нужное помещение, и зашли внутрь. Жутко пахло освежителем воздуха. Я для вида зашла в кабинку и, оказавшись в тишине, стала лихорадочно строить предположения.

Думаю, единственным поводом их визита могла быть Мо. Ведь это редчайший случай, когда такой молодой вампир, как я, продолжает общаться с человеческими родителями и имитировать нормальную жизнь. Думаю, что прецедентов было не мало. А судя по рассказам Келлана, еще меньше с хорошим исходом, потому что запах родственной крови вызывал особую заинтересованность у молодых вампиров. И часто такие встречи оканчивались довольно печально... Но вряд ли Триумвират интересовало благополучие моей мамы... Видимо, у них были другие цели, которые нужно было выяснить, а еще лучше постараться не встречаться с ними, а безопасно разойтись. С нами не было Диксона, бывшая дружба с которым еще как-то сдерживала Аронимуса, не было и Элизы. Только одно радовало меня в этой ситуации – как бы не закончился сегодняшний день, Ханне ничего не угрожало.

Я была готова позвонить Бруксу и сообщить о той ситуации, в которой мы оказались, но до боли знакомый звук перечеркнул мои планы. За соседней перегородкой, словно маленькая птичка, билось сердце. И знакомый запах не оставлял сомнений – это была Ханна! Как же среди этого гула тысяч сердцебиений я не распознала самого дорогого мне звука?!

Я тут же подтянулась на руках и заглянула в соседнюю кабинку. Ханна стояла под стеной прямо напротив и виновато смотрела на меня. Я от неожиданности привычно улыбнулась дочке, но потом волна ужаса прокатилась по моему сознанию. Думаю, что это ее испугало,

потому что она подбежала и положила теплые ладошки на мои руки, вопросительно смотря на меня снизу вверх.

Она была не загримирована, ее чудесные кудри закрывали спину, линз не было. А одела она довольно смелый наряд – модную блузку и стильные брюки. На лице красовался грамотный макияж, благодаря которому она выглядела старше лет на пять. Думаю, что у нее и фальшивые документы лежали в кармане! Я моментально определила, что с ней все хорошо, и она не ранена. Остальное было поправимо! Хотя разбор полетов ей предстоял серьезный.

Я показала ей жестом, чтобы она молчала и спрыгнула обратно. В беззвучном режиме написала сообщение Эдуарду: «Ханна здесь, со мной».

Тут же получила лаконичный ответ: «Брукс здесь?»

Я опять повисла на перегородке, показывая ей сообщение отца. Она закивала головой. Так, это вообще никуда не годится! Он же обещал за ней присмотреть! Я еле слышно сказала:

– Сиди тихо, здесь Триумвират! Они где-то в здании. Я сейчас за тобой вернусь и выведу отсюда! Бруксу сейчас лучше к Эдуарду не приближаться!

На личике Ханны отразился ужас. Она прошептала:

«Прости меня»! Потом быстро достала телефон из кармана и начала строчить сообщение Бруксу.

Потом я ответила Эдуарду: «Да».

– Бэль, ты скоро? – спросила Мо, суша руки. Казалось, что приятный вечер был в прошлой жизни – настолько круто изменились обстоятельства. Немного опомнившись, я спокойно ответила.

– Да, мам, подожди меня!

Нельзя было ее отпустить – она единственный козырь в нашем смертельном танце с представителями Триумвирата. Они сами ни за что не нарушат закон маскировки и не совершат такую оплошность – показать наше истинное естество человеку. Иначе сами станут жертвами, хотя и Мо не выживет... Да и отходить ей от нас тоже нельзя – опасно.

Мама включила сушку для рук, и я поняла, что времени очень мало для принятия решения. Мне нужно было срочно придумать, как увести отсюда Ханну, да так, чтобы ни Мо, ни Триумвират ее не увидели. Справа от входа, под самым потолком, располагалось небольшое прямоугольное окно. Ханна без труда сможет выбраться через него на улицу и добраться до нашей машины.

– Бэль, я буду у киоска с сувенирами! – вдруг сказала Мо, закрывая за собой дверь. Это было не очень хорошо, лучше бы ее удерживать около себя, но она уже ушла.

Одним резким движением я перепрыгнула через стенку кабинки и предстала перед Ханной. Дочка выглядела немного растерянной – она чуть ли не впервые разозлила маму-вампира!

– Я не буду сейчас тебя вычитывать, но один вопрос: чья это была идея? – спросила я, сложив руки на груди.

– Мне просто интересно, кого из вас первым ставить в угол?

Ханна вздернула носик и с вызовом спросила:

– А чего ты ожидала? Я выросла на этой музыке!

День и ночь вы ее то слушаете, то поете! Я тоже хотела на концерт, – а никто даже не спросил меня, хочу ли я поехать!

Она точно так же сложила кулачки на груди и склонила голову. В ее глазах заблестели слезы. Мое сердце дрогнуло, и я более мягко сказала:

– Я понимаю, что ты хотела пойти, но ты рисковала попасться на глаза Мо! И если бы ты попросила, то Диксон бы устроил для тебя персональное выступление группы!

– Ой, нет! Я планировала вывести из строя твою машину в аэропорту и вернуться с небольшим опережением домой... – сказала она, опасливо поглядывая на меня. Или она не первый раз такое проворачивает? Скорее всего, да.

На секунду закрыв глаза, я спросила:

– А Брукс где? – Ее друг, который бы в два счета обездвигил наш «Мерседес».

– Думаю, что там, где я его оставила! – сказала она спокойнее. – Мама, я прошу прощения, я не хотела... думала, что все обойдется, и вы ни о чем не узнаете!

– Да уж, план был хорош, – сказала я, открывая ей объятья. Она обняла меня в ответ, и я погладила ее по голове. – Никак не привыкну, что ты уже взрослая, моя милая. Так, а теперь тебе пора уходить. Сядешь в машину и подождешь ровно пятнадцать минут. Если я не появлюсь, тогда езжай к Диксону в Сиэтл. Поняла меня?

Я вывела ее за руку и подвела к окну.

Потом осторожно забралась на умывальники и просто выдавила оконную раму наружу. Сразу подул холодный ветер. Я снова подтянулась на руках и выглянула на улицу. За высокой металлической оградой начинался просторный парк. Идеально. Я втянула холодный воздух и в нос ударил резкий запах бессмертных. А приглядевшись внимательно, увидела между стволами сосен застывшую фигуру с очень бледным лицом. Так, Триумвират выставил охрану по периметру. Так что побег через окно отменяется.

Я прислушалась к происходящему за дверью. Сотни разных шагов... но не все из них сопровождало сердцебиение. Я узнала тяжелый, затхлый запах одежд Триумвиратцев – они не выходили из своих комфортабельных подвалов месяцами, и их затхлый запах было трудно спутать с любым другим. Я многое бы отдала, лишь бы не ощущать его снова! Легкие шаги и мерный топот Джека и Алисы, уверенная поступь Лили и тяжелые, уверенные шаги Келлана. Остановились они недалеко от нас.

Отчаянное положение требовало рискованных действий. План созрел мгновенно.

– У тебя есть темные очки? – спросила я у Ханны.

Она порылась в рюкзаке за спиной и молча вынула очки, которые зарывали практически половину лица. Я их точно видела на Алисе. Ханна их одела и стала практически неузнаваема.

Я вздохнула, заставила свои мышцы расслабиться и сказала:

– Так, тебе плохо. Я позвала тебя и попросила помочь – отвести к машине, где у тебя есть лекарства. Инсулин, хорошо? Я постараюсь тебя вывести или передам Бруксу, а потом ждите нас или уходите как можно дальше.

Ханна утвердительно кивнула. Я обняла ее еще раз и улыбнулась для успокоения себе в зеркало. Вышло устрашающе. Потом попробовала еще раз и на лице застыла каменная маска вежливости и легкой заинтересованности в происходящем. Ради Мо, повторила я себе; ради Ханны, ради моей семьи.

– А где вы прячете мою любимицу – Бэль? Пусть не думает уйти от меня! Я всенепременно хочу ее увидеть – игриво сказал Аронимус Эдуарду.

Я послание получила – «убежать не удастся». Ханна вполне правдоподобно повисла на моем плече. Волосы практически скрыли ее лицо. Я обхватила ее за талию руками и осторожно, ногой толкнула дверь. Словно в замедленной съемке я рассматривала, как невыносимо долго открывается дверь. Первым я увидела Келлана, который стоял с вежливой улыбкой, однако был очень напряжен. Дверь приоткрылась еще больше, и я увидела Джека. Он стоял, стиснув кулаки, и не очень собой владел. За ним стояла Алиса, вроде бы рассматривая с Лили брошюру. А на самом деле Лили держала ее за руку, пока Алиса тайком набирала сообщение для Диксона.

Потом, к своему облегчению, я увидела Эдуарда, который с самым вежливым выражением лица кому-то отвечал. А потом я увидела, с кем он беседовал. Это был Аронимус, который держал руку Мо в своей руке! Он как раз поднимал голову, видимо, поцеловал ее руку. Я чуть не вскрикнула. Только не это! Он слишком близко к ее крови!

Его красные глаза закрыли линзы, как и у Кунца, а вот Мишель просто одел темные очки. И никаких плащей, просто очень дорогие костюмы «от кутюр», в которых они были прохожи на

людей, только что сошедших с обложки журнала «Форбс». Я была шокирована! Что заставило Триумвират вылезти из их фешенебельных подвалов и приехать сюда? Да еще и посчитаться с людьми и принять более современный вид? Это было непостижимо для меня.

Резко прозвенел звонок, и многочисленные посетители концерта заторопились уйти, почему-то выбирая для этого противоположный конец фойе. Я быстро вывела Ханну наружу, стараясь слиться с толпой. Но, к своему ужасу, увидела у выхода из фойе крупную фигуру Сержа, палача Триумвирата, так что выход был перекрыт. Ничего не поделаешь – Ханне придется остаться с нами.

Внимание Мо было полностью сконцентрировано на Аронимусе и его спутниках, да еще Келлан стал так, чтобы прикрыть нас от нее. Я вывела Ханну и, проходя мимо Келлана, оставила ее за его широкой спиной. Лили тут же стала рядом, заложив руку за спину. Я положила ладошку Ханны в ладонь Лили. Я знала, что Лили порвет на куски любого, кто посмеет приблизиться к Ханне. А Келлан с удовольствием поможет. Алиса стояла возле Брукса плечом к плечу.

Я оглянулась назад и увидела, что дочка хорошо спрятана и, улыбнувшись, под недоброжелательными взглядами Кунца и Мишеля стала возле Эдуарда.

– А вы знаете, что Эдуард является лучшим студентом нашего Университета? – практически с восхищением спросил Аронимус у немного растерянной Мо. Как же! Встретиться с людьми, которые имеют влияние в Принстоне. И где? В Олимпии? В ответ она только кивнула.

– Бэль очень повезло с мужем! Его ждет блестящее будущее! – пел соловьем Аронимус, наконец-то отпустив руку Мо.

Потом многозначительно посмотрел на Эдварда и мечтательно сказал:

– Талантливая семья. Исключительные способности к... обучению.

Эдуард ухмыльнулся, потому что все заметили разочарование в глазах Аронимуса. Мишель зло улыбнулся в ответ, хотя его улыбка была больше похожа на оскал. Эдуард сдержанно ответил:

– Мистер Аронимус слишком преувеличивает мои таланты, Мо!

Эдуард старался удержать беседу в дружеском ключе, сохраняя видимость случайной встречи хороших знакомых.

Аронимус на секунду замер от намека Эдуарда, но продолжил двусмысленный диалог:

– Но Эдуард, это ведь не вся правда! Я могу продолжить разоблачение! – сказал тот, хитро взглянув на Эдуарда. – Мы полагаем на него большие надежды!

Как же! Аронимус мечтает заполучить Эдуарда в свое окружение, то есть в вечное рабство.

Эдуард мягко улыбнулся и спокойно ответил:

– Я думаю, что дела моей семьи не позволят мне в будущем тесно сотрудничать с Университетом или с Советом Учредителей. Я планирую помогать отцу в клинике.

– Ах, какая жалость! – всплеснув руками, сказал Аронимус, поворачиваясь за поддержкой к равнодушному Мишелю.

– Жаль, что он не с вами. Я бы с радостью пообщался с доктором Ричардсоном, – сказал со вздохом Аронимус.

Внезапно в фойе буквально ворвался Брукс. Он был возбужден до предела, руки немного тряслись, но как только он отыскал глазами, а скорее всего, просто услышал единственно ценное для него сердцеебиение за спиной Келлана, заметно успокоился. Он взял себя в руки, с нахальной улыбочкой прошелся мимо Триумвирата и подошел ко мне.

– Бэль, здорово! Вы тоже на концерт приехали? Похоже, половина Бейнбриджа здесь, – сказал он, намекая, что мы на виду.

Ха! Ситуация уже не выглядела такой безнадежной! Я слышала, как хмыкнула Алиса.

Мо удивленно смотрела на Брукса, который вел себя так, как давний друг нашей семьи. Он, словно гора, возвышался надо мной и вполне по-свойски себя чувствовал. Нужно было как-то объяснить такую степень дружбы между нами. Я непринужденно сказала:

– Мама, это наш друг Брукс Вайт, я рассказывала тебе о нем.

Мо немного неуверенно кивнула головой, силясь вспомнить то, чего не было.

Брукс по-простецки протянул руку, и мама автоматически пожала ее. Думаю, что у нее уже все смешалось в голове – слишком насыщенный день и много новых встреч. Она просто стояла и уже не удивилась бы встрече даже с самим президентом Америки.

Брукс как бы невзначай стал ближе к Келлану, и я услышала, как Ханна уткнулась лбом ему в спину. Бедняжка, ей было тяжелее всех – она переживала за каждого, и, к тому же, Триумвират был для нее самым ярким кошмаром ее недолгого детства. Она унаследовала мою человеческую эмоциональность, которую не всегда удавалось держать под контролем. Я даже знала, что она сейчас чувствует – она разрывается от неопределенности, панически боясь потерять хоть кого из своих родных. Брукс стоял рядом с ней, значит, не все так паршиво.

Эдуард что-то прочитал на лицах древних вампиров, потому что сильнее сжал мою кисть. Я взглянула на Аронимуса, интересно, что же задумал этот старый интриган? Но на его лице, как, впрочем, и на лицах остальных вампиров я прочитала нарастающий ужас. Это меня ошеломило. Испугать этих инквизиторов было невозможно! Это страх перед ними был главным сдерживающим фактором для всех здравомыслящих бессмертных!

Что же произошло? Я оглянулась назад и заметила такую же панику на побледневших лицах Ричардсонов. Я хотела поднять руку Эдуарда, но он застыл, словно в ступоре. Я слегка толкнула его плечом, но он никак не отреагировал. Все равно, что толкнуть каменную статую...

Мо застыла на месте с отрешенным выражением лица, – словно спала на ходу. Она, не моргая, смотрела на Аронимуса, который, тоже не моргая, смотрел на нее.

Не понимаю, что происходит! Триумвират, Ричардсоны и Брукс застыли, словно каменные изваяния. Я бросилась к Ханне, не беря в расчет конспирацию. Моя девочка стояла, обнимая руками талию Брукса, который склонился над ней, словно стараясь защитить от ветра. Ее немигающий взгляд перепугал меня. Она доверчиво смотрела в глаза Брукса, который замер, искоса смотря на Триумвират. Это было так трогательно и страшно. Словно я сплю и вижу кошмарный сон.

Я беспомощно стала оглядываться по сторонам. Людей не было, видимо, атмосфера ужаса отпугивала даже случайно забредших сюда посетителей концерта. Продавец сувениров испуганно сжался в уголке киоска, закрыв голову руками. Только стены фойе сотрясались от мощных толчков рок-музыки.

Я понимала, что опасность и парализующий эффект исходит извне. И мои врожденные вампирские инстинкты подсказали мне, что стоит бежать, но я не могла оставить Эдуарда, Ханну, маму, свою семью. Я понимала, что если я решусь уйти, успею унести с собой только кого-то одного – мужа или дочь. Но я так же знала, что не в силах сделать этот выбор, не коря себя потом все оставшееся существование за то, что не спасла остальных. Я просто не могла сделать этот выбор. Его не было. Ушла сотая доля секунды, чтобы принять решение – я остаюсь и вступлю в бой с любым, кто попытается напасть на Ричардсонов!

В голове сама собой созрела стратегия: я замираю, делая вид, что тоже парализована, жду появления незнакомого вампира, потом действую по обстоятельствам. Но главное, – я сделаю все, чтобы не позволить ему или ей навредить моей семье!

Я быстро передвинула Мо за Келлана, а сама подошла к Эдуарду и поцеловала его в застывшие губы. Открыв глаза, я увидела только безучастный взгляд, устремленный в сторону Аронимуса. Будто от Эдуарда, всего, что было смыслом моего существования, осталась одна пустая оболочка. Это было настолько ужасно, что я с трудом заставила себя оторваться от него. Едва теплящаяся надежда не давала чувству потери раздавить мое самообладание. Застегнула

куртку, надела капюшон на голову. Если есть хоть какая-то надежда спасти семью – я ею воспользуюсь! Не глядя на Эдуарда, я подошла к Бруксу и Ханне. И тут я поняла, что сама приняла решение – я спасу ее. Вот ради кого я готова убивать, царапаться и вгрызаться зубами. Как можно аккуратнее я подошла к ней и закрыла своим телом дочку. Даже ручку прикрыла своей ладонью, набрала полные легкие воздуха и выдохнула ей на волосы. Пусть ненадолго, но это замаскирует ее запах. Потом замерла.

В конце коридора слышались уверенные шаги. В спешке решила посмотреть на Аронимуса – так правдоподобнее. В фойе зашел бессмертный. Я не могла его рассмотреть, но слышала его шаги и чувствовала печально знакомый запах – горьковатый, словно полынь с нотками луговых трав. Обычно вампиры пахли замечательно – смесью ароматов цветов или горячего камня... А его запах был концентрированным и не таким, как у всех. Вот он зашел за мою спину, и я не могла его рассмотреть. Он подошел Келлану и глубоким бархатным голосом сказал:

– Да уж, действительно гора мышц. Судя по лицу, не страдает интеллектом. Полезное мясо.

Меня чуть не передернуло от его слов. Мои наихудшие предположения сбывались – он пришел совсем не с мирными намерениями.

Потом он остановился перед Джеком и утвердительно сказал:

– О, наш стратег. Реликт многих неизвестных человечеству войн бессмертных.

Вампир обошел Джека, окинув оценивающим взглядом, и переместился к Лили. Он цокнул языком и сказал:

– Вот это красавица! Да уж, мой яд не часто производит такую красоту. Исключительная!

Затем подошел к Аронимусу и щелкнул его по носу! Наконец-то я могла его рассмотреть.

Высокий, широкий в плечах, неимоверно красивый и властный. В его движениях можно было угадать независимую натуру, а чего только стоила манера держаться! И в нем было что-то такое, чего я не встречала в современных людях. Он был словно из другой эпохи – непривычный и другой. И если бы он сейчас не угрожал моей семье – я бы с радостью с ним пообщалась.

Внешне он выглядел как байкер – армейские ботинки, черная кожаная куртка, кожаные брюки и зеленая рваная футболка. Золотистые волосы были заплетены в длинную косу. Глаза я не рассмотрела. Я не могла следить за ним взглядом, чтобы не выдать себя, хотя была уверена, что они кроваво-красного цвета.

– Аронимус, мой старый друг... Я же сказал напасть, а не устраивать светский раут! – он недовольно покачал головой, глядя тому прямо в глаза. – Ради своего эго готов загубить все дело! – он дотронулся до висков Аронимуса и, наклонив свою голову, стал что-то бормотать на неизвестном мне итальянском диалекте.

Страшная правда докатилась до моего сознания – неизвестный... управлял Триумvirатом? Да еще и без их ведома... или они знали о том, что им помогают принимать решения? Весь мир бессмертных держался на их влиянии и беспощадности. Неужели они только марионетки?

Вдруг неизвестный резко опустил руки и, потеряв всякий интерес к Аронимусу, опять направился в нашу сторону. Он подошел к миниатюрной Алисе и, наклонившись к ней, тщательно обнюхал лицо. У меня все оборвалось внутри – я боялась не сдержаться, если он приронется к ней – она такая беззащитная!

– Маленькая цыганка! – он восхищенно рассматривал ее, – вот мы и встретились!

Я с ужасом ждала продолжения, но его не последовало. Неизвестный резко переместился к Эдуарду. У меня в горле застрял крик, но я сдержалась. Он недолго рассматривал моего мужа. Уперев руки в боки, он изрек:

– Второй компонент набора. Наш Ромео! Чуть не свел счеты с жизнью ради какой-то девчонки! Кстати, где же она? – сказал он сам себе и стал искать глазами меня.

Подойдя ближе, он произнес:

– Да, теперь понимаю Эдуарда.

Я замерла, даже старалась не думать, что же он там понял. Неизвестный оказался передо мной. Его ноздри резко затрепетали, и он поднял верхнюю губу, обнажая зубы. Жуткое рычание отразилось эхом под сводами помещения. Неизвестный, казалось, решал – нападать ему или нет. Но через секунду совладал с собой, словно очнулся, и рассматривал нас.

– Да уж, пес и вампир. Какая ирония! – он подошел ближе, и казалось, что от него просто несло холодом. Словно глыба льда. Мышцы на его спине сами подергивались от возбуждения. Он был словно кобра, готовая в любую секунду к резкому выпад.

– Кто тут у нас? Знаменитая полувампирка? Он, видимо, захотел ближе рассмотреть Ханну, потому что потянул меня за руку, чтобы я ее отпустила. Он вцепился в запястье мертвой хваткой и потянул на себя. Я не позволила ему этого сделать. Вместо этого подняла на него глаза и, к своему удивлению, поняла, что смотрю в ошеломленные глаза цвета калифорнийского песка.

Воспользовавшись его замешательством, я прыгнула на него, сбивая массой своего тела с ног. Я схватила его за руки, пытаясь не дать ему ими воспользоваться. Удар был мощный, по инерции он проехался на спине почти через половину фойе и врезался головой в стену. Я спрыгнула с него, сняла мешающее пальто и быстро вернулась к Эдуарду, заняв перед ним оборонительную позицию, и угрожающе зарычала.

Неизвестный вскочил на ноги и низко присел, готовясь, напасть. Я слышала, как срывается каменная кожа – прямо на глазах исчезала сеть мелких трещин на правом виске. Сказать, что он был взбешен – не сказать ничего! Я имела везение очень разозлить могущественного бессмертного, который контролировал Триумвират, а еще, возможно, прошел тысячи тысяч битв и мои шансы на победу равнялись нулю. Но все равно отступить я не собиралась!

Он мельком глянул на Эдуарда, словно выбирая, на кого напасть.

– Не смей! – тут же рявкнула я.

Неимоверно быстрым движением он пробежал расстояние между нами и схватил меня за талию. Я попыталась вырваться, но он второй рукой вцепился в мои волосы на затылке. К счастью, только парик остался у него в руке. Я же лишь встряхнула головой, отчего густые волосы рассыпались, вокруг меня, словно грива. Одним точным движением я двинула ему лбом в скулу и с чувством лягнула по ноге. В ответ он хладнокровно швырнул меня через весь зал к противоположной стене. Я врезалась в нее с сильным треском. Тут же он оказался рядом и схватил меня в охапку, прижимая к себе.

Я слышала, как трещат мои ребра. Боль была невыносимой! На секунду я потеряла контроль над собой и слабо вскрикнула. Я понимала, что это конец. У меня был шанс, и я так бездарно его потеряла!

– С кем ты борешься? Со мной? – прошипел он мне на ухо и потащил меня через весь зал к Ханне. Я упиралась как могла, в ответ получая еще больше боли. Этот гад был сильнее, чем кто-либо из тех, с кем я встречалась!

Он поставил меня перед Бруксом и Ханной, держа за плечо мертвой хваткой. Мой взгляд, полный отчаяния был прикован к дочери. А неизвестный изучал меня. Он немного помедлил, видимо, изучая степень и глубину моего отчаяния, и сказал:

– Я предлагаю тебе сделку.

Это повергло меня в шок. Она вел себя непредсказуемо. Я не ожидала такого! Может, мне удастся его убедить не вредить нам? Я подавленно спросила:

– Что за сделка?

Он спокойно ответил:

– Все очень просто. Я разрешаю тебе забрать одного. Забирай и уходи! Мне понравилась твоя безбашенная смелость.

Он произнес это таким тоном, словно хотел сделать комплимент.

Я чувствовала, что это неспроста, но слишком уж заманчиво было предложение.

– В чем подвох? – спросила я его. – Зачем это тебе?

Он ухмыльнулся, от чего мне стало беспокойно, и ответил:

– Видишь ли, Бэль... Я уважаю в вампирах смелость суждений и красоту поступков. Вот такая у меня слабость... – сказал он, и на минуту его лицо стало таким открытым и располагающим, но в тот же миг его сковала гримаса злобы, – и ненавижу предательство! Это единственное, что жизнь научила меня не прощать. Оно слишком дорого обходится!

– Но почему я? – спросила я снова. – Мой муж или дочь, Диксон, Элиза или Брукс – они намного лучше, чем я! – сказала я горячо, и искорка надежды затеплилась в моем разуме. Может мне удастся убедить его, что они обладают необыкновенными талантами и достойны жить не меньше, чем я?

– Хорошая попытка. Но в подобной ситуации лучше задать не такой вопрос. У тебя все меньше времени для выбора. Если ты вдруг решишь выбрать свою человеческую мать, то учти, что кислорода у нее в легких осталось не надолго.

Я повесила голову и подавленно спросила:

– Что будет с остальными?

Неизвестный отпустил меня и сказал:

– Я их убью, – сказал он таким обыденным тоном, словно говорил о погоде. – Они нарушили главное правило для вампиров – его сообщают новорожденным, как только те переживут муки превращения. Помнишь его? – спросил он и склонил голову набок.

– Оборотни. Это наши враги и союз с ними карается смертью.

– Правильно! – сказал он и вздохнул. – Так что ты понимаешь, что вины тут моей нет, я просто поддерживаю порядок. Ты понятия не имеешь, к чему может привести такая дружба...

– Они же просто дети! Влюбленные вдруг в друга! – крикнула я ему в лицо, показывая рукой на Ханну и Брукса. – Посмотри на них! Какая угроза может от них исходить?

– Это не обсуждается, – рявкнул он в ответ и зарычал, подняв верхнюю губу.

– Тебя не переубедить, не так ли? – спросила я грустно, глядя ему в глаза.

Он сцепил руки на груди, самодовольно наблюдая мое поражение. Он напомнил:

– Ты все еще не спросила меня, что я потребую взамен.

Ага! Ему что-то от меня нужно.

– И каково же твое условие... не знаю твоего имени, прости.

Он подошел к Эдуарду, рассматривая его, словно скульптуру в музее, и просто ответил:

– Мое имя тебе ничего не скажет. Условие – ты должна снять свою защиту, из-за которой на тебя не действует мое забвение, а это мой коронный номер, кстати, моя гордость уязвлена. А потом можешь уйти.

– Снять что?

– Оу, а ты не знала? У тебя врожденная защита от ментальных воздействий. Я уже все перепробовал – ничего тебя не берет!

– Но я не понимаю, как это сделать! – практически крикнула я ему в лицо. – А мама задохнется, пока я буду пытаться это сделать!

– Я тебе подскажу как. Представь, что ты находишься в коконе... таком золотистом коконе. Представила?

– Да.

– Теперь сделай его в два раза шире.

Представить это удалось на удивление легко. Незнакомец вдруг подошел очень близко, и я почувствовала, как он пересек границу «кокона», зайдя в его внутреннее пространство. Я открыла глаза и посмотрела на Ханну, которая была бледнее снега и синюшного Брукса. Беспокойство и любовь к ним затопило мое сознание, и я почему-то вспомнила дочку совсем малышкой. Как она сидела на руках у Диксона, а Элиза, вне себя от счастья, тихо хлопала в

ладошки, напевая детскую песенку. А потом, как Эдвард учил ее охотиться на зверей, а Брукс есть тушеное мясо; как Алиса подбирала мне кеды и джинсы, а Ханна принесла на плече окровавленного Брукса; как мы узнали про их роман, а потом встретились с не менее взбешенными родителями оборотня. Про наше мирное сосуществование; про наш домик в лесу, тихие, уютные вечера у камина и глаза Эдварда. Все это промелькнуло в моем сознании за пару секунд, и страшное открытие сбilo с ног. Упав на колени, я закрыла глаза руками и поняла, что не смогу жить без них всех. Я просто не смогу и все.

Я не могла сделать выбор, просто для меня его не существовало. Жизнь без кого-либо из Ричардсонов не имела смысла. Поэтому решила по-другому – я выбрала Ханну вместо себя и свое право уйти отдала Бруксу. Я желала этим двоим долгих лет счастливого существования. Это было единственное решение. Боль внезапно утихла, и я твердо посмотрела в чужие желтые глаза. Кокон давно растаял, и незнакомец стоял, ошеломленный передо мной.

– Я приняла решение. Я не хочу жить без них, – сказала я и показала рукой на Ричардсонов, – поэтому отдаю свое право уйти Ханне, а вторым спасенным выбираю Брукса. Они не виноваты, что нам не хватило духу их разлучить. Так что вина на нас, а не на этих детях.

Это, по-твоему, справедливо?

Но незнакомец не ответил, он внимательно смотрел на Аронимуса и Кунца. Таким недобрым взглядом, что у меня появилась мысль о том, что Триумвират тоже уйдет с этой планеты вместе с нами.

Я заметила, как Брукс дернулся ко мне, но его снова сковало. Зато Ханна подбежала ко мне и бросилась на шею. Я закрыла глаза, вдыхая такой драгоценный для меня аромат. Я держала в руках свое самое большое сокровище. Брукс поможет ей выжить!

– Мама, мне так страшно! – сказала она и спрятала лицо у меня на плече. Я обняла ее и стала слегка покачивать, говоря:

– Ш-ш-ш, милая! Все хорошо, ты в безопасности!

– А ты? – вдруг спросила она...

Я провела рукой по теплой спине дочки и коротко кивнула, глядя на Эдуарда, застывшего Келлана и Алису. Как же тяжело было обречь каждого из них на смерть своим выбором...

– Ты уверена? – спросил неизвестный, вопросительно на меня смотря.

Внезапно Ханна развернулась и стала шипя наступать на незнакомца, все случилось так быстро, что я не успела ее остановить. Я была так подавлена морально, что еле двигалась. Она сжала свои кулачки и зло закричала:

– Кто тебе дал право распоряжаться нашими жизнями? По какому праву ты решаешь, кому жить, а кому умирать?

Незнакомец, казалось, впервые по-настоящему посмотрел на Ханну. В его глазах я увидела изумление и откровенный испуг. Я тут же обхватила дочку руками, пытаясь оттащить от него, боясь, что он передумает...

– Доченька, уходи, уходи! – я тянула ее все сильнее.

У незнакомца внезапно хищно дернулись ноздри, и он стал активно изучать аромат Ханны. Это испугало меня еще больше! Неизвестно, что было у него на уме! Одним быстрым движением я сдвинула ее с места, но незнакомец успел схватить ее за запястье и стал жадно вдыхать ее аромат. Я заметила, что он с гримасой боли закрыл глаза и, подняв голову, издал стон, полный боли.

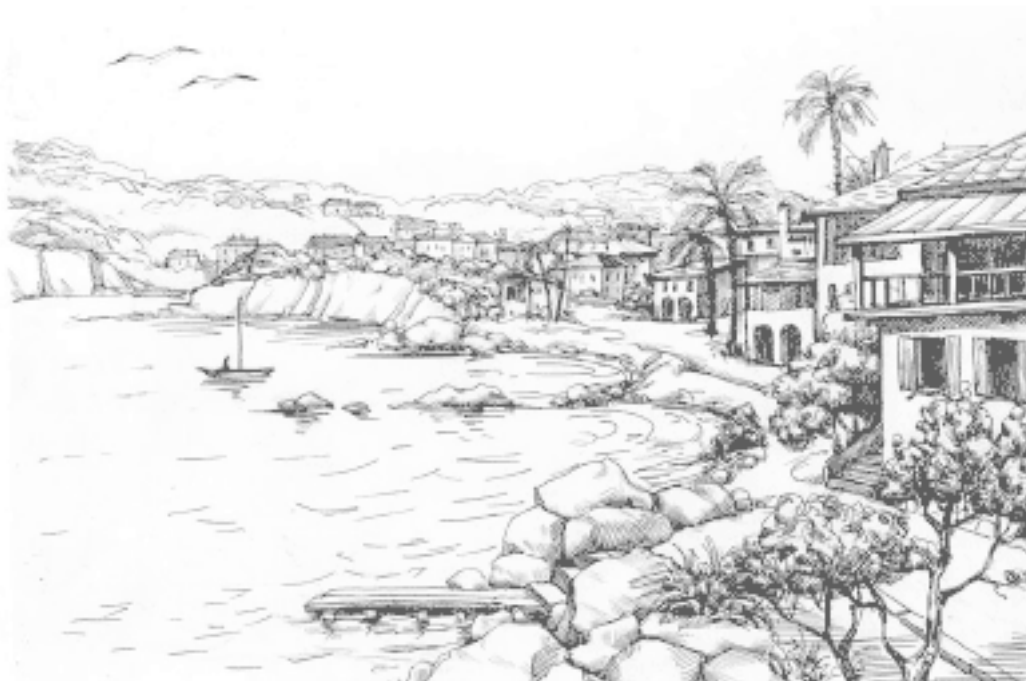
Я замерла, уже и, не зная, что же будет дальше. Может, подействовал талант Ханны всех к себе располагать? Дочка несмело посмотрела на него и спросила, заглядывая в его широко открытые глаза:

– Почему ты такой? Ты такой же, как мы, но отличаешься от нас...

Незнакомец вдруг отбросил ее руку, пятясь назад, словно увидел привидение. Он исчез из зала так же быстро, как и появился, а мы с Ханной смотрели ему вслед, до конца не понимая, что же сейчас произошло.

Книга II

Хранитель двух миров

Испания, Королевство Арагон, г. Калелья, 1345 г.

Прохладный морской ветерок трепал разноцветные вымпела на городской башне и, пробегая по фруктовым садам, наполнял собой узкие улочки маленького приморского городка, раскинувшегося на выбеленных солнцем скалах. Деревянные и каменные дома, в окружении сочно-зеленых лужаек и высоких пальм, лениво спускались вниз, по скалистым холмам, к самому морю, где невысокие оливковые деревья и олеандры тянули свои ветви к бескрайнему синему небу, которое отражалось мерцающими бликами в изумрудных водах теплого моря. Белоснежные чайки кружились над одинокой лодкой рыбака, наполняя воздух протяжными криками.

Каменные двухэтажные дома, построенные совсем недавно, были украшены сосновыми венками и гирляндами из полевых цветов. Знатные горожане, одетые в свои лучшие наряды, в сопровождении свит, неторопливо прогуливались по небольшой городской площади, обмениваясь вежливыми поклонами, или проводили свое время в неспешной беседе. Рыбаки и крестьяне заполнили кабаки и таверны, прилегающие к центральной площади. Им не часто выпадает возможность провести день не в таверне, повидать своих друзей и родственников, празднично болтая за бокалом свежего пива в ожидании начала вечерних танцев.

Около единственного фонтана, установленного в прошлом году к празднику Всех Святых, юный менестрель еще неокрепшим голосом пел популярную балладу о любви, сопровождая себя на лютне, пытаясь настроить прохожих на романтический лад.

Я медленно провел ладонью по стене одного из домов, уже успевшей испытать на себе всевозможные морские ветры и закаленной горячим южным солнцем. Закрыв глаза, вдохнул ее запах – терпкий соленый аромат, который знакомо пах вечностью.

Яркое солнце клонилось к закату, подходил к концу еще один день.

А в Калелье – так назывался этот городок – все только начиналось. Испанский виконт Бернат II Кабрерский лишь семь лет назад получил высочайшее королевское разрешение строить дома и развивать торговлю в этом бывшем рыбацком поселке. И не удивительно – через маленькую бухту Калельи, которая удачно прятала от зимних штормов южный городок, проходил «золотой» торговый путь из Африки в Европу. Как только появился обустроенный порт, большие торговые суда стали заходить сюда с завидным постоянством, взвинтив цены на воду и продовольствие. Работа нашлась всем – торговцам, строителям, плотникам, кузнецам, мясникам, пивоварам, трактирщикам, меновщикам, портным и просто портовым рабочим. Но это была только часть новоприбывших, потому что в Калелью ринулся всяческий сброд со всех сторон разноликой Европы: жулики, цыгане, монахи, купцы всех мастей, обнищавшие аристократы, желающие поправить свои финансовые дела, странствующие алхимики, в поисках философского камня, способного превратить любое вещество в золото. По моим наблюдениям, некоторым удавалось найти такой «камень». Обычно это был твердый лоб богатого, но недалекого любителя мистики, который щедро давал алхимику золото на его сомнительные эксперименты. В общем, сюда ринулись все, кто был пленен идеей быстрого, но не всегда честного обогащения. Городок развивался так стремительно, что его границы расплзлись во все стороны света, а дома в центре города стали расти вверх, иногда гротескно соединяясь арками и балконами в самых неожиданных местах.

И я выбрал этот город не случайно. Всегда интересно быть у самых истоков, будь то империя, царство или будущий торговый центр страны. В этом городке заложен большой потенциал, это подсказывал мне большой опыт в таких вопросах.

Я не спеша шел среди прогуливающихся горожан, крикливых торговков овощами, лавок с тканями, поделками, и наслаждался каждой секундой, проведенной здесь, в этом жизнерадостном предрождественском водовороте. Хотя совершенно невообразимое смешение запахов вынудило меня не дышать уже примерно четверть часа – потные мужские подмышки, конский навоз, огненно-красные яблоки, дубленая кожа, восточные специи, сидр и пережаренное мясо – все эти запахи были насыщенными даже для простых людей, что уж тогда говорить обо мне?

Я еще раз осмотрелся вокруг. Думаю, что будет трудно найти городок с более предсказуемой, размеренной жизнью. Здесь все движется по годовому кругу, без изменений. Можно заранее сказать, что произойдет завтра или через неделю, когда соберут все овощи и будет самая низкая цена на цыплят или праздник урожая в местной церкви. Тут даже парни начинают ухаживать за девушками по расписанию – только после обмолота пшеницы – раньше нет ни времени, ни сил. А после сбора оливок начнется период свадеб. Это просто роскошно – никаких войн, только спокойное, расписанное на годы вперед существование. Знают ли местные, как они счастливы?

Я вздохнул и осмотрелся по сторонам. Но если быть честным с самим собой, а я стараюсь таковым быть, то я не дышал совсем по другой причине. Это было нужно, чтобы спокойно пройти мимо сотни пульсирующих глоток. Мир, царивший в моем сердце, дался очень нелегко и я не стану его разрушать из-за неосторожности. Слишком уж я наслаждаюсь тем, что моя жизнь до безобразия размеренна и спокойна.

Возвращаться домой еще было рано, тем более, что у меня были дела в городе, и я решил сначала отдохнуть в местном кабаке за кружкой пива, который располагался в тихом переулке, возле главной площади. Он стал моим любимым не по причине хорошего пива или красивой трактирщицы. Это было отличное место – площадь хорошо просматривалась, хотя я сам оставался незамеченным. Можно было легко наблюдать за людьми, слушать их мысленные монологи и вбирать нужную мне информацию.

Когда я зашел вовнутрь, то почувствовал, как сжался от страха хозяин трактира Агапито, который меня откровенно побаивался. Обладая врожденной интуицией и чувствуя опасность,

исходившую от меня, он мечтал, чтобы я забыл про его трактир и ушел, наконец-то, в соседнее заведение, где регулярно пугал до чертиков его конкурента, ненавистного Габино.

Но так как я всегда хорошо приплачивал за его пиво, то он терпел меня. Недружелюбно сверкая черными, как уголь, глазами из-под густых бровей, он продал мне кружку янтарной жидкости, которая немилосердно терзала мое обоняние. Я взял дубовый стул с высокой спинкой и, пройдя через душное, темное помещение, вынес его на улицу, вдохнув свежий воздух, словно целительное вещество. Потом с наслаждением уселся около входа, в глубокой тени, расслабился и сделал вид, что отхлебнул глоток пива, поставив кружку на колено, обтянутое кожаными брюками. Мимо прошла степенная пожилая женщина с внучкой, подозрительно косясь на мой непривычный даже для этого города наряд, хотя местные привыкли к разным чудачествам.

Но я ее не винил, потому что в любой стране издавна наряд обозначал принадлежность к определенному сословию, а глядя на меня, трудно было понять, кто, же я: военный, дворянин или богатый иностранец? Да, мой персональный стиль одежды нес в себе отпечатки многих культур, что неизменно сбивало людей с толку, бессовестно нарушая «Закон о роскоши», недавно изданный королем Испании. Знающий человек мог бы определить, где меня носило в последние годы. После Японии я одевал только белые шелковые рубашки, которые, наконец-то, появились и здесь. Удобные высокие сапоги из воловьей кожи были застегнуты на многочисленные кожаные ремешки, а толстая подошва помогала не заботиться об обуви достаточно долго. Я сам их сшил, потому что к настоящему времени эта технология была забыта или еще не изобретена снова. Голубой жилет из иранского шелка прикрывал широкий кожаный пояс, в котором под серебряными пряжками хранилось много полезного добра: деньги, документы, оружие и даже, частично, моя переписка. И все это безобразие (по мнению пожилой, женщины) было прикрыто коричневым крестьянским плащом из шерсти костуордской овцы. Так что это выходило за общепринятый канон моды и вызывало легкое недоумение. А янтарный цвет глаз вообще сбивал с толку.

Я собрал свою длинную косу в узел на затылке и снова натянул капюшон как можно ниже на глаза, чтобы скрыть их неестественный желтый цвет от прохожих. Достаточно им мертвенной бледности и военной выправки. И так хватало с этим проблем.

Опустив голову, я закрыл глаза и примерно четверть часа вслушивался в мысли окружающих. Это было привычным, но не самым приятным занятием для меня. Хоть под моими ногтями иногда была земля, а мысли занимали заботы об усадьбе, но своей сути изменить я не мог.

Прирожденный воин и стратег. Хоть здесь мне не приходилось использовать свои умения, но суть оставалась прежней. Еще пару лет назад я мог бы по-своему распорядиться жизнями граждан Калельи. Я бы провел пару лет, отбирая, исподволь формируя обстоятельства и направляя развитие нужных мне детей. Под моим руководством собралась бы компания подростков, готовых стать частью бессмертной армии. Будущие разведчики, пехота или обладатели ментальных способностей. Затем я обратил бы их в вампиров, а остальные жители стали бы... отличным началом их деятельности и источником крови. Я столько раз проделывал подобное в разные времена и в разных культурах, что этот способ создания армии называли моим именем.

Прямо сейчас в этом городе подрастал отличный лазутчик, два командира и один берсеркер. Хотя я наблюдал еще за двумя подростками. Дочь скорняка, Амаранта, могла бы стать вербовщицей. Она чувствовала, на что способен тот или иной человек. Превратив ее в вампира, можно получить редкий ментальный дар – определение способностей для более ювелирного формирования бессмертной армии. А Доминго, сын аптекаря, мог бы стать хорошим проводником. Уверен, что с его помощью новая армия могла бы выбирать наиболее безопасные пути продвижения.

И так бы и случилось, но на их счастье я «сломался», если что-то вообще может сломаться в таком существе, как я.

Сделав вид, что отпиваю пиво, я снова поставил кружку на колено и посмотрел на семью, которую местные жители должны ежедневно благодарить за то, что до сих пор живы.

Невдалеке от меня мальчишка лет пяти сидел на корточках под телегой, закрыв рот руками, чтобы не рассмеяться. Его глаза светились от удовольствия, потому что он любил играть со своим отцом в прятки. Молодой мужчина усиленно делал вид, что не замечает мальчика. Он взял на руки годовалую дочь и показывал ей голубей, пытаясь незаметно подобраться к сыну. Маленький Поль любил отца, а сестричку и маму еще больше. Она как раз выбирала себе новые кружева, радуясь небольшой передышке и возможности подумать о чем-то другом, кроме как о муже и детях. Я снова закрыл глаза и вспомнил, как впервые увидел их.

Как только я прибыл сюда, примерно год назад, то сразу отправился на охоту в бедные кварталы города. Я запрыгнул на крышу рыбацкого дома с синей полоской на стенах, заглянул во двор, где слышал биение двух сердец и... еще три вечера подряд приходил сюда ради крови, не понимая до конца, что же заставляет меня наблюдать за ними, не нападая? Может, счастливое лицо этой молодой женщины или ее непоседливый малыш, которого она ласково ругала, вытаскивая то из бочки с водой, то из кормушки для лошади? Она много смеялась и пела сыну простые песенки, а вечером приходил ее муж и они вместе садились ужинать. Их глаза искрились счастьем, и они были всем друг для друга. Простой уют их дома манил меня и в то же время напоминал о моей проклятой сущности. Никогда мне не сидеть вот так за столом, не смотреть в счастливые детские глаза, видя свое отражение. Не обнимать женщину, которая была бы смыслом всего моего существования.

Я понял, что отчаянно завидую этому грубому, неотесанному рыбаку, даже был готов отдать все, что у меня есть, за то, чтобы оказаться на его месте. Я впервые не смог отнять жизнь у человека, видя, *что* я убиваю.

Наверное, в этот момент я и сломался – понял, что, лишая жизни человека ради крови, я убиваю нечто прекрасное – любовь, которая в нем живет и его окружает. Когда это открытие улеглось в моей голове, я ушел, так и не напав.

Сказать, что в тот вечер мой мир перевернулся с ног на голову – ничего не сказать... Пару недель меня мучила сильнейшая жажда, и я опустился ниже некуда – ушел в лес и загрыз нескольких животных. Их кровь была безвкусной, но принесла облегчение. Это была приемлемая плата за то, что та семья осталась в живых. К моему удивлению, физической силы не стало меньше, а даже наоборот – я внезапно почувствовал себя сильным, как никогда ранее. Думаю, это произошло из-за того, что меня перестали донимать постоянные укоры совести.

Затем я старался проводить все свое время в поместье, ведя самую обычную жизнь, только по необходимости пересекаясь с людьми. Я не строил планов на завтрашний день и просто наслаждался жизнью без убийств. Глаза перестали быть красными и стали странного желтого цвета, но реакция и сила не стали меньше.

Я достаточно подкосил популяцию горных козлов, и пастухи стали подозревать, что в горах орудует стая волков. Но сейчас это было не суть важно. Главное было то, что вечерами я сидел на веранде своего дома, глядя на заходящее над морем солнце, пытаясь впитать его тепло своей холодной, каменной кожей и ощущал, как мир и спокойствие светлой рекой кружатся в моем сознании.

Чтобы чем-то занять себя, я постепенно наполнил дом мебелью, сделанной вручную. Почему-то особенно нравилось украшать ее поверхность тонкой резьбой. Я кропотливо вырезал на ней сюжеты из своего прошлого и из той жизни, о которой я никогда никому не рассказывал. Это приносило мне успокоение. Я даже сложил камин и разводил в нем огонь, чтобы наполнить дом уютом, садился в самодельное кресло возле него и, закрыв глаза, представлял, что вот сейчас в мой дом зайдет Учитель, и мы с ним поговорим обо всем, что меня тревожит...

Вот так, в простых ежедневных заботах, в решении простейших насущных проблем и проходило мое исцеление. Я словно попал из штормового моря в тихое озеро с прозрачной чистой водой. Такого покоя я давно не испытывал.

Но как бы я ни старался, прошлое иногда возвращалось в мою размеренную жизнь, принося тот вид воспоминаний, от которых я с удовольствием бы избавился. Чаще всего это было сожаление о потерях в Мексике. Пару лет назад, во время отчаянного штурма крепости я мог выставить только одного моего бойца против пятерых из клана Монтеги. Не было времени создавать новую армию – толпа необученных новичков могла погубить все дело. Поэтому пришлось собирать остатки уничтоженных ранее кланов. Древние, хорошо обученные бойцы, прошедшие много войн, которые шлифовали свое мастерство еще со времен фараонов, стали плечом к плечу и последовали за мной в бой. В опасном сражении многие из них закончили свое существование на этой земле. Но многие выжили и, отпраздновав победу, снова разбрелись по лику земли.

Эти жертвы были необходимы – конфликты из-за богатых территорий, перераставшие в войны, были неизбежны, и, если их тщательно не спланировать, последствия будут непоправимы. Моей прямой обязанностью было поддержание баланса между миром людей и вампиров, а так же между различными кланами бессмертных, удерживание их от взаимного уничтожения.

Как будто нам не хватало проблем с оборотнями! Вампиры всегда тяжело шли на уступки – терпение и понимание не входят в список наших добродетелей. Поэтому мне приходилось просчитывать последствия конфликтов и выбирать, кому следует проиграть в войне, а кому – победить. Отступать приходилось заставляя силой, чаще всего упрямыцы платили за это жизнью. Я уже не понимал, зачем я это делаю – нападаю, рву, уничтожаю? Неужели вечность дана для этого? Неужели я обречен на бесконечные бои, между которыми я опять и опять убиваю ради крови, которая дает мне силы снова убивать, но себе подобных? Это был безумный круг, из которого я мечтал вырваться.

Резкий звук заставил меня открыть глаза и очнуться от прослушивания мыслей и ощущений прохожих. К низкой телеге, возле которой стоял отец Поля, подбежала свора собак и стала облаивать отца мальчика. Обычный ребенок забился бы в ближайший угол или с плачем зарылся лицом в мамину юбку. Но Польш, мой любимец, нашел в прелой соломе толстую палку и бесстрашно выскочил из-под телеги, замахнувшись ею на вожака стаи, чтобы заслонить собой отца и сестру. Вожак стаи стушевался из-за такого неожиданного отпора, и собаки отступили. Палка полетела им вслед, заставляя опасливо поджать хвосты. Польш победно вскинул руки вверх и с радостным криком подпрыгнул на месте. Вот он, – перспективный, бесстрашный лидер, способный вести за собой в бой! Я с уважением посмотрел на него, на секунду наши взгляды встретились и я улыбнулся ему, видя в смысленных глазах интерес к моей персоне. Определенно талантливый парень – из него вышел бы отличный командир. Я так и видел его невероятно сильным, непобедимым, бессмертным... таким же монстром, как я.

Стоит ли бессмертие такой судьбы? Моя идеальная память услужливо предложила полный список моих «детей». Хотя я столетия назад сбился со счета, честно говоря, просто перестал его вести, перед моим внутренним взором пронеслась примерно сотня самых способных из них. Я сознательно лишал их человеческой жизни, превращая в практически неуязвимых монстров. Интересно, счастливы ли они сейчас? Я никогда не был человеком, поэтому не имел возможности о чем-то жалеть, а вот они? Ответ на этот вопрос сейчас я не получу, поэтому усилием воли прекратил этот «просмотр».

Все, с наблюдениями на сегодня покончено. И самоанализа тоже достаточно.

Я без сожаления вылил пиво на каменную мостовую и встал, размышляя о более приземленных вещах – мне нужно было разыскать толкового кузнеца.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.